БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 7

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1935

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Цена 9 руб.

Редакция «Библиографии Востока» обращается ко всем авторам и издательствам с просьбой присылать для рецензий, помещаемых в этом издании, свои книги, журналы и отдельные оттиски, в двух экземплярах, по адресу: Ленинград, В. О., Тифлисская ул., 1, Институт востоковедения Академии Наук.

The Editorial Board of the «Bibliography of the Orient» begs all authors and publishers to send their books, magazines and reprints to be reviewed in the said publication. Printed matter is to be sent in two copies to the following address: Leningrad, Tiflisskaja, 1, Institute for Oriental Studies of the Academy of Sciences.

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 7

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1935

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

BIBLIOGRAPHY OF THE ORIENT

No 7 (1934)

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Июнь 1935 г.

Непременный секретарь академик В. Волгин

Редактор издания академик А. Н. Самойлович

Технический редактор Л. А. Федоров. — Ученый корректор А. А. Мирошников

Сдано в набор 10 февраля 1935 г. — Подписано к печати 25 июня 1935 г.

164 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — 10 2/8 печ. л. — 53 400 тип. зн. в л. — Тираж 1165

Ленгорлит № 18919. — АНИ № 585. Заказ № 1267

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

А. А. Петров

ФИЛОСОФИЯ КИТАЯ В РУССКОМ БУРЖУАЗНОМ КИТАЕВЕДЕНИИ

(Критико-библиографический очерк)

ПОБЕДОНОСНОЕ движение человечества к единой социалистической культуре, воплощающееся в реальные формы культурно-научного прогресса в СССР, вызывает к жизни все новые и новые отрасли научного знания. Растет потребность в объективном исследовании в свете материалистической диалектики исторической картины философской и научной жизни народов Востока, «отсталых» и «малокультурных» с точки зрения пресловутой «европейской цивилизации». Вырастает необходимость научного установления единства процесса развития научно-философского мышления человечества, закономерно вытекающая из самой сущности социалистической культуры как грандиозного синтеза всего лучшего, что когда-либо создавалось человечеством всех классов, рас и народов.

Философия пролетариата — диалектический материализм — представляет собою важнейшую часть этой культуры и, следовательно, — на данной исторической ступени — итог, синтез философского развития человечества.

Тем не менее в анализе исторического подготовления нашего миропонимания до сих пор монопольное господство принадлежит средиземноморской и европейской философии. Когда речь идет о зарождении материалистических идей, мы говорим об античной Греции; когда мы говорим о первых проблесках диалектического мышления, мы вспоминаем древний Эфес и т. д. и т. п.

Наша эпоха требует уничтожения этого своеобразного монополизма. Лучшие представители буржуазной культуры презрительно отворачивались от восточной философии. И даже великий Гегель не мог выйти из ограниченных рамок европейского философа и в своих «Лекциях по истории философии»[1] отрицал право восточных народов на философию, указывая, что их философия есть по существу совокупность религиозных представлений. В скверных иезуитских переводах своего времени он не мог найти рациональных зерен действительного философского знания.

---

[1] Гегель. Лекции по истории философии. Сочинения, т. IX, 1932, стр. 108.

Вряд ли нужно опровергать теперь это гегелевское мнение, звучащее в унисон с ограниченностью взгляда «западно-европейского цивилизатора» на Восток, уходящей ныне в область истории вместе с классом, ее породившим. То немногое о философии Китая, чем мы располагаем в буржуазной науке Запада, даже те ничтожные, и качественно и количественно, сведения, которые мы можем почерпнуть из русского дореволюционного китаеведения, доказывают, что не только в Ионии и Афинах, в морских торговых городах-государствах античной Греции выростали крупнейшие философские умы.

На необъятных просторах феодального Китая появлялись также гениальные мыслители, создавая интереснейшие концепции с могучим охватом разнообразных проблем бытия и познания, преломляя их в иных социальных призмах, развивая их в условиях непрерывного господства феодальных общественных отношений.

Истории философии Китая как науки, как частной области истории философии вообще, еще не существует, и перед советским китаеведением стоит грандиозная задача ее создания. С этой точки зрения необходимо определить научную ценность оставшегося нам наследства от русского и западно-европейского буржуазного китаеведения, вскрыть его социально-классовые основания и установить степень возможности его научного использования. Задача настоящего очерка сводится к критическому обзору пока русской части этого наследства.

Количественная характеристика этого наследства дана П. Е. Скачковым в его «Библиографиии Китая». В разделе X «Идеологии»[1] автор указывает 279 названий отдельных изданий и журнальных статей, частично или полностью посвященных вопросам идеологий Китая. Из них 89 названий посвящено буддизму, т. е. мировоззрению, заимствованному из Индии; 18 — магометанству, евреям в Китае, христианству и шаманству. Кроме того 19 названий — это работы, написанные уже после Октябрьской революции; 36 названий — переводы с европейских языков. Наконец, после отбора из оставшегося числа общих работ по Китаю и статей, посвященных народным верованиям и другим вопросам, не имеющим отношения к собственно философии, остается 45 работ по конфуцианству, даосизму и другим направлениям философии собственно Китая, 17 из которых — переводы с китайского языка. На долю конфуцианства приходится 8 названий; на долю даосизма — 5; смешанных — 11; остальным школам и мыслителям посвящено только 4 мелких работы журнального типа. И это все за два столетия.

Не порадует читателя и качественная сторона наследства, из которого я особое внимание обращаю на категорию работ, специально посвященных различным проблемам китайской философии.

[1] П. Е. Скачков. Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальн. статей о Китае на русском яз. 1730—1930. Гос. соц. экон. изд., Москва — Ленинград, 1932, стр. 431—450.

Общее в них, преломленное в различных идеологических вариациях, лишь формально друг от друга отличающихся, — это их единая социально-классовая основа — русский капитализм, с его агрессивными устремлениями на Восток. Тезис об абсолютном превосходстве «западной цивилизации» и ее философских систем, доминирующий над всеми историческими и теоретическими конструкциями русских китаеведов, был по существу идеологическим прикрытием другого, более важного, с точки зрения русского капитализма, тезиса о необходимости экономической и политической экспансии России в Китай. Исследование идеологических явлений выполняло общую задачу дореволюционного китаеведения — «теоретически обосновать» необходимость колониальной политики и «оправдать» ее.

Классовое содержание русского китаеведения лучше всего выражал и откровеннее других писал о нем акад. В. П. Васильев. Его статьи, более публицистического, чем научного характера, были руководящими для всех буржуазных исследователей Китая и его философии в частности. Знамя русского капитализма крепко поддерживалось рукой этого русского ученого. Подчеркивая активное внедрение западноевропейского капитала в Азию и намекая на его насильственный характер, он пел хвалебные гимны отечественной буржуазии:

«Если где еще для сердца представляется отрадное явление, так это в той части Азии, в которой пришлось действовать нам, русским. Мы покончили с набегами кавказских горцев, умиротворили киргизскую степь, водворяем в ней оседлость, строим города и селения и тем соединяем в одно сплоченное русское тело лежащие за ними Туркестан, Кокан — эти Эльзас и Лотарингия, которые достались нам почти без кровопролития и за удержание которых нам нечего бояться. Прошло всего 25 лет, как мы возвратили себе Амур, явились нежданно-негаданно даже соседями Кореи, и сколько городов и селений возникло в этом заброшенном и диком до того краю. От океана до океана раздается русская речь, и непрерывный гул колоколов на этом пространстве возвещает славу божию».[1]

В этих кратких, но выразительных строках В. П. Васильева изложены итоги «былых побед», «продвижения культуры», распространения христианства. И наконец, совет на будущее:

«В нашей Азии русских теперь более, чем азиатцев, хотя во многом еще нас задерживает излишняя сентиментальность, замаскированная гуманностью. Как будто не больше гуманности в предоставлении нашим инородцам чести сделаться русскими».[2]

---

[1] В. П. Васильев. Современное положение Азии — китайский прогресс. Речь, приготовленная для прочтения на акте 1883 г. в С.-Петербургском ун—те. Приложена к отчету по СПб. ун—ту за 1882 г. СПб., 1883, стр. 1—2.

[2] Там же, стр. 2.

Указывая, что русские в противоположность европейцам идут на Восток не как завоеватели, а как «освободители» народов от «тирании, междуусобиц и бессилия», В. П. Васильев заключает:

«Не было ли бы скорее нашим преступлением пред человечеством, если бы мы отказались от предписываемых нам священных обязанностей не отказывать помогать «обиженным».[1]

«На ответственности и обязанности великих наций лежит развитие просвещения в человечестве. Распространяя его, они не обязаны очень много церемониться с варварством и невежеством».[2]

Разве не ясно, что вся культура восточных народов, в том числе и философия, могла лишь быть в глазах востоковедов-идеологов русской буржуазии образцом «варварства и невежества». Разве не к обоснованию этого положения сводилась вся публицистическая и ученая деятельность проф. В. П. Васильева?

Лучшим противоядием против всех зол восточного «варварства» было христианство. К этой точке зрения склонялись все исследователи китайской философии в капиталистической России.

Наиболее яркой и интересной в этом отношении является статья Владимира Соловьева «Китай и Европа».[3] Эту статью нельзя назвать исследовательской; ее автор не специалист-китаевед, ему были недоступны источники. Тем не менее она интересна тем, что ее можно назвать, подобно вышеупомянутым статьям В. П. Васильева, «программной» для китаеведения в период всеевропейского грабежа Китая.

Автор — философ-идеалист, в политике — монархист. «Теоретическое обоснование» активной политики России автор ведет под флагом доказательства необходимости ограждения Европы от «желтой силы». Он солидаризируется с A. Réville (La religion chinoise), который утверждает, что «низшие расы, которые она (западно-арийская раса. *А. П.*) охватывает, должны подчиниться или исчезнуть»...

Философ-идеалист Вл. Соловьев подходит к проблеме с необычной для этой категории людей в буржуазном понимании практичностью, тщательно производя военные выкладки и определяя предположительно размеры китайской армии. Но борьба с «желтой опасностью» должна вестись не только средствами насилия, и автор выдвигает идеологическое оружие, которое нужно немедленно обратить против «китайщины» и преодолеть посредством его «ограниченность и ложность» последней. Китайская культура, со всеми ее составными элементами и философией в том числе, заменяется выразительным термином «китайщина». Так автор закрывает себе какую бы то ни было возможность научного анализа и оценки философского развития Китая.

---

1 Там же, стр. 3.

2 В. П. Васильев. Открытие Китая. Из газеты «Русский дневник» за 1859 г., стр. 5.

3 Вл. Соловьев. Китай и Европа (1890). Собрание сочинений, т. VI, СПб., 1913, стр. 84—137.

Вл. Соловьев свои выводы строит на переводах Pauthier (Confucius et Mencius, les quatre livres de philosophie morale et politique de la Chine, Paris, 1841), Julien'a (Le livre de la Voie et de la Vertu, Paris, 1842), работ Plath'a (Die Religion der alten Chinesen, 1862, и Der Cultus der alten Chinesen, 1863) и С. Георгиевского «Принципы жизни Китая».

Для автора социально-политический строй китайцев всецело определяется религиозным началом,[1] а последнее уходит своими корнями в конфуцианство и даосизм. В интерпретации основных положений этих двух мировоззрений Соловьев допускает ряд существенных ошибок. Так конфуцианство и даосизм прямо отождествляются в трактовке понятий неба и земли. Конфуцианству, как и даосизму, приписывается понятие «единой безусловной потенции природы — тао», «понятие чистой потенции бытия, полярно раздвояющейся в своем космическом явлении»,[2] и этим ставится знак равенства между двумя разнородными по содержанию мировоззрениями. Силы Ян и Инь рассматриваются как «метафизические полюсы всего существующего», без учета их исторически изменяющегося значения в процессе развития философского мышления в Китае (напр., Ян и Инь в Книге Перемен, в Сицы-чжуань, у Ван Би, в сунской философии). Точно так же автор не проводит различия между конфуцианством и даосизмом по линии их отношения к «культу прошедшего», который правильно оценивается автором как основной религиозный принцип древнего Китая, как своеобразный консерватизм. Но в определении реальных корней этого «своеобразного консерватизма» автор не выходит за пределы чистого сознания.

В доказательство того, что и Лао-цзы исходил в конечном счете из «культа прошедшего», Вл. Соловьев пишет:

«Как умозрительный философ, Лао-цзы ищет абсолютного начала; он ищет его исключительно в прошедшем, — он ищет, следовательно, безусловно прошедшего, такого, которое предшествует всему существующему...», «требуется то, что всему предшествует, само не имея ничего предшествующего».[3]

Выходит, что даосизм по существу есть то же самое конфуцианство — почва и исходная точка — одни и те же — «культ прошедшего»; но этот культ развивается в даосизме умозрительно-спекулятивно, доходя в своем пределе до абсолютного. Вряд ли подобное умозаключение Вл. Соловьева может кого-либо убедить. С этой точки зрения каждый идеалист — даос, в том числе и сам автор. Абсолютный разум, дух, чистое сознание, наконец, бог, облеченный в одеяния христианской религии, на почве которой стоит и Соловьев — разве для идеали-

[1] Там же, стр. 104.
[2] Там же, стр. 98.
[3] Там же, стр. 107.

ста не абсолютно предшествуют всему существующему, предсуществуют всему действительному миру вещей?

Дао — не отрицательная сила всего существующего, как это думает автор, а сила абсолютно положительная.

Трактуемая в плане идеализма она действительно, с точки зрения даоса, есть «неопределенная потенция бытия», есть небытие, которое для идеалиста одновременно является абсолютным и единственно действительным бытием, в противоположность призрачному, нереальному миру вещей — этому бледному отблеску абсолютного.

Совершенно неудовлетворительна голословная и неверная характеристика даосизма как «принципиального обскурантизма», проповедующего «простое невежество как истинный социальный идеал».[1] Подобная оценка даосизма вытекает из неумения автора понять конкретно-историческую ситуацию, в которой зародилось это философское направление, разобраться в сложной идейной борьбе эпохи и вскрыть ее социальные основания. До сих пор еще не решен вопрос о классовой сущности древнего даосизма, но несомненно, что ключ к его решению лежит в анализе отношения даосского квиэтизма к конфуцианству с его практически-действенными принципами, освящающему феодальную эксплуатацию в рамках централизованной империи. Если вести исследование в этом направлении, то нет никаких сомнений в том, что «принципиальный обскурантизм» социальных воззрений даосизма сменился бы концепцией отрицания только определенной, исторически преходящей действительности, а не действительности вообще. При оценке даосизма как «принципиального обскурантизма» совершенно выпадает положительная его роль в развитии китайской философии, вытекавшая из его близости к природе и ее изучению. Ведь в недрах даосизма впоследствии (Хань, Сань-го) зародилась натурфилософия, эта историческая предшественница научного естествознания. Наконец, с точки зрения соловьевской оценки становится совершенно непонятным, как система проповеди «невежества» положительно влияла на развитие философского мышления в Китае вообще (напр., на Ван Би).

Иногда автор противоречит сам себе. Так Лао-цзы — идеолог «китаизма», доведенного в его системе к нелепости и саморазрушению; но, с другой стороны, этот мыслитель «по духу» и не китаец, и, возможно, корни его философии уходят в Индию. Где же истина? Здесь опять обнаруживается историческая неграмотность автора, непонимание им эпохи, в обстановке которой возникли даосизм и конфуцианство, и закономерного отражения ее в крайних проявлениях в сфере идеологии. Конфуцианство и даосизм — дети одной эпохи — крайние и противоположные ее обнаружения в мыслях. Противоположность между этими двумя

---

[1] Вл. Соловьев, Китай и Европа, стр. 110.

мировоззрениями сохраняется на всем протяжении китайской истории. Задача истории философии — вскрыть за этими идеологическими противоположностями — противоположности социальные, классовые как их реальную основу на различных ступенях развития китайского феодализма.

Также неверно освещает автор сущность и историческое развитие конфуцианства, рассматривая его как синтез «истинного китаизма», т. е. даосизма и «практических условий жизни». Вряд ли нужно доказывать отсутствие подобного «синтеза», в особенности если речь идет о периоде первоначального формирования конфуцианства в борьбе с даосизмом. Синтез и взаимопроникновение или взаимодействие в отдельных моментах — принципиально разные явления. Односторонне и неверно определение конфуцианства как системы «нравственно-практического порядка». В историческом развитии конфуцианства мы можем проследить моменты логики, теории познания, экономические принципы и т. д. и т. п. Иронией над исторической действительностью звучит утверждение автора, что Конфуций не имел в свое время успеха только потому, что феодалы не хотели свой произвол подчинить требованиям нравственного порядка.

Ошибок различного рода, доходящих до грани анекдотического, в статье Вл. Соловьева не счесть и нет надобности на этом останавливаться. Его концепция ясна и в сущности является только перепевом в несколько видоизмененной форме мотивов В. П. Васильева. Китайцы — глупы и невежественны; «мы, христиане», — умны и просвещенны; наша историческая миссия — просвещать китайцев любыми средствами — и пушками, и светом христианской проповеди. Все построено на основе тенденциозной, противоречащей истории концепции.

«Неизменно сохранять жизненный строй, полученный от предков, и передавать его грядущим поколениям, ничего не прибавляя и не убавляя — вот сущность китайской мудрости безусловно «консервативной и традиционной».[1]

«Абсолютная пустота или безразличие как умозрительный принцип и отрицание жизни, знания и прогресса как необходимо-практический вывод — вот сущность «китаизма».[2]

Отсюда и выводы о духовной бесплодности и практической бесполезности китайской культуры, которая «хороша для самих китайцев, но не дала миру ни одной великой идеи и ни одного вековечного и безусловно ценного творения ни в какой области. Китайцы — народ большой, но не великий. В этом народе не было и великих людей. Единственное исключение — Лао-цзы», но и он сводится к положению подражателя индийских мистиков.

Китайская литература в своей массе «за исключением нескольких истинно-поэтических песен и сказок, какие бывают у всех народов, даже совсем некуль-

[1] Там же, стр. 123.
[2] Там же, стр. 127.

турных», лишена всякого эстетического значения.[1] Китайская драма носит на себе следы стиля Кузьмы Пруткова... Нет художественного творчества и в китайском романе, в живописи, в музыке и т. д.

Конфуцианская философия — «проповедь умеренности и аккуратности, доходящая нередко до истин господина де-ля-Палисса».[2]

Так все китайское отрицается, подвергается сомнению, квалифицируется как ложное и негодное. История подвергается со стороны «глубокомысленного» философа самой бессовестной фальсификации. Никто, конечно, не может отрицать относительной застойности исторического процесса в Китае и развития китайской феодальной культуры в частности. Но где же все-таки прекрасные образы Танской и Сунской поэзии, большие линии китайской философии (эпоха Чжоу, Сунская философия, Ван Янмин), китайская историография, социально-реформаторские идеи типа теории Ван Аньши и т. д. и т. п.? Где же, наконец, мощное влияние китайской культуры, явившейся решающим элементом в сложении японской феодальной культуры и культуры ряда малых народов, в соприкосновение с которыми приходил Китай в течение своего длинного исторического пути?

Китай — ничто; его культура — пустота. А отсюда логически вытекает следствие о необходимости заполнения этой пустоты, культурной импотенции, непроходимой глупости, безидейного и безидеального существования (которое, как мы неожиданно узнаем, приводит китайца к опиуму, — и англичане, с их колониальной политикой, здесь не причем) — «идеей мирового прогресса и царства божия», которые только и можно найти на «иудейско-христианской почве»,[3] «идеей всемирного прогресса как пути для достижения истинной жизни».[4]

Практические средства «внедрения» «идеи всемирного прогресса», политически и экономически подкрепленной в публицистических статьях В. П. Васильева, нам хорошо известны из истории взаимоотношений полуколониального Китая и «цивилизованной» Европы.

Автор, чувствуя даже в обстановке александровской России биение революционной мысли, торопится дать программу отечественной буржуазии, построенную на «идее истинного христианского прогресса», на «идеале вселенского христианства» — отсечение от которых «равносильно полной утрате самой причины нашего исторического существования».[5]

Нуждается ли после всего этого статья Вл. Соловьева в какой-либо рекомендации для советского читателя? Крохи истины, отдельные верные замечания

---

1 Вл. Соловьев, Китай и Европа, стр. 127.
2 Там же, стр. 127.
3 Там же, стр. 134.
4 Там же, стр. 133.
5 Там же, стр. 136.

(о семье, о культе предков и др.) буквально не видны за безграмотностью и пошлостью, на фоне которых автор развивает политическо-практическую концепцию отечественного капитализма.

Антиисторичность, фальсификация истории, тенденциозно-идеалистическое освещение главных проблем китайской философии, рутина и ограниченность буржуазно-феодального, настроенного «философически» журналиста — все это соединилось воедино на протяжении нескольких десятков страниц статьи. Никакого научного значения для истории философии статья, конечно, не имеет.[1] Но она представляет значительный интерес как яркий документ своего времени. Она интересна для истории русского китаеведения, буржуазно-империалистическая суть которого нашла свое прекрасное отражение в статье не специалиста китаеведа, но виднейшего зато представителя русской черносотенной «философии».

Я очень много внимания и места уделил Вл. Соловьеву. Но зато при краткой характеристике других работ мне не придется повторять многого, что уже сказано здесь, ибо в статье Вл. Соловьева воплощен дух исследования вопросов китайской философии другими буржуазными авторами. И у них в центре — соловьевско-васильевский тезис об абсолютном ничтожестве всего китайского перед русским и европейским и вытекающие из него философские, политические и всякие иные выводы.

В старой русской китаеведной литературе с точки зрения научного интереса выгодно выделяется большая книга С. Георгиевского «Принципы жизни Китая».[2] Главы VII—XIII этой большой работы С. Георгиевского посвящены конфуцианству, обследуемому автором с различных сторон в связи с развитием китайской культуры и народных религиозных верований.

Автор исходит из верной постановки вопроса, которую он противопоставляет точке зрения В. П. Васильева, что для науки не так важен сам Конфуций, как важно конфуцианство как идеологическая система, основные и исходные принципы которой были установлены Конфуцием и его ближайшими последователями.

Историческая концепция автора — идеалистическая; он ставит своей задачей — изложить принципы, на которых основывалась вся государственная и общественная жизнь Китая.

Анализируя корни первобытных религиозных представлений, автор рассматривает философию как разрушительницу этих примитивных представлений

---

[1] Ряд недостатков и ошибок в рецензируемой статье Вл. Соловьева (тенденциозность, извращение исторической перспективы развития даосизма, неверные оценки исторической роли китайской культуры в общем и др.) были в свое время отмечены в рецензии Анны Столповской «Несколько слов по поводу статьи г. В. С. Соловьева «Китай и Европа», приложенной к ее книге «Очерк истории культуры китайского народа», изд. К. Т. Солдатенкова, Москва, 1891.

[2] Сергей Георгиевский. Принципы жизни Китая, СПб., 1888, 494 + XXI, стр.

и связанного с ними древнего «принципа жизни», и высказывает по существу совершенно верную мысль, констатируя факт прогрессивного влияния развивающегося философского мышления на всю совокупность общественно-культурных явлений древнего Китая.

С. Георгиевский дает ряд верных заключений о философской сущности даосизма; его историческое значение автор правильно видит в попытке решить на почве идеализма вопрос об источнике многообразия внешнего мира, поставить проблему соотношения бесконечного числа единичных вещей и общего, представленного в виде сверхчувственного, сверхиндивидуального, абсолютного Дао, которая в конечном счете сводится к проблеме первоначала, к вопросу о соотношении мышления и бытия.

«Лао-цзы первый из китайцев возвысился до метафизической абстракции и, идя в разрез с понятиями века, довольно определенно высказывал свои воззрения на все то, что составляет коренной интерес вообще философии — многообразие видимого мира он свел к абсолютно-единому, которое как таковое не может уже быть ни определяемо, ни анализировано человеческим мышлением».[1]

Дао, следовательно, рассматривается как трансцендентное, метафизическое, как источник всего существующего. Единичные вещи есть частные обнаружения абсолютного Дао, определяющего их бытие. Подчеркивая, что Дао одновременно и первобытная материя (мировая материя) и первосущая идея (разум), — автор подходит к пантеистическому истолкованию Дао как всеобщей природы, — а не отвлеченного, в стиле объективного идеализма, мирового духа или разума. Взгляды С. Георгиевского на даосизм, несомненно, заслуживают внимания; при оценке даосизма он исходит из правильной предпосылки, определяя его как философское направление, сделавшее впервые в Китае попытку разрешить основной вопрос философии «о бытии всего в мире существующего».

Основную часть своей работы автор посвящает конфуцианству, пользуясь при его анализе классиками в переводе Legge. К сожалению, критическое отношение к источникам отсутствует; игнорируется вопрос об исторической последовательности появления отдельных книг и аутентичности текстов. Так автор широко использует Цзя-юй — «Домашние беседы» Конфуция, подлинность которых ставится под сомнение и которые наукой относятся к III в. н. э.

По отношению к конфуцианству автор обнаруживает исторический подход, считая, что Конфуций и его последователи использовали древние формы для изложения и пропаганды конфуцианства, возникшего в эпоху Чжоу.

«Конфуций понимал, что масса враждебна всякого рода новаторству, что она поклоняется авторитетам и любит все освященное временем. В виду этого

---

[1] С. Георгиевский. Принципы жизни Китая, стр. 253.

Конфуций находил необходимым вливать свое учение в старые формы и доказывать, что все внешнеобрядовое древние правители и мудрые люди понимали в смысле новой (т. е. конфуцианской) доктрины».[1]

Тем не менее признать удовлетворительным изложение С. Георгиевским конфуцианства нельзя. Все его внимание сосредоточивается на культе предков; не делается никаких попыток вскрыть в древнем конфуцианстве гносеологические и онтологические моменты. Автор много говорит о силах Инь и Ян, не делая никаких попыток проанализировать эти важнейшие в истории китайского философского мышления категории. Без внимания остается важнейший в учении Конфуция принцип «выпрямления имен» (чжэнмин). Все свои выводы автор строит на Лунь-юй'е и Цзя-юй'е. В частности из последнего произведения, относимого фактически к III в. н. э., берется и излагается конфуцианская концепция о природе мира и человека. Совершенно не учитываются другие древне-литературные источники, в частности Книга Перемен (И-цзин) с ее многочисленными комментариями.

Автор неплохо излагает социальную философию Конфуция, хотя и здесь исходный момент — идеалистический. «Сыновнее благочестие — по мнению С. Георгиевского — есть основание культурно-социального прогресса».[2] У конфуцианства как общественной философии не оказывается реальных социальных корней. На вопрос — почему оно оказалось в Китае столь жизненным — автор отвечает, что залог успеха и жизненности его сводится к тому, что «простому народу» нравился конфуцианский консерватизм, а интеллигентному — его позитивно-философская сторона,[3] хотя содержание последней остается в книге невыясненным. Нет, конечно, ни слова о феодальном характере конфуцианской идеологии и приемлемости ее в различных вариантах для разных этапов истории китайского феодализма.

С. Георгиевский может быть в более скромных тонах, но все же отдает дань своему времени и классу. В предисловии, утверждая неизбежность столкновения Востока и Запада и учитывая развитие торговых отношений России с Китаем, он доказывает необходимость и целесообразность изучения «духовных принципов Китая». По примеру своих коллег автор вздыхает по поводу того, что Конфуций не был христианином до Христа и создавал свою «этическую философию», будучи непросвещенным «откровенным учением истинного бога».

Несмотря на обилие в книге ошибок и недостатков, она все же лучшее из того, что мы имеем в дореволюционном русском китаеведении по идеологиям Китая. Для специалистов книга не дает ничего; для читателя неспециалиста излагает предмет в общих, схематических и иногда в достаточно верных чертах.

---

[1] Там же, стр. 343.
[2] Там же, стр. 346.
[3] Там же, стр. 352.

Проф. В. П. Васильев посвящает анализу конфуцианства и даосизма специальную книгу «Религии Востока».[1] Эта книга, как указывает сам автор в предисловии, представляет собою результат многолетнего изучения китайских идеологий и написана им не только для специалистов, но и для широкой публики, незнакомой с «человеком Востока». Лучше же всего можно его узнать, как доказывает автор, по религии, так как «ничто не может так познакомить нас с человеком, как его религия».[2] А России нужно знать народ, за «просвещение» которого она берется.

Фраза «призвание России — просвещать Восток» не есть пустое выражение. Мы просвещаем «его, расширяясь в нем, и нельзя еще определить границ, где мы остановимся».[3]

«Целевая установка» проф. Васильева, таким образом, совершенно ясна. Автор и здесь верен себе в «теоретическом обосновании» русской колониальной политики, освящая своим ученым словом самые презренные махинации российского самодержавия. И путь один и единственный — христианство должно прокладывать дорогу торговцу и промышленнику. В Китае, сожалеет автор, нет религии из числа тех, которые «овладевают сердцем».[4] «Религии Востока не религии сердца, а пустого резонерства».[5] Автор презирает китайцев за отсутствие у них привязанности к храмам, к священнослужителям и т. п.

Самое отрицательное в конфуцианстве, которое определяется, с одной стороны, как религиозное мировоззрение, поскольку оно, как и всякая религия, «старается почерпнуть и свои силы и свое оправдание в древности»,[6] с другой же стороны, как «социально-политическое учение»[7] — это отсутствие в нем таких «великих идей», как идея единобожия, и отрицание «допущения обновления принципов». Истории конфуцианства, таким образом, не существует и для ученого академика. Доминирующий мотив изложения всей книги — обычный скептицизм Васильева, сделавшийся в истории китаеведения понятием нарицательным и традиционным. Он сказывается буквально везде: в суждениях о древности китайской истории, в вопросе о происхождении письменности, классической литературы и т. д. Конфуций — переписчик, «странствующий искатель приключений»,[8] «педант», навязывающий свои идеи, и т. д. В скептических и презрительно-барских тонах излагается нравственное учение конфуцианства.

---

[1] В. П. Васильев. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873, стр. 183.
[2] Там же, стр. 1.
[3] Там же, стр. 3.
[4] Там же, стр. 13.
[5] Там же, стр. 14.
[6] Там же, стр. 17.
[7] Там же, стр. 150.
[8] Там же, стр. 15.

Поверхностность суждений проф. В. П. Васильева о Китае особенно ярко выступает в характеристике даосизма. Даосизм определяется очень просто.

«Все в китайской, хотя бы даже и конфуцианской литературе, что не принадлежит к псевдосерьезным трактатам об обязанностях человека или к философским воззрениям нового конфуцианства... можно причислить к даосизму».[1]

Лао-цзы, оказывается, не имеет, по мнению В. П. Васильева, никакого отношения к даосизму и просто был использован даосами как «историческая опора» против конфуцианства. Дао-дэ-цзин представляет собою философское воплощение идей Чжуан-цзы и может быть рассматриваем как антиконфуцианское полемическое произведение, наполненное, к тому же, элементами буддизма. Поздний даосизм вообще сводится автором к буддизму и с ним отождествляется.

Книга заканчивается изложением сунской философии. Никакого научного представления ни о даосизме ни о конфуцианстве книга не дает.

Много внимания автор уделяет буддизму.

Говоря о работах проф. В. П. Васильева, нельзя пройти мимо его большой статьи «Очерк истории китайской литературы».[2] И здесь, в трактовке отдельных вопросов китайской философии есть не мало поверхностных и курьезных умозаключений автора.

Хун-фань — или Великий план — известная глава из Шу-цзин'а, в которой впервые зафиксированы проявления философского мышления в Китае — характеризуется автором как «большая чепуха».[3] Хун-фань, относимый к IX в. до н. э., имеет большое значение для истории китайской философии и естественно-научных знаний; в этом памятнике мы находим и учение о материальном мире (пять элементов или родов вещества), и основы этики, управления, экономической политики феодального государства, астрономические сведения и т. д. Несомненно, что Хун-фань — замечательный документ философского мышления эпохи раннего китайского феодализма.

Чжун-юн — тоже «чепуха».[4] Книга перемен (И-цзин) — даосского или, вообще, неконфуцианского происхождения, так как это «набор слов», а «напыщенные толкования на набор слов всего более подходят к литературе даосов».[5] Разве можно пройти мимо подобной типичной и характерной для проф. Васильева «научной» аргументации?

Конфуцианство презирается автором за то, что оно «не хочет ничего знать о религии в том смысле, как мы понимаем это слово. Оно не говорит ни о боге

[1] Там же, стр. 73.
[2] В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы, стр. 163.
[3] В. П. Васильев. Очерк..., стр. 86.
[4] Там же, стр. 108.
[5] Там же, стр. 106.

ни о загробной жизни, не разрешает вопроса об управлении мирозданием».[1] П. В. Васильеву ненавистна материалистическая тенденция сунской философии, хотя он ее ошибочно видит в абсолютно-идеалистическом принципе — тай-цзи — «Великий предел». «В новейшем конфуцианстве... и там не говорится о боге, а о материальном, хотя и беспризнанном Начале: тай-цзи».[2]

Вообще сунская философия, на основании примитивных переводов автора, представляется читателю чепухой. Пытаясь изложить главные мысли Чжоу-цзы и Чжан Цзая, автор не в состоянии уловить в них существенное и приподнять завесу над философской сущностью систем этих мыслителей. Напр., о Чжан Цзае: «в сочинении „Чжэн-мын" природу неба и земли (Чжан Цзай. *А. П.*) называет великой пустотой (взамен тай-цзи), но старается выгородить ее из буддизма и даосизма»,[3] к этому присоединяется плохо переведенная цитата — и суть философской системы считается изложенной. Таким же образом автор рассуждает и о Шао-цзы. Читатель так и не узнает, что это за «новейшая философия», о которой возвещает автор.

Достоинство статьи — в обширном библиографическом материале, но читатель, пользуясь им, должен отвлечься от его характеристики — путанной и часто неправильной с фактической и исторической точек зрения.

Такое же библиографическое значение имеют «Материалы по истории китайской литературы»,[4] представляющие собой каталог китайских ксилографов и печатных книг, имевшихся в библиотеке СПб. университета (теперь — Восточный отдел Фундаментальной библиотеки ЛГУ). Здесь указаны все конфуцианские классические книги в различных изданиях, с краткой аннотацией и с указанием авторов примечаний и комментариев, различные антологии, историческая литература и энциклопедии. Отдел даосской литературы очень беден — в нем дано только пять названий.

Заслуживают интереса некоторые аннотации библиографа. «И-цзин — гадательная книга, в которой к фигурам, составленным из линий, приставлены бессвязные фразы, и из них-то ученые умудрились вывести все метафизические, физические и моральные законы. Чунь-цю — коротенькая бессвязная летопись, в которой отыскали мистический смысл, осуждение и одобрение государственных деятелей».[5]

Собственно говоря, разобранными выше четырьмя названиями и исчерпывается список больших работ о конфуцианстве и даосизме, принадлежащих перу старых специалистов-китаеведов (В. П. Васильев, С. Георгиевский) или неспе-

[1] В. П. Васильев. Очерк..., стр. 74.
[2] Там же, стр. 74.
[3] Там же, стр. 109.
[4] В. П. Васильев. Материалы по истории китайской литературы.
[5] Там же, стр. 12.

циалистов (Вл. Соловьев), которые с той или иной точки зрения, но все же пытались осмыслить отдельные явления идеологической жизни Китая. К этому можно прибавить малоизвестную статью И. Замотайло «Конфуцианство и даосизм»,[1] представляющую собой вступительный очерк к переводу Дао-дэ цзин'а арх. Даниила Сивиллова (1828 г.), опубликованному так же, как и статья Замотайло, в «Известиях Одесского библиографического общества» за 1915 г. И. Замотайло — не китаист, о чем можно заключить из его транскрипции китайских знаков. Повидимому для того, чтобы показать китайцев перед «цивилизованной» публикой в более выгодном для них свете, автор прибегает к помощи аналогий с библейской историей; так китайские цзины — Моисеево пятикнижие, Фуси — китайский Иаков; Шу-цзин — библейские книги летописей и царств; И-цзин — Книга Судеб (Бытия). Конфуцианство и первоначальный даосизм аналогичны «фарисейству и христианству».

Сущность и историческое значение конфуцианства остаются непонятыми автором, видевшим в конфуцианстве, в котором «нет ничего духовного, спиритуалистического,[2] — учение «духовно слепое», извращающее принципы древней религии — «синизма», представление о которой можно почерпнуть из конфуцианских классических книг, отслоив в них все привнесенное конфуцианцами. Конфуцианство — течение «омертвения и застоя».[3]

Насколько глубоко понимание автором даосизма, можно заключить из того, что он даже не приходит к какому-либо определенному пониманию основного понятия этой философской системы — Дао, а просто ограничивается цитированием ряда определений — переводов европейских китаеведов, среди которых мы находим и такие переводы, как бог, вера, любовь, высший разум и т. д.

Приводится библиографический материал по даосизму и оценка этого философского направления некоторыми европейскими исследователями (Abel-Remusat, Pauthier, Ch. de-Harlez). Никакой научной ценности статья И. Замотайло не имеет.

Можно отметить, кроме того, небольшую, но довольно содержательную для своего времени, заметку «О секте даосов» П. Цветкова,[4] содержащую в себе легенду о рождении и жизни Лао-цзы, изложение этических принципов даосизма, краткую историческую справку о развитии даосизма по линии перерастания его в алхимию, магию и т. д.

---

[1] Ив. Замотайло. Конфуцианство и даосизм. Очерк. Известия Одесского библиограф. общества, 1915, т. IV, вып. 2, стр. 150—201. Перевод Сивиллова напечатан в названных Известиях за этот же год, том IV, вып. V—VI, стр. 209—245.

[2] Ив. Замотайло. Конфуцианство и даосизм..., стр. 159.

[3] Там же, стр. 170.

[4] П. Цветков, иеромонах. О секте даосов. Труды членов Российской духовной миссии, 1857, т. III, стр. 451—459.

В совершенно отдельную группу нужно выделить ряд брошюр о конфуцианстве и даосизме, издававшихся при непосредственном участии и под редакцией Л. Н. Толстого.[1] Эти брошюрки, не имеющие никакой ценности, интересны просто как документы весьма утилитарного подхода к древне-китайской философии со стороны Л. Толстого и его последователей, старавшихся найти в ней элементы толстовской философии и этики и этим подчеркнуть универсальность толстовства.

Так в статье «О сущности учения Лао Тзе»[2] Л. Толстой доказывает тождественность положения Лао-цзы, что «единственный путь, посредством которого человек соединяется с богом (так переводится тянь-небо) есть Тао, которое достигается воздержанием от всего лишнего, телесного» с мыслью, выраженной в 1-м послании Иоанна и которая лежит в основе христианства. «По учению Иоанна средство соединения с богом есть любовь. Любовь так же, как и Тао, достигается воздержанием от всего телесного, личного», Вывод — «сущность учения Лао Тзе есть та же, как и сущность учения христианского».

Так Лев Толстой ищет в даосизме, с одной стороны, свои идеи внецерковного и идеального бога, отождествленного им с всеобщей, общечеловеческой любовью, а с другой — подтверждения своих анархистских, антиинтеллектуальных и квиэтических тенденций.

В брошюре о Конфуции[3] говорится, что «хорошо управлять может только тот, кто будет стараться служить богу». Первая глава, собранная из цитат из Чжун-юн'а и Лунь-юй'я так и озаглавлена: «О боге». Бог — это небо (тянь) [Чжун-юн I, I; Лунь-юй]. Автор и редактор, приписывая конфуцианству идею монотеистического божества, и его сближают, подобно даосисму, с христианством.

Переводы, приложенные к брошюрам, сделаны с европейских переводов — (Legge и др.).

В русской китаеведной литературе нет даже сколько-нибудь удовлетворительной биографии Конфуция и Лао-цзы, в той или иной полноте излагающей их жизненный и философский путь и построенной на самостоятельном исследовании первоисточников. Можно указать только компиляцию популяризатора

---

1 П. Буланже. Жизнь и учение Конфуция. Со статьей Л. Н. Толстого «Китайское учение». 1-е изд., Москва, 1904; 2-е изд. — Москва, 1910. П. А. Буланже. Конфуций. Жизнь его и учение. Под ред. Л. Н. Толстого. Москва, 1909, 47 стр.; Москва, 1910, 30 стр. Изречения китайского мудреца Лаотзе, избранные Л. Н. Толстым. Москва, 1910, 16 стр. Лао Си. Тао-те-кинг или писание о нравственности. Под ред. Л. Н. Толстого. Перевод с кит. проф. ун-та в Киото Д. П. Кониссп. Примечаниями снабдил С. Н. Дурылин. Москва, 1913, стр. 72. То же, Вопросы философии и психологии. 1894, май, стр. 380—468.

2 Изречения китайского мудреца Лаотзе..., стр. 6.

3 П. А. Буланже. Конфуций. Жизнь его и учение. Под ред. Л. Н. Толстого, стр. 5.

К. М. Карягина «Конфуций, его жизнь и философская деятельность...[1], представляющую собой довольно подробную биографию Конфуция и краткую характеристику его учения. Компиляция составлена по европейской и русской литературе (Legge, Thornton, Pauthier, Васильев, Иакинф Бичурин и др.).

Немало места конфуцианству и даосизму уделено в общих компилятивных работах по Китаю, написанных в свое время журналистами, дипломатами и чиновниками, побывавшими в этой стране и своими книгами много способствовавшими распространению ложных представлений о Китае, его культуре и, в частности, философии. Конечно, такого рода произведения никакого отношения к науке не имеют.

Для примера можно взять хотя бы пользующуюся широкой известностью книгу русского посланника в Пекине И. Коростовца «Китайцы и их цивилизация».[2] Главы XIII и XVII этой книги, посвященные конфуцианству и даосизму, представляют собой образец китаеведческой и философской неграмотности. Отправная точка во всех выводах автора — «особенности китайской расы». Этим, напр., объясняется факт, что «конфуцианство не подверглось серьезному разбору и критике последующих поколений».[3]

Идеи Конфуция укрепились и нашли «благоприятную почву в характере и нравственных свойствах китайской нации».[4] Подобного рода «научными» объяснениями автор пользуется в широких пределах. Обрывки отдельных мыслей Конфуция даются автором без всякой связи и вне всякой логической последовательности. Свои выводы он подтверждает цитатами из различных классиков, без учета их датировки и породивших их конкретно-исторических условий (И-цзин, Лунь-юй, Ли-цзи и т. д.). Автор не дает никакого философского анализа и исторической критики, и его писание представляет собою просто несистематизированное собрание цитат из классиков, почерпнутых у Дугласа[5] и из вышерецензированной книги С. Георгиевского. С Дугласа же автор списывает понимание даосизма, трактуя его только как религию. Источник понимания термина Дао — словарь Попова и Палладия.

Повторяя мнение С. Георгиевского, что древний даосизм складывался под влиянием индийской философии, Коростовец замечает: «... Метафизическая сторона (даосизма. *А. П.*)... не отличается ни оригинальностью ни глубиною». Правда, «несостоятельность Лао-цзы, как спекулятивного философа, искупается его

---

[1] К. М. Карягин. Конфуций, его жизнь и философская деятельность (из серии «Жизнь замечательных людей». Биографический очерк, 1-е изд. 1891, 77 стр.; 2-е изд. 1897).

[2] И. Коростовец. Китайцы и их цивилизация, СПб. Предисловие помечено 1896 г., стр. 625.

[3] И. Коростовец. Китайцы..., стр. 492—493.

[4] Там же, стр. 472.

[5] R. Douglas. Confucianism and Taoism.

достоинствами, как творца китайского рационализма и настоящей необрядовой морали».[1]

Автор с радостью открывает в даосизме черты христианства и ставит поэтому Лао-цзы выше Конфуция и его «материалистических теорий». Отсюда вывод: Конфуций — расовый мыслитель, а Лао-цзы — общечеловеческий.

Судя по транскрипции, у автора нет представления о китайском языке (напр., Ле-цзы, Ван-Чан, Гу-и, Сыма-Цзин и т. д.).

Книга Коростовца — неинтересная и безграмотная компиляция из малоавторитетных источников плюс личные наблюдения, поверхностные и обывательские.

Я уже указывал, что отдельным китайским мыслителям и школам, кроме Конфуция и Лао-цзы, в русской дореволюционной литературе по Китаю было посвящено только четыре работы, что вполне основательно приводило широкие круги читателей к заключению, что конфуцианством и даосизмом исчерпывается идеологическая жизнь Китая, а история китайской философии и есть история этих двух направлений. Так, о Мэн-цзы, крупнейшем идеологе древнего китайского феодализма, преломившем ранние конфуцианские идеи в новой исторической обстановке его эпохи и оставившем потомству богатое по содержанию и глубине мысли сочинение, написаны буквально строки: 1) Мын Дзы. Китайский философ. Азиатский вестник, 1826, январь, стр. 15—21, и 2) Мын Цзы (краткий биографический очерк). Китайский благовестник, 1913, № 8.

Уже дата первой из названных анонимных заметок говорит о том, что она утратила для нас научное значение. Это краткая биографическая справка с освещением значения мыслителя среди классиков конфуцианской мысли. Подчеркивается полемический талант Мэн-цзы, возвышающий его над Конфуцием.

Нужно указать, что отсутствие исследований о Мэн-цзы в известной степени возмещается переводом его произведения, сделанным П. С. Поповым.[2]

О Моди или Мо-цзы, тоже выдающемся мыслителе древности, кроме упоминания его в общих работах по Китаю (качество которых было охарактеризовано выше), мы имеем только одну специально ему посвященную статью.[3] Автор — П. А. Буланже; редактор — Л. Н. Толстой. Переводу с неуказанного европейского источника текста из Мо-цзы предпослано толстовского содержания предисловие, приписывающее мыслителю монотеизм и открытие им «божеского начала» в человеке. «Всеобщая любовь» Мо-цзы должна привести

[1] И. Коростовец. Китайцы . . ., стр. 501.

[2] П. С. Попов. Китайский философ Мэнцзы. Перевод с китайского, снабженный примечаниями, СПб., 1904, V + 262 стр.

[3] П. А. Буланже. Замечательные мыслители всех времен и народов. Мити — китайский философ. Учение о всеобщей любви. Под ред. Л. Н. Толстого Москва, 1910, 16 стр.; Москва, 1911, 32 стр.

человечество к «царству божию». Здесь дело обстоит так же, как и с Конфуцием, и с Лао-цзы — все они превращаются в толстовцев-монотеистов.[1]

Школе Фа (юристов или легистов), вернее, главному его представителю, посвящена книга А. И. Иванова.[2]

Книга включает в себя обширное введение, перевод текста Хань Фэй-цзы и самый текст в отдельных фрагментах с именным и предметным указателями. Автор — специалист-китаевед и, конечно, должен чувствовать несравненно больше ответственности за свои выводы, чем любой из вышеупоминаемых авторов (исключая, конечно, проф. Васильева и С. Георгиевского). Но этого, к сожалению, мы не наблюдаем.

Введение, построенное на данных русской и европейской научной литературы (W. Grube, Giles, Forke, Васильев) и изобилующее ошибками, претендует на историко-философский и оценочный характер. Отправной пункт, сразу закрывающий для автора путь действительного научного исследования — «поразительное отсутствие» у китайцев творческой силы воображения в области трех наиболее мощных выражений сущности человеческого духа—поэзии, религии и философии».[3]

Общая картина истории китайской философии автору была, к сожалению, неизвестна. Об этом, напр., свидетельствует такое заявление: «в последующие века (после династии Чжоу. *А. П.*) Китай, повидимому (!!!), не имел ни одного самостоятельного философа за исключением скептика и материалиста Ван Чуна. Система так наз. натурфилософии, возникшей уже в XI в. по Р. Х., не являясь сама по себе самостоятельной, сохранила свое влияние и до настоящего времени; бесчисленные же сочинения, появившиеся в Китае за столь продолжительный период, в большинстве случаев — компиляции или комментарии».[4]

Так философское развитие Китая, по мнению автора, кончается в эпоху, когда создаются древнее конфуцианство и даосизм. Где же даосы китайского сред-

---

[1] В 1928 г. в «Известиях Юридического факультета» в Харбине (том V, стр. 201—213) напечатана статья Е. М. Чепурковского «Соперник Конфуция» (Библиографическая заметка о философе Мо-цзы и об объективном изучении народных воззрений Китая). Ничего нового по сравнению с европейской и китайской научной литературой заметка не дает. В согласии с проф. Ху Ши (см. его «Историю китайской философии в больших линиях») Мо-цзы характеризуется как логик, основоположник логики в Китае. Учение Мо-цзы изложено по переводу Forke (A. Forke. Mê-Ti, des Sozialethikers und seiner Schüler philosophische Werke, Berlin, 1922). Есть перечень изданий Мо-цзы и указаны европейские авторы, изучавшие Мо-цзы и его философию. Историческая справка со схемой истории Китая — примитивно-идеалистической и плоской — увенчивается «прогнозом», что центр истории передвигается к Тихому океану и что китайский народ, в связи с предстоящей ему ролью в истории, «обратится (на ряду с хорошим в конфуцианстве) к общечеловеческим устоям государственной жизни великого Мо-цзы....» (стр. 213). Бедный китайский народ! Вряд ли трудовой Китай согласен с проф. Чепурковским!

[2] А. И. Иванов. Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. Перевод. СПб., 1912, стр. 354 + XXXVI.

[3] Там же, стр. III.

[4] Там же, стр. III — IV.

невековья, Ван Би, сунская философия, Ван Янмин и т. д., где же историческое развитие древних философских систем, и в особенности даосизма? Автор обнаруживает непонимание сущности комментариев, в которых комментаторы, истолковывая древние тексты, неизбежно вкладывали в них новое содержание, обусловливаемое историческим развитием (пусть даже очень медленным) феодального Китая. Для этого достаточно сопоставить трактовки классических книг различными комментаторами в разные эпохи.

Ведь факт, что такой большой мыслитель, как Ван Би, вырос именно из комментариев на И-цзин и Дао-дэ-цзин. То же самое относится и к сунским философам. Как в комментариях, так и в самостоятельных трактатах они излагали новые и оригинальные мысли, больше того — теории глубочайшего натурфилософского содержания, полная оценка которых еще не дана в науке.

В другой форме, но по существу и А. И. Иванов отрицал существование философии в Китае.

Автор дает совершенно не обоснованную им и неверную оценку Конфуция, указывая, что «... сам Конфуций не был ни создателем политического учения ни религиозным реформатором; это был моралист, провозгласивший впервые в Китае принцип: «познай самого себя».[1] Конфуций был и моралистом, но в рамках определенной феодально-политической доктрины. По А. И. Иванову, он — крайний субъективист. Мы хорошо знаем, что Конфуций в своих исканиях всегда приходил к идеализированной им самим, древности, учил о древнем идеальном государстве, облекая в эту форму протест против фактического состояния феодального общества в его эпоху. А. И. Иванов, в противовес историческим фактам — иного мнения. «...Объективный порядок окружающих явлений представляется ему (Конфуцию. *А. П.*) не только неизменным и необходимым, но и благим». Аргументированного обоснования такой «оригинальной» точки зрения автор не дает.

В вопросе о роли личности в конфуцианстве автор противоречит сам себе. На стр. VI — VII «роль личности... роль сознания (в конфуцианстве *А. П.*) строго пассивные, а не творческие». На стр. XXIX оказывается, что личность в конфуцианском учении ставится на первый план. Если верно первое положение, то где грань между конфуцианством и даосизмом в этом отношении?

Автор не понимает принципа «выпрямления имен» и известную цитату из Лунь-юй'я «государь должен быть государем и т. д. ...» приводит в доказательство только любви конфуцианцев к патриархальности. Так и остается непонятным, почему по мнению автора основной мотив конфуцианства — «снисходительность», которую Конфуций и имел в виду, когда сказал: «путь мой объемлется единым».[2]

---

[1] Иванов. Материалы..., стр. V — VI.

[2] Лунь-юй, гл. XV, § 23,2.

В определении основных принципов даосизма А. И. Иванов подходит к правильной точке зрения. Так, принцип увэй — «недеяния» не может, по его мнению, рассматриваться как проповедь квиэтизма. «Проникновение и постижение природы вещей не обозначают собою пассивного состояния субъекта; они, наоборот, требуют только согласования деятельности с дао, отрицая нарушение пути последнего».[1]

Преобладающая часть введения посвящена школе Фа и отдельным ее представителям, в теориях которых автор вскрывает элементы экономической мысли (о собственности, о налогах, о монополиях и т. д.).

Книга дает материал и указания источников по основам государственного права, по вопросам происхождения государства и правовых норм для школы Фа, конфуцианства и даосизма.

Работа А. И. Иванова, в общем, должна быть признана слабой и никак не отвечающей требованиям историко-философского исследования.

Философии Сунской эпохи, представленной в трактатах целой плеяды выдающихся мыслителей, богатейшей по содержанию и объему и отраженной во всех формах проявления китайской культуры, в русском китаеведении специально посвящена только одна работа. Это обширная, малоизвестная статья Н. Зоммера. «Об основаниях новой китайской философии».[2]

Восьмидесятилетний возраст статьи сам по себе говорит за то, что она сохранила только историческое значение как документ для истории изучения китайской философии в России. Этим же обстоятельством, конечно, объясняется доверие автора к традиции и изложение им преданий как достоверного материала. Ко времени Фуси автор относит 64 гуа и начало философского мышления в Китае вообще. Нет, конечно, и тени социологического анализа и историчности в рассмотрении идеологических явлений. Философией Конфуция считается материал всего четверокнижия, без учета действительной истории отдельных книг и их разновременного происхождения. Не имеет автор и представления о философии и ее предмете; в состав философии на равноценных основаниях входят: «объяснения обрядов, жертвоприношений, правил домашнего благоустройства».[3]

Подробно излагаются философские воззрения сунских философов — онтологические концепции и кодекс морали и нравственности. Рассматривая проблемы в философском аспекте, Н. Зоммер верно намечает границы проблематики сунской философии — метафизику, физику, нравственность и связывает ее с древним конфуцианством.

---

[1] Иванов. Материалы . . . , стр. LXXX.

[2] Н. Зоммер. Об основаниях новой китайской философии. Ученые записки Казанского университета за 1851 г., I, стр. 109—177. Рукопись статьи хранится в Ин-те востоковедения Акад. Наук СССР.

[3] Н. Зоммер, назв. соч., стр. 122.

И Зоммер, в общем, серьезный исследователь, тоже не упускает случая отметить, что «новая китайская философия» «не вызвышается до идеи божества, существовавшей в древней философии; но заблуждения ума человеческого заслуживают не порицания, а сожаления».[1] «Философские понятия (у сунских философов. *А. П.*) чисто атеистические»,[2] — с горечью констатирует автор.

Необходимо особенно подчеркнуть, что Н. Зоммер, современник В. П. Васильева, по своим взглядам на Китай, его историю и культуру — полная противоположность скептически настроенному академику и стоит несравненно выше последнего. Н. Зоммер призывает «поосновательнее вникать в рассмотрение Китая, достойного по своей древнейшей цивилизации полного внимания всякого образованного человека».[3]

Статья Н. Зоммера — единственная в русском китаеведении работа по сунской философии, построенная на источниках, с большим библиографическим материалом (критическая библиография старых переводов классических книг, китайских источников и европейских работ), несомненно заслуживает внимания; она, конечно, при учете ее возраста, интересна и для учащегося и для научного работника-специалиста.

Из русских переводов китайских классиков, кроме вышеуказанного перевода П. С. Попова «Мэнцзы», можно указать еще только один перевод «Луньюй'я», принадлежащий этому же переводчику.[4] Не ставя перед собой задачи в данной статье подвергать детальному рецензированию переводы, я должен только указать, что действительное и полноценное представление об этих двух классических книгах можно получить при одновременном пользовании и переводом и китайским текстом. Остальные переводы, указанные в библиографии П. Е. Скачкова никакой научной ценности не имеют (Да-сюэ и Чжун-юн — Алексея Леонтьева, 1780—84 гг.; Дао-дэ-цзин — Richard Конисси, 1894 и др.).

Положение философской мысли в Китае на протяжении семи веков его исторической жизни после династии Сун не нашло никакого отражения в русском китаеведении.

Рецензированными мною книгами и статьями исчерпывается список работ по вопросам идеологии Китая, заслуживающим внимания, и то больше не для исследователя истории философии, а для историка русского китаеведения, который найдет в них прекрасное отражение классовой сущности русской дореволюционной науки о Китае.

---

[1] Н. Зоммер. Об основаниях новой китайскнй философии., стр. 120.

[2] Там же стр. 140.

[3] Там же, стр. 167.

[4] П. С. Попов. Изречения, Конфуция, учеников его и других лиц. Пер. с китайского с примечаниями. СПб., 1910 X + 126 + IV стр.

Но этот список не исчерпывает всего написанного по китайской философии на русском языке. По вопросам конфуцианства и даосизма было написано в свое время немало мелких статей и заметок справочного и биографического порядка, разбросанных по журналам и другим периодическим изданиям. Ничего нового в смысле углубления наших знаний в области изучения идеологических явлений в Китае они не дают, они не блещут ни полнотою материала, ни оригинальностью мысли. Перечень этих мелких статей читатель найдет в «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова (стр. 442—450).[1]

Подводя итоги рецензированию, мы можем найти немало общих моментов в разобранных выше книгах и статьях, в свете которых станет ясной вся картина развития русского буржуазного китаеведения в области изучения идеологии и его единая классовая сущность.

Вот общие, присущие в различной степени всем рецензированным работам характерные черты:

1. Руководящей в исследовании проблем китайской философии точкой зрения является концепция абсолютного превосходства западных культур, философии и религиозных представлений над всем многообразием идеологической жизни Китая.

2. В сопоставлениях и попытках провести исторические параллели между Востоком и Западом все преимущество последнего усматривается в христианстве, в монотеистической религии как основе и цементирующем элементе западных культур. Так, концепция превосходства всего западного исходит и строится на апологии христианства. Китайские идеологии как в их философском плане, так и в их модификациях в народных верованиях осуждаются как нехристианские, не «освященные идеей единого божества». Для характеристики ограниченности и теоретической узости русских авторов интересно отметить факт, что при исследовании философских систем Китая совершенно не привлекается материал западноевропейской философии, на отождествление которой с христианством вряд ли бы решился даже Вл. Соловьев, и не делается никаких попыток установления общих линий в философии Запада и Китая.

3. Тезис об абсолютном превосходстве западных идеологий и апологетика христианства — не самодовлеющие явления. Это лишь теоретические прикрытия для утверждения и обоснования другого, практически более важного с точки зрения русского капитализма, тезиса о необходимости экономического и политического внедрения России в Китай, которое осуществлялось под флагом распространения «христианского просвещения» и «западной цивилизации» на Востоке,

[1] Так как я ставлю своей задачей оценку написанного по истории китайской философии в России до революции, то я опускаю все написанное уже после революции; также опускаются работы и статьи, переведенные с европейских языков.

и что так хорошо и предельно откровенно выражено в литературно-научной деятельности проф. В. П. Васильева.

Таким образом и та область русского китаеведения, которая занималась вопросами идеологии, представляла собою лишь часть всего китаеведения — этой практической науки русской феодально-промышленной буржуазии, утверждавшей необходимость колониального разбоя и облекавшая его в «красивые одеяния» «просветительско-христианской деятельности».

4. Уже из вышесказанного вытекает, что во всех работах исследование не выходит за пределы идеалистической интерпретации философских вопросов, за пределы чистого самосознания как самодовлеющего фактора. Ясно, что никаких попыток анализа социальных оснований китайской философии, попыток установления связи развития философских идей с ростом в Китае естественно-научных знаний и культуры в целом — и не может быть в рецензированных книгах и статьях.

5. Но даже и в плане идеалистической интерпретации философский анализ как правило отсутствует. Моменты логики, гносеологии, онтологии или даются в разрозненно-отрывочных сведениях или отсутствуют вообще, и главными объектами рассмотрения у авторов выступают этические проблемы, вопросы социальные, государственно-правовые и т. д. Ни один автор не дает единого социального и логического анализа конфуцианства или даосизма, а ведь только этим путем и можно показать философскую систему в единстве и многообразии всех сторон и моментов.

Для целей действительно научного исследования истории китайской философии все написанное представителями русского буржуазного китаеведения не имеет никакой теоретической и практической значимости.

И разве могла в условиях захватнически-колониальной политики царского правительства русская буржуазия даже с минимально-возможной в рамках буржуазной науки научной объективностью (и при этом на определенной ступени развития буржуазного общества) подойти к изучению философских систем Китая, с которыми она должна была бороться, для того чтобы облегчать свой путь грабежа и разбоя?

Между научным представлением об историческом развитии китайской философии и тем скудоумием и бедностью материала, которые наполняют работы дореволюционных исследователей, лежит целая пропасть. Заполнить эту пропасть сможет совершенно наново создаваемая наука, на пути у которой трудное дело исследования китайских исторических и философских текстов-источников, содержание которых должно и может быть вскрыто только методом единственно научной методологии — методом диалектического материализма.

Ленинград.
24 марта 1934 г.

К. К. Флуг

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КИТАЯ

ПЕРИОД ИНЬ-ШАН

Основной задачей настоящей статьи, не претендующей на исчерпывающее значение и не затрагивающей, в виду ограниченности исторического материала, многих вопросов, ключ к решению которых могут дать лишь недавно начавшиеся систематические археологические изыскания, является выяснение и систематизация материалов, могущих послужить основой для изучения Китая эпохи Инь, его истории, экономической структуры, социальной организации, материальной культуры и других вопросов, до сих пор исследованных крайне недостаточно.[1]

Главнейшими источниками для изучения этого периода являются древние литературные памятники, надписи на бронзовых сосудах и оружии и известные надписи на костях, открытых в конце XIX в. в Хэнани.

Признавая необходимость строгого контроля и осторожности при пользовании данными китайской исторической традиции, нельзя в то же время согласиться с взглядами некоторых синологов, полностью отрицающих подлинность древней литературы Китая и не признающих несомненных положительных результатов, достигнутых работами китайцев в области филологической критики текстов.[2]

Исследователь, придерживающийся подобных взглядов, рискует потерять под собой почву и все его теоретические построения могут оказаться лишенными твердого основания.

Говоря о Шу цзине как об одном из источников, наиболее близких по времени составления к периоду Инь, необходимо проводить строгое разграничение

---

1 В виду того, что со времени сдачи автором в печать данного обзора прошло около двух лет в нем не использован целый ряд важных работ по истории Китая периода Инь-Шан (см. перечень части их в Quarterly Bulletin of Chinese Bibliography, I, № 82, 74—75), появившихся в Китае за последнее время. В 1935 г. вышла работа Ю. Бунакова «Гадательные кости из Хэнани (Китай)» содержащая очерк их истории и проблематики в связи с коллекцией костей И-та книги, документа, письма Академии Наук СССР. Книга снабжена полной библиографией литературы о подписях на европейских, китайском и японском языках.

2 Granet, например, говорит: «Toute l'histoire de la Chine ancienne repose sur un système de faux à la fois ingénus et savants. Pour le moment, nous ne disposons d'aucun procédé de filtrage et il peut sembler que, réduite à ses propres ressources, la critique philologique doive aboutir à des résultats négatifs» (La civilisation chinoise, 65). Скептическое отношение Granet к достоверности древних памятников письменности простирается, повидимому, и к ценнейшим документам, подлинность которых в настоящее время не оспаривается уже никем, — к надписям на хэнаньских костях. Только этим, вероятно, и можно объяснить то обстоятельство, что в своей работе он не нашел практического применения этим важнейшим материалам.

между версией, бывшей известною при Хань и сохранившейся в цитатах у Сы ма Цяня, и так называемым «древним текстом» традиционного Шу цзина, который является, как известно, неподлинным и относится к концу III или началу IV в. н. э. Дата составления пяти глав Шу цзина (Тан шэ, Пань гэн, Гао цзун юн жи, Си бо кань Ли, Вэй цзы), говорящих о периоде Инь и частично сохранившихся в цитатах Ши цзи, относится по всему вероятию ко времени не ранее начала первого тысячелетия до н. э., когда изустные предания Иньской династии были записаны ее потомками, князьями Сун. К сожалению, по признанию наиболее выдающихся и авторитетных знатоков древней китайской литературы, значительная часть текста является в настоящее время непонятной, что объясняется изменениями, происшедшими в значениях слов, и употреблением «готовых» или слитных выражений (чэн юй), смысл который нам недоступен.[1] То же самое, хотя и в меньшей мере, касается и другого источника, Ши цзина, дающего некоторый материал для изучения данной эпохи. Ритуальные гимны и песнопения, которые входят в отдел Ши цзина, называемый Шан сун, также составлены в позднейшее время в княжестве Сун.[2] Глава из Ши цзи, посвященная Инь и хорошо известная благодаря переводу Chavannes, состоит почти исключительно из генеалогических данных об Иньской династии, дополненных легендами о последнем иньском государе и цитатами из аутентичного текста Шу цзина, благодаря которым, главным образом, она и представляет важность. Что касается Чжу шу цзи нянь («Анналы, написанные на бамбуке»), то их значение как исторического материала, хотя и очень ограниченного по своему объему, весьма велико. Ни Бань Гу ни Сы ма Цянь не могли использовать Чжу шу цзи нянь, так как, они стали известны только в 281 г. н. э., когда вместе с некоторыми другими книгами Анналы были найдены в могиле князя Вэй при обстоятельствах, не внушающих сомнений в подлинности находки.[3] При Сунах текст Чжу шу цзи нянь был утерян; версия же, известная в настоящее время по переводам Biot и Legge, представляет собой неподлинный, назаслуживающий особого доверия текст и относится, вероятно, к минскому периоду. Подлинный текст известен по цитатам, сохранившимся в некоторых сочинениях до-сунского периода и собранным воедино цинским 朱右曾 Чжу Ю цэном под заглавием 汲冢紀年存眞 Цзи чжун цзи нянь цунь чжэнь. Работа Чжу Ю цэна была дополнена Ван Го вэем и вошла в собрание его сочинений под названием 古本竹

---

[1] См. Ван Го вэй, собр. соч., 1-я серия, I, цз. 1, 5 v., и цз. 2, 1 r.—4 v. Критику текста Шу цзина см. у Pelliot, Le Chou king en caractères anciens et le Chang chou che wen (Mémoires concernant l'Asie orientale, t. II. 1919),

[2] См. 說商頌 Шо Шан сун, Ван Го вэй, id., цз. 2, 16 r.—18 v.

[3] Chavannes, Mémoires historiques, V, app. I, и 晉書 Цзинь шу, цз. 51, 24 v. и сл.

書紀年輯校 Гу бэнь чжу шу цзи нянь цзи цзяо.[1] Таким образом, привлекая Чжу шу цзи нянь в качестве источника, нельзя упускать из вида выше сказанное и строго разграничивать оба текста во избежание возможности возникновения сомнений в правильности выводов, основываемых на малодостоверном источнике.[2] Нельзя также пренебрегать и утверждать полную недостоверность тех сведений, которые заключаются в Шань хай цзине, Чу цы (глава Тянь вэнь) и в написанных в более позднее время Мо цзы, Люй ши чунь цю, Хуай нань цзы, Янь ши чунь цю и др., поскольку некоторые из имеющихся в них данных относительно эпохи Инь находят себе подтверждение в надписях на хэнаньских костях.

Надписи на древних предметах из бронзы также могут послужить материалом при изучении данной эпохи, несмотря на их лаконичность и затруднительность установления точной даты.[3]

За последнее тысячелетие общее число предметов из бронзы, датируемых периодом Шан-Чжоу, постоянно возрастает. Увеличение это происходит за счет находок предметов, большая часть которых была закопана в землю или брошена в реки при Цинь Ши хуан ди в III в. до н. э. За последнее столетие много редчайших бронзовых вещей было открыто в южной части Чжили и на северо-западе Хэнани. Содержание наибольшей части надписей на бронзовых предметах указывает, что последние изготовлялись в качестве знаков отличия, награды, или же для увековечения памяти какого-нибудь события. В Китае существует огромная литература, связанная как с вопросами стиля и развития письменности на основе изучения этих надписей, так и с вопросами их расшифровки и изучения данных, бросающих свет на некоторые стороны жизни древнего Китая. Не имея возможности дать в пределах небольшой статьи подробную библиографию китайских работ, касающихся древней бронзы, отметим лишь наиболее важные из них, начиная с сунского периода, во время которого изучение бронзы достигло высокой степени совершенства благодаря трудам многочисленных ученых — коллекционеров, археологов и палеографов.

Первой работой, содержащей описание древней бронзы, была 考古圖 Као гу ту, составленная 呂大臨 Люй Да линем в конце XI в. (см. Сы ку

---

1 Собр. соч., 3-я сер., I, 1r.—19 v. Предисловие к нему помещено отдельно в 1-й сер., II, хоу бянь, 16v.—17 r. Комментарии Ван Го вэя на современный текст Анналов, написанных на бамбуке, с указанием мест, подлинность которых подтверждается цитатами из старых сочинений, называются 今本竹書紀年疏證 Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь шу чжэн и входят в 3-ю сер., II.

2 Так, напр., Иолк не упоминает, какой из двух версий Анналов, написанных на бамбуке, он пользовался для своей работы «К вопросу об основах общественного строя древнего Китая» (Проблемы Китая, № 2, 1930).

3 Первые предметы из бронзы, имеющие точные даты с обозначением «нянь хао», появляются только к периоду Зап. Хань.

цюань шу цзун му, цз. 115, 1 v.). Другая известная работа написана 王黼 Ван Фу и носит название 宣和博古圖 Сюань хэ бо гу ту. Она заключает в себе описание и воспроизведение образцов бронзы из коллекции сунских императоров.[1] Не менее важным изданием является каталог коллекций цинского императора Цянь луна, составленный комиссией и вышедший в 1740 г. под названием 欽定西清古鑑. Цинь дин си цин гу цзянь; дополнением к нему служит изданный несколько позднее Си цин сюй цзянь. Среди позднейших работ необходимо отметить 積古齋鐘鼎彝器款識 Цзи гу чжай чжун дин и ци куань чжи (1804), содержащую текст 560 надписей на древней бронзе, из которых 169 относится к периоду Инь. Автором этой работы является известный Юань Юань, чье имя и выдающаяся эрудиция в области археологии гарантируют подлинность воспроизводимых им образцов бронзы. В 1822 г. Фын Юнь пэном было составлено 金石索 Цзинь ши со с прекрасными иллюстрациями, делающими это издание ценным до сего времени. Особенно же большую важность представляет работа Ван Го вэя по расшифровке и комментариям к надписям на древней бронзе 觀堂古金文考釋 Гуань тан гу цзинь вэнь као ши (собр. соч., 1-я сер., VI), благодаря которой облегчается понимание других надписей на бронзе и становится возможным исправление ошибок, допущенных в работах немногих европейских ученых, пытавшихся давать их переводы.[2] Среди европейских изданий, воспроизводящих бронзу древнего периода, наиболее известны монография W. Perceval Yetts, Chinese Bronzes (1925); Voretzch, Altchinesische Bronzen (1924) с воспроизведением многочисленных предметов из китайских императорских коллекций, Tchou Tö yi, Bronzes antiques de la Chine appartenant à C. T. Loo с примечаниями и предисловием проф. P. Pelliot (1924) и Sirén, Histoire des arts anciens de la Chine (1929).

Особую важность в качестве материала для изучения периода Инь представляют надписи на хэнаньских костях, имеющие большую ценность не только как древнейшие памятники письменности, позволяющие проследить эволюцию графических форм иероглифов, но и как важнейшие документы, проливающие свет на историю и экономику древнего Китая. Сравнительно совсем недавно, период Инь считался в лучшем случае полулегендарным, а данные некоторых китайских источников, касающихся его, являлись в глазах многих синологов продуктами специфической «китайской традиции» нисколько не заслуживающей

---

[1] Составлена после 5-го года «Сюань хэ» (1123), а не в 1107, как значится у Sirén, Histoire des arts anciens de la Chine, 34. См. Wang Kuo wei, Archaeology in the Sung dynasty (The China journal, VI, № 5, 224).

[2] Chalfant, Early Chinese writing (1906); Petrucci, L'épigraphie des bronzes rituels de la Chine ancienne (J. A., 1916, I, 1—71); Wieger, Caractères chinois (1924), 361—452. См. Pelliot, L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo wei, T'oung Pao, tir. à part, 157.

серьезного отношения.[1] Надписи из Хэнани документально подтверждают многие данные китайских источников, в некоторых случаях их исправляя. Значение находок в Хэнани настолько велико, что на истории открытия костей с надписями и их изучения следует остановиться подробнее, тем более, что еще до сих пор важное значение находки как подлинного документа Иньской эпохи оценено не всеми.[2]

В 1899 г. в местности, находящейся в 5 китайских ли к северо-востоку от города 彰德府 Чжан дэ фу (Хэнань) и носящей название 小屯 Сяо тунь, крестьяне обнаружили в земле, размытой рекой 洹 Юань, несколько тысяч костей животных, щитов черепах, раковин, обломков глиняной посуды и других предметов.[3]

Кости, сохранившиеся очень хорошо благодаря особым свойствам лёссовой почвы, состояли главным образом из костей быков, лошадей, оленей, свиней и щитов черепах.[4] Имевшиеся на них надписи были начертаны каким-то острым предметом, вероятно ножом,[5] и состояли в большинстве случаев из вопросов

[1] Вспомним, напр., Kingsmill, высказывавшего предположения о связи имен некоторых личностей Иньской эпохи, которые он считал за мифические, с китайской схемой космогонии и мифами о солнце, руководствуясь при этом вычитанными из словарей значениями иероглифов, вошедших в эти имена: «As they are to be found in any good dictionary». The mythical origin of the Chou dynasty (JNCBRAS, VII, 1871—72,142).

[2] Так Wilhelm в его A short history of Chinese civilisation (1929), 52, говоря о костях, ограничивается только следующим: «their varied inscriptions are of great cultural interest». Подлинность предметов, найденных в Хэнани признается в настоящее время всеми, за исключением одного, кажется, Granet, высказавшего в довольно осторожной форме сомнение как в подлинности костей, так и в реальности существования самой Иньской династии: «Ainsi si la découverte des os de Honan ne prouve point la réalité de la dynastie, elle semble du moins attester la valeur relativement ancienne des traditions historiques relatives aux listes des régnes (op. cit., 68). Hopkins (JRAS, 1911) высказывал сперва предположение о принадлежности надписей к периоду Чжоу, но впоследствии отказался от него (ср. JRAS, 1917, 69). Не знаю, отказалась ли Bernhardi от своего необоснованного мнения о том, что: «many of these bones are simply the copybooks of the younger generation of priest learning the sacred art of writing» (см. Couling, Oracle bones from Honan, JNCBRAS, XLV). Не подвергая сомнению подлинности находок в целом, можно лишь допускать возможность того, что среди них иногда попадаются подделки, появившиеся после первых раскопок. В частности, такими подделками Pelliot (T'oung Pao, XXII, 7) считает предметы, опубликованные Hopkins в JRAS, Iuly — October, 1913.

[3] Мне ничего неизвестно о «щитках черепахи и свиных костях с вырезанными на них знаками, обнаруженных впервые в 1872 г, в д. Ань-ян» (Иолк, Проблемы Китая, № 2, 122, прим. II) Если эта дата не является типографской ошибкой, то может быть здесь по недоразумению имеется в виду найденный, вернее, купленный около этого же времени Bushell в Пекине, а не в Аньяне, сосуд из чистой меди с надписью в 538 знаков, которую перевели Parker и Hoang.

[4] Описание их внешнего вида и фотографии у Gotō, Study on the Chinese ancient characters carved on «tortoise shells» (Tōyō-gakuhō, IV, no 1).

[5] Как уже указал Pelliot (T'oung Pao, XXII, 318) нет никаких данных, свидетельствующих о существовании в то время слова 聿 юй, под которым Karlgren понимает «a stylus with which symbols were incised in bone, tortoise shell and wood» (Sound and symbol in Chinese, 46, 62). Нам ничего неизвестно и об употреблении стиля для начертания знаков на деревянных дощечках, так как обычно предполагается, что для этой цели служили лак и заостренная палочка из бамбука.

и ответов на гадание, производившиеся при помощи трещин, образовывавшихся на поверхности костей и щитах черепах от огня, над которым их помещали. Трещины эти интерпретировались в зависимости от их сходства с иероглифами, причем ответы на вопросы записывались на костях лицом, производившим гадание.

Подробности о технике гадания изложены в статье Chavannes, La divination par l'écaille de tortue dans la haute antiquité chinoise (J. A. XVII, 1911, 127—137), использовавшего для этого работу Ло Чжэнь юя Инь шан чжэн бу вэнь цзы као (1910).[1]

Большая часть костей из Хэнани попала в руки некоего 王懿榮 Ван И жуна, продавшего их в 1901 г. 劉鶚 Лю Э. Более тысячи экземпляров костей с надписями было опубликовано последним в 鐵雲藏龜 Те юнь цан гуй, изданном в 1903 г.[2]

Большие коллекции костей, в составлении которых принимал участие Chalfant, находятся в Британском музее, в Шотландском музее (Edinburgh), Музее Carnegie (Pittsburgh, USA), Музее RAS в Шанхае и др. Снимки с части коллекций Chalfant опубликованы им в Early Chinese writing (Memoirs of the Carnegie Museum, IV, 1906, n° 1). Коллекции Ло Чжэнь юя воспроизведены в 殷虛書契前編 Инь сюй шу ци цянь бянь, и id., хоу бянь, и в 殷虛書契菁華 Инь сюй шу ци цзин хуа. Значительное количество костей находится также в Японии, где они до последнего времени продолжают изучаться японскими синологами.[3]

---

[1] Гаданье при помощи костей было принято не только в древнем Китае, но и среди многих других народов Восточной Азии. Цзинь шу в главе о «восточных варварах» (цз. 97, 2 г. и 5 v.) говорит о гаданьи посредством обожженных костей и копыт коров; Ляо ши (цз. 115, 5 v.) — о гаданиях тангутов по костям баранов; Цянь Хань шу (цз. 25, ся, 1 г.) упоминает о куриных костях, употреблявшихся для этой же цели.

Судя по чрезвычайно большому количеству гаданий на хэнаньских костях и по разнообразию вопросов, затрагивавшихся ими, становится ясной огромная роль, принадлежавшая гаданию в древнем Китае. С другой стороны, благодаря оракульным записям, касающимся вопросов охоты, урожая, погоды, рыбной ловли, разведения скота, войны и др., мы имеем возможность получить представление о некоторых сторонах жизни древнего Китая.

К сожалению, среди хэнаньских находок насколько мне известно не встречаются надписи, содержащие данные о приходах и расходах царей, хотя они могли бы послужить любопытным штрихом при восстановлении картины жизни древнего Китая. Указывая на находку «128 предметов прихода и расхода государя» Андреев (Проблемы Китая, № 1, 440), повидимому, понял так китайское выражение «чу жу» (повидимому, именно оно имелось в имевшемся у него тексте), которое помимо «прихода и расхода» имеет и другие значения.

[2] Дополнением к нему является работа 葉玉森 Е Юй сэня, вышедшая в 1925 г. под названием 鐵雲藏龜拾遺附考釋 Те юнь цан гуй ши и фу као ши.

[3] См. Обзор японских коллекций и их изучения японскими учеными в статье 徐嘉瑞 Сюй Цзя жуя 日本甲骨之收藏與研究 Жи бэнь цзя гу чжи шоу цан юй янь цзю (Го сюе юе бао, II, n° 1, 21–30).

Несмотря на более чем тридцатилетнюю давность находки и чрезвычайные трудности, связанные с их расшифрованием, надписи на костях продолжают возбуждать огромный интерес. Первым из китайских ученых, который пытался расшифровать архаические знаки на костях, был 孫詒讓 Сунь И жан в своей работе 契文舉例 Ци вэнь цзюй ли (1904), основанной на материале Те юнь цан гуй. В 1910 г. вышел известный труд Ло Чжэнь юя 殷虛書契考釋 Инь сюй шу ци као ши, за которым последовал 殷虛書契待問編 Инь сюй шу ци дай вэнь бянь и ряд других работ. Из наиболее важных работ Ван Го вэя, посвященных изучению надписей и связанным с ними вопросам, можно назвать 戩壽堂所藏殷虛文字考釋 Цзянь шоу тан со цан инь сюй вэнь цзы као ши (1917); ссылки на его другие работы, имеющие первостепенное значение, будут неоднократно приводиться ниже. Знаки, расшифрованные Ло Чжэнь юем и Ван Го вэем, собраны 商錫永 Шан Си юном в 殷虛文字類編 Инь сюй вэнь цзы лэй бянь, где они расположены по системе Шо вэня.[1] Кроме того имеется немало работ различных авторов, вышедших в связи с находками Сяо туня и опубликованных, главным образом, в китайских периодических изданиях Го сюе юе бао, Го сюе лунь цун, Янь цзин сюе бао, Го сюе цзи кань и др. В европейской синологии изучению надписей на костях и их расшифровке не было уделено достаточного внимания. Насколько мне известно, этим вопросом занимался лишь Hopkins в его Development of Chinese writing (1909), Chinese writing in the Chou dynasty in the light of recent discoveries (JRAS, 1911) и в некоторых других работах, помещенных, главным образом, в JRAS (1912, 1913, 1917, 1925).

Помимо костей с надписями в Сяо туне были найдены, как сказано выше, многочисленные другие предметы, большинство которых воспроизведено Ло Чжэнь юем в 殷虛古器物圖錄 Инь сюй гу ци у ту лу (藝術叢編 И шу цун бянь, 1916, no 4—6).[2]

В числе их имеются изделия из слоновой кости (принадлежащей вымершему виду Stegodon) и кости носорога, острия стрел, «звучащие камни» (литофоны), изделия из нефрита, раковины каури, — натуральные и имитации, рога животных, двустворчатые раковины неизвестного вида моллюсков, часть бронзового сосуда и некоторые другие предметы, назначение которых не удалось установить. К сожалению, среди предметов из коллекции Ло Чжэнь юя, опубликованных в Инь сюй гу ци у ту лу, отсутствуют образцы керамических изделий. Пробел этот восполнен Hamada, описавшим в Kokka (no 379, 1921) коллекцию глиняной

[1] См. предисловие Ван Го вэя (собр. соч., 1-я сер., II, хоу бянь, 19 г. — 20г.) к Инь сюй вэнь цзы лэй бянь.

[2] Большая часть предметов из коллекции Ло Чжэнь юя хранится в настоящее время в собраниях «Est—Asiatiques» в Стокгольме; несколько вещей из кости, рога и камня воспроизведены у Sirén, Histoire des arts, pl. 8—15.

посуды, найденной в Сяо туне японскими археологами. Находка эта представляет большую важность в том отношении, что обнаруженная при раскопках глиняная утварь является единственным и древнейшим образцом гончарного производства, несмотря на показания текстов о его существовании в древнейшем Китае. Центрами гончарной продукции китайские тексты называют города 陶 城 Тао чэн (Шаньси) и 定 陶 Дин тао (Шаньдун), в названия которых входит слово тао — «глиняная посуда».[1] Другое, не менее важное значение находки находится в связи с вопросом о преемственности между культурой Инь и культурой неолитической, следы которой в виде глиняной посуды обнаружил Andersson при археологических изысканиях в Ганьсу, Южной Манчжурии и Хэнани. Нужно сказать, что в течение последних лет были произведены большие открытия, касающиеся доисторического прошлого Китая. Так Licent и Teilhard de Chardin открыли в бассейне среднего течения Хуан хэ, на глубине 30—40 м лёсса, стоянки палеолитического человека. При раскопках в Ганьсу, Хэнани и Южной Манчжурии Andersson нашел следы человека энеолитического периода, т. е. конца неолита, когда наряду с изделиями из камня начинают появляться и бронзовые. Сообщения о своих находках Andersson опубликовал в работах An early chinese culture (1923) и Preliminary report on archaeological research in Kansu (1925), заключающих в себе очень ценный материал для изучения вопросов археологического и исторического порядка. Как замечает по поводу этого Pelliot, следы человека палеолитического периода в Китае слишком незначительны, а сам период относится к настолько глубокой древности, что пока еще невозможно пытаться облечь в какую-нибудь систему недостаточные и отрывочные сведения, имеющиеся о нем в нашем распоряжении. Что же касается энеолитического периода, то благодаря вещам, открытым Andersson и датируемым 3—4 тысячелетиями, попытки восстановить протоисторию Китая становятся более возможными. Исходя из того, что глиняная посуда, производившаяся человеком энеолитического периода в Китае, довольно близко напоминает образцы керамики, открытые в центральной Азии, в частности в Западном Туркестане, некоторые ученые снова стали поддерживать гипотезу, высказанную в свое время Richthofen и предполагавшую, что родиной китайцев являлась область, находившаяся около пределов Восточного и Западного Туркестана. Согласно этой теории, китайцы, явившиеся из центральной Азии и завладевшие бассейном Хуан хэ, принесли с собой образцы керамических изделий, бывших в употреблении на их родине. Гипотеза о происхождении китайцев и их древнейшей культуры из центральной Азии находит себе некоторую поддержку в том обстоятельстве, что в Китае всегда было очень распространено употребление нефрита, несмотря на весьма малое количество его месторождений.

[1] См. Pelliot, Notes sur l'histoire de la céramique chinoise (T'oung Pao, XXII, 11 и сл.), где приводится также критика текстов, касающихся древнейшего производства гончарных изделий.

Предполагают, что китайцы обратили внимание, искали и ценили изделия из нефрита, так редко встречающегося на территории Китая, только потому, что он был им известен еще на их прежней родине, — Восточном Туркестане, где нефрит имелся в большом количестве и с давних пор служил материалом для выделки различных вещей.[1]

Весьма возможно, говорит Pelliot, что люди доисторического периода, стоянки которых обнаружил Andersson, являются предками китайцев исторической эпохи, однако, поскольку между ними еще остается ничем незаполненный прорыв во многовековый промежуток времени и поскольку наиболее ранним из известных нам археологических местоположений остается пока Сяо тунь, нельзя говорить о какой-нибудь определенной связи до тех пор, пока в нашем распоряжении не будут данные археологических изысканий, восполняющие этот прорыв. Что же касается теории о происхождени китайцев из центральной Азии, то она остается пока только «рабочей гипотезой», так как нельзя утверждать, судя только по найденным при раскопках в Ганьсу и Хэнани предметам, что создателями их были народности, составившие впоследствии ядро китайской нации.

Таким образом, несмотря на ряд различных теорий о происхождении китайцев,[2] вопрос этот до сих пор остается пока нерешенным.

Наиболее ранним местом жительства древних китайцев, о котором мы можем говорить с полной достоверностью, является долина нижнего течения Хуан хэ, на территории которой во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. находился центр общественного образования и культуры, называемой нами Иньской, чьи памятники письменности, древнейшие из известных, сохранились до нашего времени. Общий вид территории древнего Китая очень сильно отличался от картины, представляемой им в настоящее время. Плодородные при достаточном количестве дождей лёссовые почвы, переходящие на востоке в аллювиальные, были изрезаны малосудоходными, постоянно разливавшимися и менявшими свое русло реками. Лёссовые нагорья, отделенные друг от друга ущельями, перемежались с многочисленными болотами. Густые леса, занимавшие громадные пространства, изобиловали медведями, тиграми, оленями, пантерами, дикими кошками

---

1 См. Pelliot, Jades archaïques de la Chine appartenant à M. C. T. Loo, 8—9.

2 Помимо совершенно оставленных в настоящее время теорий Terrien de Lacouperie и Ball о месопотамском происхождении китайцев, существует гипотеза Karlgren, полагающего, что предки современных китайцев не являлись пришельцами, а с самого начала жили в Северном Китае. Forke считает, что родиной китайцев был Индо-Китай. Некоторые китайские и японские археологи полагают, что нельзя говорить о миграции китайцев из центральной Азии, основываясь на предметах, найденных Andersson, так как эти предметы могли принадлежать не-китайским племенам, жившим вместе с китайцами и заимствовавшим их культуру. Картина этнических движений прошлого, начинающих вырисовываться более ясно лишь с 2-го тысячелетия, представлена на карте, составленной Широкогоровым и приложенной к его работе Anthropology of Northern China (JNCBRAS, extra vol. II, 1923, 111).

и всевозможной дичью.[1] Все эти обстоятельства, потребовавшие от земледельцев упорных и тяжелых усилий для превращения этого дикого края в культурный земледельческий район, покрытый пашнями и полями,[2] должны быть учтены при выяснении вопроса о состоянии земледелия при Инь. При учете остальных условий, влиявших на состояние земледелия в древнем Китае, необходимо иметь в виду и климатические условия, несомненно сильно отличавшиеся от современных, в виду обезлесения и осушения огромной площади земли. Материалом для суждения о климатических условиях древнего Китая могут служить некоторые фенологические данные, заключающиеся в китайских памятниках письменности, упоминания о наводнениях и засухах, даты наступления морозов, выпадения первого снега, числа суровых зим и т. д. Несмотря на спорадичность этих данных, из них, при условии соответствующей обработки, могут быть выведены некоторые заключения.[3]

Зависимость явлений растительной жизни от климатических условий и их периодическая повторяемость были издавна отмечены китайцами в их древних народных земледельческих календарях, частично сохранившихся до нашего времени. Вошедшие в эти календари наблюдения земледельцев о прилете птиц, созревании плодов, сборе урожая и т. п. послужили в виде иллюстраций для позднейших, составленных на основании астрономических вычислений календарей и могут дать ценный материал для изучения сельскохозяйственной жизни древнего Китая.[4]

Возвращаясь к вопросу о территории, которую занимало государство Инь, нужно сказать, что границы ее могут быть определены лишь очень приблизи-

---

[1] Ср. Ши цзин перевод Couvreur, 336, 406, 407. Китайские источники говорят о «Персиковом лесе» — Тао линь, находившемся у слияния рек Вэй и Хуан и простиравшемся на весьма большое пространство. Надписи на костях упоминают о чрезвычайно многочисленной и разнообразной добыче при охотах. В то время на территории Хэнани водились в диком состоянии даже слоны.

[2] Воспоминания об этих трудах хранят древние легенды, большинство которых связано с осушением болот, выжиганием лесов, борьбой с разливами рек. См. о них Granet, Danses et légendes de la Chine ancienne, 563; Maspéro, Légendes mythologiques dans le Chouking (J. A. cciv, 70 и сл.)

[3] Ср. Coching Chu, Climatic changes during historic time in China (JNCBRAS, LXXII, 1931). К сожалению, сравнения между датами, приводимыми в древних источниках, и современными, затрудняются отличием древних календарных систем от позднейших. Календарная система, принятая при Инь, известна благодаря Сыма Цяню, поместившему Иньский календарь в отдел «Ли шу» своих исторических записок. Вследствие древнего происхождения календаря, истинное значение большинства его терминов было забыто уже во времена Сыма Цяня и им пользовались лишь для надобностей гадания (см. Chavannes, Le calendrier des Yin, J A, XVI, 1890, 463—510). Согласно Ши цзи введение календаря приписывается основателю Шанской династии Чэн Тану, переименовавшему двенадцатый месяц года на начальный (Ши цзи, Chavannes. I, 187). В надписях на костях обозначение дней, в которые происходило гадание, производится уже при помощи сексагезимального цикла, заменившего децимальный цикл более глубокой древности.

[4] Особенно важен в этом отношении так называемый «Малый календарь Ся», Ся сяо чжэн, переведенный Biot в Nouveau Journal Asiatique, 1840, sér. III, XI. О нем и о других земледельческих календарях говорит Granet, Fêtes et chansons anciennes de la Chine (1919), 53—54.

тельно ввиду незначительности исторического материала и изменений в географических названиях, происшедших за 3000-летний период. В надписях Сяо тунь встречается до 200 названий местностей, большинство которых не поддается, однако, расшифровке; остальная часть названий расшифровна, но зато во многих случаях не удалось отождествить самых местностей, ими обозначаемых.[1]

Исходя из отождествленных названий и местоположения некоторых иньских городов, можно установить, что владение Инь занимало территорию по обоим берегам Хуан хэ, после выхода последней на равнину, простираясь в восточном направлении, может быть, до самого морского побережья.[2] Кроме этой территории, составлявшей непосредственное владение иньских государей, их власть, по крайней мере номинальная, простиралась, вероятно, на большинство северных областей Китая. В 1890 г. в уезде 淶水 Лайшуй, находящемся в западной части Чжили, были открыты бронзовые сосуды, имевшие надпись 北伯 Бэй бо. Местонахождение владения Бэй, называвшегося в позднейшее время 邶國 Бэй го, относили обычно к району современного 朝歌 Чао гэ в Хэнани.[3] Ван Го вэю удалось установить, что это владение находилось гораздо севернее, входя в пределы области Янь (Чжили). То же самое касается и другого владения, упоминаемого Чжэн Сюанем под названием Юн и находившегося, по всем вероятиям, в пределах Лу (Шаньдун).[4] Судя по надписям на бронзовом оружии, открытом в 易州 И чжоу (Чжили), можно думать, что и этот район входил в состав владений иньских государей. Во всяком случае, находка оружия служит несомненным доказательством того, что иньская культура распространялась далеко на север Китая. Согласно Maspéro, посвятившему Иньской эпохе отдельную главу в своем труде La Chine antique (1927), иньское государство имело сношения с владением Ци, доходившим до Печилийского залива; в восточном направлении иньские войска производили походы против племен И в Шаньдуне; на юго-востоке они доходили до областей северной части Цзянсу и Аньхуя, население которых если не всегда, то в известные моменты признавало верхов-

[1] Помимо того, до сотни названий упоминается в связи с охотой иньских государей. Расшифровкой географических названий Иньской эпохи занимался Ван Го вэй в 殷虛卜辭中所見地名考 Инь сюй бу цы чжун со цзянь ди мин као (собр. соч., 1-я сер., II, бу и, 3v. — 4 r.) и в некоторых других работах.

[2] При выяснении пределов Иньского государства могут быть также приняты во внимание данные исторической традиции относительно раздела территории Инь после победы У вана. Согласно ним часть территории, находящаяся к югу от Хуан хэ, осталась во владении потомков Иньской династии, образовав княжество Сун; северо-западная часть составила княжество Вэй, а северо-восточная перешла во владение Лу.

[3] См. 鄭氏詩譜攷正 Чжэн ши ши пу као чжэн (стр. 6 r изд. Лин лун шань гуань цун шу), где оно упоминается наряду с областями 鄘 Юн и 衞 Вэй, как входившее в территорию Иньского государства. (Ср. Ши цзи, Chavannes, I, 237, прим. 3).

[4] Ван Го вэй, 北伯鼎跋 Бэй бо дин ба (собр. соч., 1-я сер., I, цз. 18, 1 v. — 2 r.).

ную власть Иней. Китайская традиция говорит, что власть Иней простиралась даже на Корею, полученную 箕子 Цзи цзы во владение при его инвеституре. Последнее, конечно, сомнительно, хотя возможно, что связи с Кореей существовали уже в период Инь и что выражение 大兄 Да сюн, встречающееся сперва в надписях на иньском бронзовом оружии,[1] а затем в гл. Гао ли чжуань 北史 Бэй ши (цз. 94, 7 v), где оно упоминается как входящее в номенклатуру корейских государственных должностей, имеет корни, восходящие к тому отдаленному периоду китайской истории. Нельзя, однако, думать, что Китай эпохи Инь представлял собой единое и однородное государственное образование. В действительности, его территория разделялась на отдельные, чрезвычайно разобщенные друг от друга области, перемежающиеся с районами, занятыми иноплеменными, в большинстве случаев враждебными, народностями. Области эти разбивались, в свою очередь, на мелкие владения, более или менее независимые одно от другого и от власти иньских государей.[2] Составленные при потомках Шанской династии жертвенные песнопения говорят, что все властители больших и малых владений[3] признавали верховную власть Инь и, ежегодно являясь ко двору государей с данью, отдавали отчет в управлении своими владениями, в частности, о мероприятиях, касающихся земледелия.[4] Общая зависимость всех властителей от центральной власти императора является, конечно, сомнительной. Более вероятно, что отдельные владения, составлявшие Иньское государство, являлись фактически почти независимыми и что одной из главных причин, побуждавших их властителей вступать в союз, была необходимость организации общего сопротивления враждебным некитайским племенам, беспокоившим Китай в ту малоизвестную эпоху, вероятно, не меньше, чем в позднейшее время, и за счет территории которых происходила, в свою очередь, китайская колонизация.

---

[1] См. Ван Го вэй, 商三句兵跋 Шан сань гоу бин ба (собр. соч., 1-я сер. I; цз. 18, 1 r.).

[2] Названия некоторых из них приведены в таблице, составленной 傅斯年 Фу Сы нянем на основе изучения надписей на бронзе и др. источников (論所謂五等爵 Лунь со вэй у дэн цзио, Academia Sinica II, n° 1, 112 и сл.).

[3] Именовавшие себя титулами 君 цзюнь, 公 гун и даже 王 ван (Ван Го вэй, 古諸侯稱王說 Гу чжу хоу чэн ван шо, собр. соч., 1-я сер., II, бу и, 9 v. — 10 r.). Существование в ту эпоху пяти титулов гун, хоу, бо, цзы, нань доказывается наличием их в надписях Сяо тунь. К сожалению, текст надписей настолько отрывочен, что не дает возможности установить точного значения этих терминов в тот отдаленный период. Несомненно только, как указывает и лингвистический анализ, что происхождение титулов гун, бо, цзы, нань находится в связи с родовым строем древнейшего Китая. (Ср. Фу Сы нянь, Op. cit., 122 и сл.). Согласно установившейся традиции иньские властители именуются здесь императорами или царями, несмотря на то, что содержание этих терминов, может быть, не вполне соответствует позднейшему понятию царя.

[4] Ши цзин, Couvreur, 463, 465, 467, 468.

Переходя к вопросу о продолжительности периода китайской истории, называемого нами эпохой Шан или Инь,[1] нужно заметить, что показания китайских источников не сходятся между собой в точности. Согласно Ши цзи, от основателя династии Чэн Тана до последнего иньского государя Шоу, или как его еще называют Шоу синя,[2] насчитывается всего 644 года (1766—1122), между тем как по данным Чжу цзи нянь общая продолжительность Иньского периода составляет 496 лет. Принимая во внимание некоторую искусственность и условность китайских древних хронологических систем, подробно разобранных Chavannes в его переводе Ши цзи (I, Introd., CXC), и не считая цифры 644 и 496 за достоверные, можно предполагать, что общая продолжительность существования Иньской династии достигает не более 500—600 лет. Этой цифре не противоречит и общее число поколений данной династии, составляющее по Ши цзи, 17, а по 古今人表 Гу цзинь жэнь бяо (Цянь Хань шу, цз. 20) — 16.[3]

Таким образом начало Иньской династии с очень большой приближенностью можно отнести к XV—XIV вв. до н. з. Следы династии уходят, однако, в значительно более отдаленный период времени, так как имена почти всех предков иньских императоров встречаются в хэнаньских надписях,[4] подтверждающих реальность их существования и достоверность генеалогических таблиц Иней. С другой стороны, было бы ошибкой думать, что исторический период Инь заканчивается с победой У вана, так как жизнь иньского народа, как этнической единицы и носительницы определенной культуры, продолжалась, вероятно, после того как иньская территория была завоевана Чжоу.

Бассейн нижнего течения Хуан хэ, как особенно богатый культурный земледельческий район, с давних пор подвергался частым нападениям враждебных племен. В свою очередь, и иньские войска совершали против них военные походы, о которых нам частично известно из надписей на костях.[5] Надписи же

---

[1] По названию местности Шан, находившейся во владении предка иньских государей Се. Происхождение второго названия связывают обыкновенно с императором Пань гэном, перенесшим свою столицу в город, называвшийся Инь.

[2] Перечень имен остальных государей, число которых по Чжу шу цзи нянь достигало 29, приведен в сравнительной генеалогической таблице Иньской династии, составленной Ван Го вэем на основании данных китайских источников и надписей Сяо туня (собр. соч., 1-я сер. I, цз. 9, 16 v.).

[3] Несоответствие между числом поколений и числом государей Иньской династии объясняется тем, что при Инь престолонаследие происходило, в большинстве случаев, не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему, вопреки утверждению Granet; «La succession [au trône]. en définitive, s'établit de père à fils. (La civilisation chinoise, 21). Сыновья наследовали отцу лишь при отсутствии у последнего братьев. Из общего числа иньских государей 14 наследовали престол как младшие братья, 7 как сыновья младших братьев и только 9 наследовали от отца.

[4] В своем исследовании о предках иньских государей по хэнаньским надписям Ван Го вэй расшифровал имена 11-ти из них (殷卜辭中所見先王先公考 Инь бу цы чжун со цзянь сянь ван сянь гун као, собр. соч., 1-я сер. I, цз. 9).

[5] Примеры гаданий о результатах походов приведены в Го сюе лунь цун, I, n° 1, 186.

дают несколько деталей об ожесточенной войне, происходившей между Инь и соседними племенами, обитавшими, вероятно, в западных горных областях. Союзником этого племени, название которого не поддается расшифровке, было население области Ту, откуда производились постоянные набеги на территорию Инь. Наиболее же опасным соседом была страна, упоминаемая в подлинном тексте Чжу шу цзи нянь под названием «страны гуй» 鬼方 гуй фан, население которой являлось, повидимому, предками Сюнну.[1] Союзником Инь в борьбе с враждебными племенами было племя Чжоу, впоследствии, с переходом к нему руководящей роли в организации борьбы, само обрушившееся на Инь и завладевшее его территорией. Причинами медленного, но постоянного продвижения чжоуского племени с запада на восток, засвидетельствованного китайскими источниками (Ши цзи, Chavannes, I, 214, 215), являлись, может быть, напор враждебных ему племен и потребность в больших, удобных для земледелия пространствах.[2] Несмотря на полную победу У вана, закончившуюся смертью Шоу синя, разгромом дружественных Инь владений[3] и разделом Иньского государства, власть Чжоу значительное время оставалась номинальной. Наложив на побежденных тяжелую контрибуцию и назначив нескольких правительственных комиссаров для контроля оставленного на месте всего государственного аппарата Инь, У ван отозвал свою армию, и жизнь иньского народа оставалась нетронутой еще долгое время, пока не произошло окончательного смешения обеих народностей и их культур.[4] Принимая это во внимание, нельзя представлять

---

[1] В статье 鬼方昆夷玁狁考 Гуй фан Гунь и Сянь юнь као, Ван Го вэй (собр соч., 1-я сер., I, цз. 13, 1 г. — 10 v.) доказывает, что слова Гуй, Гунь, Хунь юй, Сянь юй, Сянь юнь, Сюн ну являются последовательными обозначениями одного и того же племени; исходя из изучения надписей на бронзе, он доказывает, что первоначальным написанием этого названия было 畏方 Вэй фан, при Хань измененное в гуй фан. См. также Ши цзи, Chavannes, I, 31. Борьбу чжоуского Сюань вана (821—787) с этими же номадами Сянь юнь, занявшими и разграбившими чжоускую столицу Хао (около современного Си ань фу), воспевает и Ши цзин.

[2] См. Ши цзин, Couvreur, 363. Легенды о предках Чжоу и многие указания Ши цзина заставляют предполагать, что это племя с давних пор было земледельческим (Ib., 350, 351).

[3] Число их, согласно Мын цзы (перевод Legge, 157), достигало 50. Сведения Мын цзы относительно периода Инь основываются, повидимому, на солидном источнике, так как многие из его данных напр. о слонах, водившихся в то время около Хуан хэ, находят себе подтверждение в надписях Сяо туня.

[4] В числе доводов, приводимых Иолком (Проблемы Китая, № 2, 119) в защиту того, что процесс амальгамирования произошел в короткий промежуток времени, имеется указание на отсутствие расового антагонизма. По поводу этого нужно заметить, что общая этническая природа Чжоу и Инь пока не может быть признанной за установленный факт. Мын цзы, по крайней мере, называет Вэнь вана «западным варваром» (Мын цзы, Legge, 192). На существование некоторого антагонизма между завоевателями и покоренными указывают, может быть, принудительные переселения частей иньского населения в области Лу и Вэй после победы У вана, свидетельства чего имеются в древних источниках. (См. ссылки на них в 殷周制度論 Инь Чжоу чжи ду лунь, Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 30).

себе эпоху Инь как некий вполне определенный период с точными и резко очерченными границами. Тем не менее, несмотря на всю отрывочность и неполноту имеющихся о нем сведений, период этот начинает вырисовываться все более ясно благодаря упомянутым находкам Сяо туня. В особенности это относится к тому промежутку времени, которым датируются самые надписи на костях. Дата их большинством европейских синологов относится к царствованию последних иньских государей, а именно 帝 乙 Ди и и его непосредственных предшественников 文 丁 Вэнь дина и 武 乙 У и.[1] Однако, исходя из того, что одна из надписей говорит о жертвоприношениях умершим императорам 陽 甲 Ян цзя, 盤 庚 Пань гэну и 小 辛 Сяо синю, причем они именуются «отцами» лица, производившего жертвоприношение, т. е. имп. 武 丁 У дина,[2] представляется более правильным расширить границы периода, к которому обычно относят надписи на костях и датировать их временем царствований У дина — Ди и. В расшифрованных Ван Го вэем и Ло Чжэнь юем надписях встречается большая часть имен иньских государей (всего 23 имени), причем все они сходятся с данными Ши цзи и Чжу шу цзи нянь, за исключением имени Вэнь дина, ошибочно обозначенного Сыма Цянем через 太 丁 Тай дин.

Как видно из надписей, во все имена входят циклические знаки, указывая на существование древнего закона табу при Инях. Исторические памятники называют лишь несколько подлинных имен иньских государей,[3] имена же, упомянутые в надписях, являются обозначениями, дававшимися потомками умершим императорам в соответствии с теми циклическими знаками, при помощи которых обозначался день рождения последних.[4] При наличии предков, дни рождения которых соответствовали одному и тому же циклическому знаку, к их обозначениям для отличия прибавлялись слова 小, 上, 大 и др. Следы этого обычая уходят, повидимому, в период, предшествующий иньскому, так как древние памятники указывают, что циклические знаки входили и в имена последних государей династии Ся. Судя по надписям на бронзовом оружии эпохи Инь, открытом в И чжоу, обыкновение называть предков по циклическим знакам было принято не только среди членов династии, но и среди иньской аристократии, а может быть

---

[1] Chavannes, Journ. As., 1911, 134; Maspéro, La Chine antique, 37; Granet, La civilisation chinoise, 74.

[2] 父甲一牡 父庚一牡 父辛一牡 (Ван Го вэй, Го сюе юе бао, II, n° 8—10, 398). Все три императора, являвшиеся братьями, именуются в надписи отцами, согласно существовавшему при Инь обычаю называть так представителей предыдущего поколения, независимо от того, являлись ли они фактическим отцом или дядями лица, обращавшегося к ним.

[3] См. Ван Го вэй, 殷禮徵文 Инь ли чжэн вэнь (собр. соч. 2-я сер., I, 1 г. — 3 г.).

[4] Это доказывается тем, что по надписям на костях жертвоприношения определенному предку происходили исключительно в те дни, которым соответствовал тот самый циклический знак, что входил в имя предка.

и во всех семьях, имевших родословную. Согласно Сыма Цяню (Ши цзи, цз. 32, 4 г. изд. 1836) этот же обычай наблюдался среди предков князей Ци.

Помимо помощи, оказанной надписями на костях в смысле восстановления некоторых хронологических и генеалогических данных, касающихся Иньской династии, их находка дала возможность определить местонахождение некоторых иньских городов. Предания, зафиксированные в китайских источниках, говорят о восьми переменах резиденций предков Инь и пяти переменах столиц после Чэн Тана. Комментаторы, пытавшиеся отождествить местонахождение столиц предков Инь, называют четыре из них, причем все они находятся в районе Шаньси.[1] Относительно города, находившегося на месте нынешнего Сяо туня, обычно высказывались предположения, что он являлся столицей императора У и (Granet, op. cit, 67; Maspéro, 37). Основываясь на находке вышеупомянутой надписи, датируемой царствованием У дина, следует полагать, что этот город гораздо более древнего происхождения и являлся столицею Инь за период между царствованиями Пань гэна — Ди и.[2] Ло Чжэнь юй считает, что основание его относится к еще более раннему времени и что он является тем самым городом, где жил император Хэ дань цзя и который обозначен в Ши цзи и в Анналах, написанных на бамбуке, под названием 相 Сян. Принимая во внимание, что город Хэ дань цзя, согласно большинству комментаторов, находился в том же районе Чжан дэ фу, где находится и Сяо тунь,[3] и что надписи на бронзе, воспроизведенной в Као гу ту, имеют большое сходство с надписями на костях;[4] возможность этого является довольно вероятной.

Раскопки, производившиеся в Сяо туне, позволяют установить, что древний город, окруженный с трех сторон рекой Юань, занимал довольно большое пространство. Площадь, на протяжении которой, на глубине 5—6 м, были обнаружены кости с надписями, не превышала $2^1/_2$ га. К сожалению, раскопки дают слишком мало данных для суждения о том, что представлял собой город древнего Китая вообще. Многочисленные указания китайских источников свидетельствуют лишь о том, что в древности города строились преимущественно на возвышенностях. Подтверждением этого может служить то обстоятельство, что в боль-

---

[1] См. также 說自契至於成湯八遷 Шо цзы Се чжи юй Чэн Тан ба цянь (Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 12, 1 г. и сл.).

[2] Это согласуется и с данными подлинной версии Чжу шу цзи нянь (см. стр. 5 изд. Ван Го вэя); ср. 水經注 Шуй цзин чжу, цз. 9, 36 г., изд. У инь дянь, 1774).

[3] Ши цзи, Chavannes. I, 192.

[4] См. Го сюе юе бао, II, № 1, 23. Ср. ссылку Pelliot (T'oung Pao, XXII. 8) на Бо гу ту лу (XII в.), составители которого называют место, где были найдены воспроизводимые ими древние сосуды, «городом Хэ дань цзя» 河亶甲城, определяя его местонахождение в согласии с позднейшим 彰德府志 Чжан дэ фу чжи.

шинство из сохранившихся названий древних городов входят слова, имеющие значения возвышенностей, холма, горы.[1]

Как известно, в древнем Китае горы являлись предметами культа, занимая главное место в народных верованиях. Согласно им гора воплощает в себе начало устойчивости, непоколебимости; от нее зависят землетрясения и наводнения. Гора, на вершине которой скопляются туманы и облака, несущие дождь, является божеством, ниспосылающим урожаи и покровительствующим земледелию.[2] Святость горы, соединяющаяся в народных верованиях с святостью царя-жреца, единственного лица, имевшего право на совершение жертвоприношений горе в случае засухи, неурожая, наводнения, переносится и на его город-крепость с храмами и жертвенниками, строившимися обычно на возвышенностях, где царь производил жертвоприношения.[3]

Непременной принадлежностью города был жертвенник богу земли, представлявший собой земляной холмик, в котором по народным верованиям были сконцентрированы все скрытые производительные силы земли. Он должен был находиться под открытым небом, так как, лишая жертвенник света и дождя, его обрекали на бессилие и гибель. Чэн Тан, желая уничтожить все корни побежденной династии Ся, задумал отнять у нее бога земли, но не был в силах сделать это. Тогда он прибег к хитрости, — заключил жертвенник в стены дома.[4] Это предание хранит воспоминание о поклонении, окружавшем бога земли и бывшем настолько великим, что защищало его от посягательств Тэн Тана. В свою очередь, после победы над Инь, основатель династии Чжоу построил дом над жертвенником бога земли Бо (т. е. династии Инь, столица которой была некогда в 亳 Бо). Он пробил окно в стене, выходившей на север для того, чтобы

---

[1] 丘, 阪, 山. Слово 京, известное теперь в значении «город, столица», в Ши цзине (Couvreur, 361, 362) значит «высокий холм». Ср. толкование знака цю в Эр Я: 丘絕高曰京 (по Кан си цзы дянь, s. v. цзин). На это же указывают названия столиц княжеств периода Чжоу 宛邱 Вань цю, 營邱 Ин цю и др. (Ши цзи, Chavannes, I, 239).

[2] См. переведенные Chavannes обеты и молитвы горе Тай шань, большинство которых содержит благодарности за хороший урожай, просьбы о ниспослании дождя, предотвращении наводнений, засухи и т. п. (Le Tai chan, chap. IV). О культе гор также у Granet, Fêtes et chansons anciennes de la Chine.

[3] Жреческие функции царя или, во всяком случае, их часть, сохранялись за ним до конца периода Инь. Надписи указывают, напр., что право осматривать животных, назначенных для жертвоприношений, принадлежало царю. Об одном из жертвоприношений, произведенном иньским Чэн Таном в лесу 桑林 Сан линь, говорит древний текст Люй Бу вэя (ум. 235 до н. з.): «Небо послало великую сушь и пять лет не снимали с полей урожая... Тогда Тан обстриг свои волосы, обрезал ногти и, — тело свое предлагая в жертву, испрашивал счастья у неба. Народ был доволен и дождь пошел в изобилии» (Люй ши чунь цю, цз. 9, 2 v. изд. Цзин сюнь тан цун шу).

[4] Чжу шу цзи нянь, Legge III, part I, proleg., 129: 始屋夏社. Слово шэ, имеющее основным значением «бог земли», употребляется во многих текстах и в смысле жертвенника, его символизирующего.

к богу проникала только сила Инь, начало тьмы и смерти. Жертвенник богу земли Инь существовал еще в 491 г. при дворе князей Лу. Из Чунь цю мы узнаем, что в этом году сгорел жертвенник (вернее, здание, в котором он находился) бога земли Бо.[1]

Отсутствие положительных данных не дает возможности восстановить более или менее полную картину внешнего вида города, равно как и его роли в условиях экономической жизни древнего Китая.[2] Исходя из некоторых указаний Ши цзина и Цзо чжуани, касающихся города позднейших времен, можно предполагать, что и города Иньской эпохи не имели тех роскошных дворцов с залами, украшенными резьбой из яшмы и слоновой кости, о которых говорят легенды про Шоу синя. На простоту и легкость городских построек, дававших возможность легко оставлять города и быстро обстраиваться заново, указывают и те частые перенесения иньских столиц, о которых говорит китайская историческая традиция. Относительно причин этих переселений высказывались различные предположения, до сих пор оставшиеся, однако, недоказанными. Большинство авторов видят причины перемен столиц в набегах варварских племен или в наводнениях, причинявшихся разливами рек. В истории Китая известны, действительно, случаи, когда целые города затоплялись Хуан хэ, неоднократно менявшей русло вследствие постоянного повышения дна, происходившего от осаждения продуктов размывания лёссовых пород. С другой стороны, несомненно, что Хэнань, как наиболее культурная земледельческая область, мало защищенная от набегов враждебных племен, всегда привлекала их внимание. Тем не менее, ни наводнения, ни нападения кочевников не могут быть признаны за твердо установленные причины перенесения столиц,[3] так как единственный текст Шу

---

[1] 亳社灾 Чунь цю, цз. 57, 19 v. (Ши сань цзин чжу шу, 1816).

[2] Основываясь на существовании денежного обращения в эпоху Инь, можно лишь утверждать, что при Инь города были центрами обмена и накопления богатств господствующей части феодального общества, имея торговые связи с другими городами и областями. Функцию денег в тот период исполняли нефрит или раковины, связывавшиеся обычно по пяти штук вместе (см. о них Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 3, 17 г. — 18 г.). Настоящие раковины каури и их имитации были найдены в большом количестве при раскопках в Сяо туне. К концу периода Инь или к началу Чжоу появляются имитации каури из кости, позднее из бронзы. Последние играли роль монетной единицы при Чжоу и носят название 蟻鼻錢 И би цянь, — монет «нос муравья». На денежную функцию раковин указывает также знак 貝 бэй, раковина, входящий в большинство идеограмм, обозначающих понятия купли — продажи, дани, драгоценности, цены и т. д.

[3] Несмотря на категорическое утверждение Wilhelm (History of chinese civilisation, 34) объясняющего переселения напором со стороны соседних племен. Совершенно непонятно, на чем основывается Macgowan (The imperial history of China, 33), говоря, что перенесение столицы при Цзу и было вызвано разливом реки Вэй. Об этом не сказано ни в подлинном, ни в новом тексте Чжу шу цзи нянь. Возможно также, что при перенесении столицы могло иметь значение и истощение ресурсов окружающего земледельческого населения, как указывает Иолк (Проблемы Китая, № 2, 100) и захватнические стремления феодалов, желавших обогатиться за счет населения других местностей.

цзина, касающийся перемены столицы при Пань гэне, недостаточно ясен и не дает возможности установить, чем вызывалась необходимость переселения.[1] Менее всего правдоподобным является объяснение 柳詒徵 Лю И чжэна (Сюе хэн, 1926, n° 49, 25), согласно которому переселения находились в связи с поисками местностей, более обильных зверями и удобных для охоты, так как последняя являлась, якобы, главнейшим занятием населения Китая Иньской эпохи.[2] Все данные говорят за то, что уже задолго до Иньского периода китайцы были оседлым земледельческим народом. На это указывают их древнейшие предания, не имеющие никаких намеков на кочевой образ жизни, за исключением, может быть, единственного выражения «пастыри», которым Шу цзин (Legge, 34) называет правителей области при Шуне, и о которых Мын цзы (Legge, 13) говорит уже как о «пастырях людей» 人牧. На это же указывает неупотребление китайцами в пищу молока, масла, сыра и остальных молочных продуктов, составляющих главное средство питания всех кочевников,[3] а также древние формы их идеографической письменности, значительная часть которых указывает на давнюю связь с земледелием. Свои ошибочные заключения о преобладающем значении охоты среди занятий населения Инь, Лю И чжэн и Niva основывали на том, что наибольшее число надписей на хэнаньских костях относится к охоте, не учитывая, однако, что в большинстве случаев дело идет лишь об охоте царя, на что с несомненностью указывает присутствие знака 王. В те отдаленные времена территория Китая, не исключая области современной Хэнани, в действительности изобиловала зверями и дичью. Судя по надписям Сяо туня, производилась охота на тигров, оленей, лошадей, баранов, диких свиней, зайцев, фазанов, причем добыча достигала иногда огромных размеров — до 200 оленей за один раз. Из встречающихся в надписях выражений 獲象 хо сян, 來象 лай сян, можно заключить, что в те времена в пределах Хэнани водились даже дикие слоны, впоследствии перебравшиеся в более южные области и к периоду Чжань го представлявшие собой уже редкое явление для населения среднего Китая.[4]

---

[1] В этом тексте позднейшего происхождения приводится речь Пань гэна, доказывающего народу необходимость переселения и угрожающего ослушникам карами в случае неповиновения высказанной через гадание воле предков. (См. Шу цзин, Legge, 220 и сл.).

[2] Подобное же утверждение, высказанное Niva (Shina gaku, 1924, III. n° 9) и основанное на неправильном понимании статистических данных Ло Чжэнь юя о надписях на костях, касающихся охоты, было опровергнуто в свое время Ojima (Shina gaku, III, n° 10).

[3] За это же говорит отсутствие или позднее появление в китайском языке большинства простейших слов и идеограмм для обозначения основных понятий, которые присущи языкам народов, ведущих кочевой образ жизни.

[4] Ср. Хань Фэй цзы (цз. 6, 7 v. Сы бу цун кань): 人希見生象 См. также статью 象卣跋 Сян ю ба Ван Го вэя (собр соч., 1-я сер., II, бу и, 16 г.). Исходя из древней формы знака 爲 вэй, в надписях на бронзе и на костях изображающего слона, которого ведет рука человека, Ло Чжэнь юй (Инь сюй шу ци као ши, 55 г.) высказывает предположение, что в древности

Тем не менее охота, как и в последующие времена, являлась лишь развлечением царя и знати, имея, может быть, некоторый элемент обрядового характера. Среди основной массы населения звероловство и рыбная ловля[1] являлись только подсобным средством для существования. Гораздо большее значение имело скотоводство, составлявшее в Иньскую эпоху весьма существенную отрасль народного хозяйства, судя по огромному количеству животных, приносившихся в жертву. В хэнаньских надписях встречаются особые, в настоящее время потерявшие первоначальное значение, названия жертвоприношений в 10 баранов, 100 свиней, в 100 и даже 300 быков одновременно.[2]

Кроме баранов, коров и свиней, разведение которых, судя по чрезвычайному обилию свиных костей, найденных Andersson при раскопках, составляло особенно важную отрасль животноводства, разводились лошади, куры и собаки. На основании имеющихся в надписях указаний, можно предполагать, что последние являлись не только сторожевыми животными, но употреблялись и в пищу.

Было бы большим заблуждением думать, что быки или лошади употреблялись в Иньскую эпоху в качестве рабочего скота при земледельческих работах. Хотя о применении быков и лошадей для упряжи свидетельствуют не тольк

слонами пользовались для произведения каких-то работ. Мне кажется возможным, что ими пользовались для военных надобностей и что в тексте Люй Бу вэя о Чжоу гуне, войско которого оттеснило за Ян цзы цзян иньских людей с их прирученными слонами за жестокости, причиненные восточным варварам, подразумеваются боевые слоны. См. Люй ши чунь цю, цз. 5, 6 v.: 商人服象爲虐于夷周公遂以師逐之于江南.

Сравнивая первоначальное значение знака «вэй» с толкованием Шо вэня, дающим неправильное определение: «самка обезьяны», мы приходим к убеждению, что уже во времена Сюй Шэня истинное значение многих знаков было неизвестно вследствие изменений, происшедших в их начертании. Принимая во внимание большое количество списков, через которые дошел до нас сам Шо вэнь и, следовательно, наличие многих ошибок в его тексте, становится ясной несостоятельность попыток изучения древнего Китая на основании графического анализа его письменности, руководствуясь при этом Шо вэнем или «архаическими» формами знаков, помещенных в работах типа 篆字彙 Чжуань цзы хуй или 六書通 Лю шу тун (XVII в.). Так, кстати сказать, поступил Forke в своей работе Der Ursprung der Chinesen auf Grund ihrer alten Bilderschrift (1925).

Наиболее удивительный пример пренебрежительного отношения к древним подлинным формам иероглифов представляет собой «Анализ иероглифической письменности» (1888) Георгиевского, по собственным его словам (стр. 9) не находящего нужным «ни обращаться к древним почеркам, ни стеснять себя указаниями китайских лексикографов»!

[1] В надписях встречается пиктограмма 漁 юй «ловить рыбу», изображающая рыбу, пойманную на лесу (см. Инь сюй шу ци као ши, 62 v.).

[2] Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер. I, цз. 9, 3 v. Перечень всех домашних животных, упоминаемых в надписях, с ссылками на Инь сюй шу ци као ши, помещен в статье Ojima (Shina gaku, III, n⁰ 10). Один из авторов, говоря о важном значении скотоводства в народном хозяйстве Иньской эпохи, доказывал это тем, что осмотр быков производился самим царем. Обстоятельство это само по себе не может служить доказательством, так как в надписях дело идет только об осмотре животных, предназначенных для жертвоприношений.

старые тексты,[1] но и встречающиеся в надписях на костях пиктограммы повозки, запрягавшейся парой быков или лошадей, но предназначались они, повидимому, исключительно для военных надобностей. На то, что применение скота при земледельческих работах началось в гораздо более поздний период времени, указывает целый ряд текстов,[2] а также и самый тип земледельческих орудий, существовавших при Инь. Введение плуга, запрягаемого быком, связывается обычно с именем Ханьского 趙過 Чжао Го и относится к III—II в. до н. э. В некоторых же районах, особенно там, где это было удобнее по условиям местности, старый способ обработки земли ручным способом оставался и позже.[3] На чем основываются Кокин и Папаян, утверждающие на страницах своей книги «Аграрный строй древнего Китая» (1930), что к эпохе Инь «относится знакомство с плугом, пахота которым производится с помощью быка», остается таким образом непонятным. Подобное же заблуждение, особенно опасное в смысле вытекающих из него неправильных выводов об уровне техники древнего Китая, мы находим и у Macgowan, который говорит: «[Wu wang] disbanded his soldiers and sent his cavalry horses To Mount Hoa in Shensi, and dispersed the oxen that had been used in the campaign amongst the farmers to help them in the cultivation of the soil (The Imp. History of China, 42).

В данном случае Macgowan основывается, очевидно, на тексте Люй Бу вэя: 乃稅馬於華山稅牛於桃林馬弗復乘牛弗復服 (Люй ши чунь цю, цз. 15, 2 г.). Упоминание же о помощи земледельцам является произвольным добавлением автора, так как в самом тексте нет никакого упоминания об этом. Заметим попутно, что и вопрос о пользовании конями под верх остается не совсем ясным, несмотря на упоминание Maspéro о существовании в иньской армии кавалерии и войсковых частей в 300 всадников.[4] Насколько это было известно до последнего времени, китайцы не имели кавалерии приблизительно до 300 г. до н. э., когда она появляется в результате заимствования военной тактики соседних кочевых племен. Нововведение это приписывается Сыма Цянем князю Чжао (307 г.), который создал в своей армии отряд конных

[1] См. текст Гуань цзы (цз. 24, 39 v., изд. Ши цзы цюань шу, 1897) об иньском царе, устроившем хлевы и стойла и заставившем быков и лошадей служить на пользу народу: 殷人之王立阜牢服牛馬以爲民利.

[2] Даже в позднейшем Чжоу ли при перечислении обязанностей «ню жэня» не упомянуто пользование быками для земледельческих работ (Чжоу ли, цз. 3, 38 г, СБЦК). На отсутствие рабочего скота в крестьянском хозяйстве и на применение человеческой силы при всяческого рода работах, даже при перевозках, указывает и Ши цзин (Couvreur 351).

[3] 地勢溫濕不宜牛馬民蹠耒而耕 (Янь те лунь, цз. 3, 5 v. СБЦК).

[4] См. La Chine antique, 43, 44, где, к сожалению не приведены ссылки на соответствующие источники. В приведенном же выше тексте Люй Бу вэя говорится, как мне кажется, не о кавалерии, а о конях, запрягавшихся в боевые колесницы.

лучников по образцу номадов, возбудив этим сильное сопротивление со стороны своих приближенных (Ши цзи, Chavannes, IV, 69—84). Заимствовав у кочевников конницу, китайцы переняли также их одежду и вооружение. Pelliot, изучавший этот вопрос наряду с Ван Го вэем, указывает, насколько «китайский» костюм средних веков с его поясом с металлической пряжкой, брюками и сапогами, схож с одеждой кочевников.[1]

Обращаясь к вопросу о типе земледельческих орудий и материала, из которого они изготовлялись в Иньскую эпоху, необходимо предварительно выяснить степень распространения металла и металлических изделий в тот период. Китайские предания, подразделяющие доисторическую эпоху на каменный, яшмовый и бронзовый век, относят начало последнего к царствованию Юя (? 2205—2198), а конец к 500 г. до н. э.,[2] что в общем, сходится с данными европейской науки, относящей появление бронзового века к 3-му тысячелетию. Хотя, судя по найденной в Сяо туне части бронзового сосуда, инкрустированного драгоценными камнями,[3] техника отливки бронзы достигла к периоду Инь уже высокой степени совершенства, изделия из бронзы еще не имели большого распространения среди населения. Бронза, применявшаяся, главным образом, при выделке оружия и ритуальных сосудов, являлась в те времена очень дорогим и недоступным для основной массы населения металлом.[4]

Тем более это относится к железу, изделия из которого появляются еще в более позднее время — вероятно не ранее V века до н. э. Из китайских текстов мы знаем, что применение бронзы даже в оружейной промышленности оставалось в Китае вплоть до периода Хань. В 175 г. до н. э. государственный деятель Цзя И (Giles Biogr. Dict., 321) в своем докладе по поводу реформы монетной системы советовал императору Вэнь ди создать государственную монополию меди

---

[1] Pelliot. T'oung Pao, 1928—29, 137—148; Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 22.

[2] См. 越 絶 書 Юе цзюе шу, цз. II, которое основывается, повидимому, на очень древних источниках, хотя современная редакция его относится только к 52 г. н. э. (Сы ку цюань шу цзун му, цз. 66, 1 v.).

[3] 碧 би, что, по мнению Pelliot (T'oung Pao, XXII, 8), обозначает бирюзу. Знакомство китайцев с бирюзой восходит к концу доисторического периода, так как на одной из энеолитических стоянок в Ганьсу Andersson нашел «numerous cowries and beads of turquoise and other materials (Preliminary report on archaeological research in Kansu, 18).

Некоторые указания о технике отливки бронзы, изученной еще очень мало, находятся у Sirén, op. cit., 51—55. Pelliot устанавливает, что в Иньскую эпоху к сплаву примешивалось известное количество золота, отблески которого замечаются на некоторых иньских сосудах (Bronzes antiques de la Chine, 15).

[4] Возможно, что в начале, наряду с бронзовыми, употреблялись даже деревянные ритуальные сосуды (ср. Ши цзин, Couvreur, 352, Sirén op. cit.. 16). Может быть, для экономии дорогого металла делались и те отверстия в бронзовых топорах, о которых говорит Лу Моу дэ в своей статье о бронзовом оружии древнего Китая (Го сюе цзи кань, II, nº 2, 291), хотя они же могли, по моему мнению, служить и для облегчения оружия.

для того, чтобы последняя не расходовалась на выделку оружия.[1] На существование бронзового оружия еще при Хань указывают и мечи, найденные вместе с другими предметами в могиле Чжао Ин ци, царя Нань Юе,[2] умершего согласно Ши цзи (цз. 113, 4 v. изд. 1836 г.) около 113 г. до н. э. Широкое применение железа начинается лишь с Ханьской эпохи, когда, приблизительно в начале нашей эры, добыча железа достигла настолько больших размеров, что оно экспортировалось даже за границу, занимая первое место на римском рынке.[3]

Все эти данные говорят за то, что в Иньскую эпоху бронза, а тем более железо, вовсе не были распространенными и доступными для всего населения металлами. Принимая во внимание, что земледельческие орудия из бронзы, несомненно появились позже бронзового оружия,[4] можно допустить, что в эпоху Инь земледельческие орудия из металла отсутствовали, а если и имелись, то в совершенно незначительном количестве.[5] Возможно даже, что в то время продолжали еще оставаться в употреблении некоторые инструменты из камня, в частности те ножи для жатвы, которые послужили, по всей вероятности, прототипом для так называемых «нефритовых ножей» и табличек для записей «ху».[6]

В надписях Сяо туня неоднократно встречается знак 耒 лэй, обозначающий земледельческое орудие, бывшее в наиболее широком употреблении среди населения Китая эпохи Инь. Относительно этого орудия, так же как и другого, обозначаемого иероглифом 耜 сы и встречающегося в надписях несравненно реже, вплоть до последнего времени господствовали совершенно превратные понятия. Путаница в понимании терминов «Лэй-сы» начинается уже с Ханьских комментаторов, толкующих «лей» как деревянную рукоять, а «сы» как нижнюю копательную часть одного и того же орудия.[7] Смешение двух разных орудий, обозначавшихся словами лэй и сы, мы наблюдаем и позже (ср. словарь Цы юань,

---

[1] Цянь Хань шу, цз. 24 ся, 5. Доклад Цзя И, если не ошибаюсь, переведен Mailla.

[2] Гуан дун тун чжи. цз. 226, 5 г.

[3] Hirth, China and the Roman Orient, 225, прим. 2.

[4] Ср. текст из Го юй (цз. 6, 11 г. СБЦК), где «хороший металл», шедший на выделку оружия, противопоставляется дурному, употреблявшемуся на изготовление земледельческих орудий.

[5] Опять-таки вопреки авторам «Аграрного строя древнего Китая» (116—117), говорящим о «металлических сошниках» и весьма большой распространенности металла при Инь.

[6] Каменные ножи, служившие вместо серпа, напоминали своим видом аналогичные железные ножи, которые употребляются в Китае еще в настоящее время при жатве сорго (см. Pelliot, Jades archaïques, 15, pl. X и др.), Patte (BEFEO, XXXI, 31), ссылаясь на якобы маловоинственный дух китайцев и на связь большинства их религиозных обрядов с земледелием, высказывает предположение, что даже известные ритуальные нефритовые «Гэ» (древнее оружие, называемое Pelliot «hache-poignard») имитируют своим видом земледельческое орудие. Мнение это, впрочем, не имеет под собой основания.

[7] См. Комментарии Чжэн Сюаня к Ли цзи, (цз. 5, 3 г, СБЦК). Заметим, что даже в транскрипции этих знаков наблюдаются некоторые расхождения. Так, напр., в рецензии Гр-ч (Проблема Китая, n° I, 434) вместо обычной и общеизвестной транскрипции лэй сы дважды значится «лэйсю».

耒, 133, s. v. Лэй сы). В своей весьма интересной работе 耒耜考 Лэй сы као (Academia Sinica, II, n⁰ 1), посвященной истории этих орудий и их дальнейшей эволюции, 徐中舒 Сюй Чжун шу, на основании древних текстов, надписей на костях и бронзе и данных археологических изысканий, устанавливает, что «лэй», имитировавшее ветку дерева, представляло собой палку или кол, заканчивавшийся развилиной; второе орудие, «сы», являлось заостренным колом, к которому впоследствии стали приделывать небольшую доску, имевшую формы лопаты. Текст из И цзина, повествующий о последовательном появлении предметов материальной культуры и упоминающий Шэнь нуна, который 斲木爲耜揉木爲耒 «обтесал дерево и сделал сы, согнул дерево и сделал лэй», говорит, таким образом, о двух различных орудиях, вопреки его традиционному толкованию.[1] Обработка земли при помощи этих земледельческих орудий состояла в вскапывании и разрыхлении верхнего слоя почвы. Для более глубокого погружения инструмента в землю на нем делалась поперечная перекладина, служившая упором при надавливании ногой. Таким образом в процессе работы принимали участие не только руки, но и ноги работника.[2] Старые тексты говорят, что обработка земли производилась обычно двумя стоявшими рядом работниками, что называлось 耦耕 оу гэн, «обработка парой».[3] Этот способ оставался в употреблении, вероятно, не долее периода Чжань го, так как уже ханьский Чжэн Сюань (127—200) говорит о нем как о древнем.[4] Материалом для изготовления земледельческих орудий в эпоху Инь служило дерево. За это говорят не только приведенные выше соображения о малодоступности металла для населения, но и самый вид знаков «лэй» в надписях на костях, а также и более поздние тексты о продолжавшемся употреблении деревянных орудий при обработке земли в виду дороговизны металла.[5] Орудие «сы», упоминающееся в хэнаньских надписях очень редко, повидимому, имело распространение на западе Китая[6] и лишь к концу эпохи Инь, с наступлением Чжоу, стало продвигаться к востоку. Знакомство населения Инь с земледельческим орудием западных

---

[1] Ср. Wilhelm, A short history of Chinese civilisation, 60: «He fashioned wood to form the ploughshare and bent wood to make the plough-handle». Среди описанных Chavannes барельефов ханьского периода имеется изображение Шэнь нуна и Юя, держащих в руках эти орудия (см. La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han, pl. III, 3-ème panneau).

[2] Ср. 三之日于耜四之日舉趾 (Ши цзин, Couvreur, 160).

[3] Ср. Щи цзин, Couvreur, 428, 439.

[4] Чжоу ли, цз. 12, 18 v., СБЦК.

[5] Янь те лунь, цз. 6, 20 v. — 21 r., СБЦК.

[6] Возможно, что название местности 有邰, откуда по преданию происходил родоначальник Чжоу Хоу цзи, действительно находится в некоторой связи с этим орудием, так как в надписях на бронзе знаки 台 и 㠯 являются эквивалентными и при начертании правой части иероглифа 耜 (=㠯) один знак иногда заменяется вторым (Сюй Чжун шу, op. cit., 30, 45).

областей[1] и введение в крестьянский обиход двух различных орудий способствовало переходу к более интенсивным формам земледелия и росту производительных сил, что, в свою очередь, явилось главной причиной последующего экономического развития Китая.

Несмотря на несовершенство и примитивность земледельческих орудий, степень развития земледелия в Китае эпохи Инь была все же довольно высока. Об этом свидетельствует обилие идеограмм, относящихся к земледелию, и сравнительно большое количество злаков, культивировавшихся в то время согласно надписям из Сяо туня. По подсчету, произведенному Ojima (Shina gaku III n° 10), все надписи, относящиеся к земледелию, распадаются на две группы: на гадания об урожае и гадания о погоде (дожде и ветре), причем часть последних относится к охоте царя. Гадания о дожде могут служить указанием того, что естественное орошение являлось в те времена важным условием земледелия и что урожай на полях зависел от своевременного выпадения дождей. Искусственное орошение, по всему вероятию, не было еще развито и не являлось обязательным условием земледелия.[2] Помимо наличия довольно большого числа названий хлебных культур в хэнаньских надписях при оценке степени развития земледелия могут быть приняты во внимание зафиксированные в Шу цзине предания о большом распространении винокурения и широком употреблении спиртных напитков среди населения Инь.[3]

---

1 Очень может быть, что оно являлось более совершенным и удобным для обработки земли, и что появление металлических «сы» предшествовало появлению таковых же «лэй». По крайней мере, многие эпитеты, прилагаемые в Ши цзине к первому орудию, говорят об его остроте (см. Ши цзин, Couvreur, 285, 439, 441).

2 См. рецензию Иолка (Проблемы Китая, 1931, n° 4—5), опровергающего на основании данных о климатических и почвенных условиях обязательность искусственного орошения и его значения как основы сельского хозяйства в древнем Китае. Помимо отсутствия в древнейших источниках упоминаний об оросительных сооружениях и, напротив, ясно выраженных указаний на важное значение дождя (Ши цзин, Couvreur 283, 286), на зависимость земледелия от дождя указывают и орнаменты на древних сосудах, которые употреблялись при совершении религиозных обрядов имевших целью вызвать дождь. В таких орнаментах наиболее распространены мотивы дождевой тучи, «лэй вэнь», и дракона, являвшегося эмблемой дождя и своим появлением предвещавшего обильный урожай. Наконец, при решении вопроса о существовании искуственного орошения в отрицательном смысле, необходимо учитывать примитивность земледельческих орудий, и, следовательно, затруднительность рытья каналов. Тем не менее, исходя из того, что подземные каналы с колодцами известны в Китае уже с II в. до н. э. (см. Pelliot. L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo Wei, T'oung Pao, tir. à part, 123), можно согласиться с ретроспективными выводами Кокина и Папаяна о большой длительности процесса проведения системы каналов.

3 См. 酒誥 Цзю гао, где приводится речь Чжоу гуна, предостерегающего от гибельного примера Инь, и 微子 Вэй цзы (Шу цзин, Legge, 273 и 399). Сохранившиеся до нашего времени иньские сосуды для вина чрезвычайно разнообразны по виду и поражают своими огромными размерами. (См. Pelliot, Bronzes antiques, pl. I—III и Ван Го вэй, собр. соч., 1-я сер., I, цз. 3, 11 r. и 13 v.).

Кроме культивирования злаков в занятия населения входило огородничество и садоводство, знаки для обозначения которых также встречаются в надписях Сяо туня. Существование этих отраслей сельского хозяйства уже при Инь может служить лишним доводом в пользу высказанного выше мнения о древности оседло-земледельческой культуры китайцев. Особенно же значительным в этом отношении является наличие шелководства, признаки которого мы находим в виде знаков, обозначающих в надписях Сяо туня шелковицу и шелковую вату.[1]

Совершенно несомненно, что кроме шелководства, прядения и тканья населению Китая эпохи Инь были известны и другие отрасли домашней промышленности, о которых здесь не упоминается в виду отсутствия прямых указаний в надписях Сяо туня. То же самое касается остальных отраслей сельского хозяйства и многих других сторон жизни Китая эпохи Инь, полная картина которой не может быть восстановлена на основании скудного и разрозненного материала, имеющегося пока в нашем распоряжении.

14 IV 1933.

---

[1] Согласно расшифровки 余永梁 Юй Юн ляна (Го сюе лунь цун I, n° I, 186). Можно предполагать, что Шаньдун был первым из северных районов Китая, в котором возникло шелководство. Юй гун говорит о племени Лай, приносившем в дань щелковые нити и жившем в районе Шаньдуна. Fauvel в своей статье «The wild silkworms of the province of Shantung» (China Review, VI, 89) полагает, что родиной шелковичного червя Bombyx mori является именно Шаньдун.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Л. И. Думан

РУССКАЯ И ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДУНГАНСКОМ ВОССТАНИИ 1861—1878 гг. в КИТАЕ

ВОССТАНИЕ китайских мусульман, принятое называть в европейской литературе дунганским, вспыхнувшее почти одновременно на огромной территории северо-западных провинций Внутреннего Китая и Китайского Туркестана (Синьцзяна), вызвало в свое время большой интерес как в Западной Европе, так и в России. Это восстание как в период его подъёма, так и значительно позже, породило большую литературу, правда, сплошь состоявшую из мелких статей.

Однако, несмотря на то, что это восстание волновало умы многих ученых, а больше всего государственных деятелей той эпохи, оно еще не изучено; до сих пор мы не имеем ни одного серьезного исследования этого крупнейшего события в мировой истории. Оценить его, вскрыть действительные причины, выяснить движущие силы восстания и определить характер его было не под силу современникам не потому, что в их распоряжении не было соответствующего материала, проливающего свет на мощное движение мусульманских масс Китая, но, в значительной мере, вследствие беспомощности буржуазного востоковедения в методологическом отношении, с одной стороны, и сознательного искажения фактов — с другой. Только применяя метод Маркса — Ленина в изучении этого крупного события, можно осветить отмеченные выше вопросы.

Литература, аннотируемая нами, представляет собой или описание путешествий во время восстания и после, наблюдения путешественников, посетивших районы восстания, причем этого рода литература может быть разделена на две категории — в зависимости от составителей — официальную: отчеты лиц, командированных с определенными заданиями от правительственных учреждений, главным образом, военных, и неофициальную, куда включаем и наукообразную, принадлежащую перу ученых-путешественников, труды которых, представляющие собой наблюдения, дорожные впечатления, не могут быть названы в строгом смысле научно-исследовательскими работами; или же статьи, составленные на основании опроса очевидцев и участников восстания и могущие

служить материалом при серьезном отборе и исключении засоряющих и искажающих действительность субъективных моментов.

Затем пойдут статьи буржуазных востоковедов — не случайных «исследователей» восстания. Впрочем, и эта литература не опирается на документальные данные и поэтому не может быть названа научно-исследовательской, хотя, быть может, и составлена лицами, в свое время являвшимися крупными авторитетами в области востоковедения. Кстати, надо отметить, что она не сумела ответить на основной вопрос — чем было вызвано восстание и каков его характер. К этой литературе необходимо отнести работы: архим. Палладия, останавливающегося в бóльшей мере на истории мусульманства, чем на восстании; В. П. Васильева, В. В. Григорьева, в сочинении которого (в 2-х томах) дунганскому восстанию отведена одна глава. На западноевропейских языках сюда отнесем: Richthofen'a, его известные письма из Шэньси о дунганском восстании, дающие наиболее ценный материал в отношении достоверности передаваемого; впрочем, и Richthofen страдает одной и той же болезнью, что и русские буржуазные «востоковеды» — неуменьем применять социально-экономический анализ исторических явлений; затем сюда относятся работы следующих авторов: M. Dabry de Thiersant, C. Imbault Huart и M. Broomhall.

На китайском языке литература о дунганском восстании, доступная нам, чрезвычайно бедна. Собственно, восстанию посвящены доклады усмирителя восстания Цзо-Цзунтана, историко-географический атлас, рисующий картину подавления восстания, статья в учебнике по истории Китая и ряд писем-обращений китайских властей к русским пограничным властям; прокламация к дунганам с призывом о прекращении движения. Эти материалы находятся в наших архивах и доступны исследователю, однако они, к сожалению, мало проливают света на восстание; и, наконец, мы имеем архивные материалы на русском языке.

Подробную аннотацию перечисленной литературы мы дадим ниже, до этого нам хотелось бы показать на примерах, как рисует эта литература дунганское восстание, показать применяемый «анализ» явлений буржуазными «востоковедами» и в общих чертах оценить все, что до сих пор написано об этом грандиозном движении, поднявшем на ноги не только широкие крестьянские массы Китая, но и обострившем противоречия между капиталистической Англией и помещичье-буржуазной Россией — о восстании, которое разбудило колониальные народы, эксплоатировавшиеся великодержавной Россией.

Прежде всего надо отметить, что ни один из авторов, так или иначе касавшихся вопроса о восстании, не останавливался на экономических причинах его, не давал развернутой социально-экономической характеристики положения дунган и других мусульманских народов Китая, участвовавших в восстании. Этот основной вопрос о причинах восстания освещался весьма наивно, идеалистически.

Так, напр., В. П. Васильев, утверждая, что Манчжурское правительство относилось предупредительно к мусульманам, не преследуя их и не запрещая исповедывать Ислам, а наоборот, представляло мусульманам большие возможности для занятия важных государственных постов, — приходит к заключению, что причину ненависти мусульманского населения по отношению к китайцам надо искать «в политических замыслах». Это, по мнению акад. Васильева, служило побудительным мотивом для восстания дунган, желавших, как полагает проф. Васильев, посадить на трон богдыхана своего единоверца («Восточное обозрение» 1884, № 2. Проф. Васильев, «Китайцы — новые подданные России», стр. 3).

В другом месте В. П. Васильев объясняет восстание мусульман их фанатизмом, нетерпимостью к другим религиям: «Известно стремление мусульманства к прозелитизму, известен фанатизм, не терпящий господства других вер. Попытка осуществить эти стремления проявилась не в первый раз в настоящем возмущении. (Васильев [В. П.] проф., «О движении магометанства в Китае», стр. 19.)

Архимандрит Палладий, занимавшийся в большей мере описанием мечетей, чем восстания, видит причины последнего в притеснении и обидах, которые пришлось терпеть мусульманам от китайских чиновников (см. «Труды членов Пекинской духовной миссии», т. IV, стр. 446).

Сосновский — начальник «ученой» экспедиции в Китай 1874—1875 гг., побывавший в местах, охваченных восстанием, превосходит всех своих коллег, заявляя, что восстание «это не клик газавата во имя знамени пророка, не зов убогой райи за кусок хлеба и свободу совести, а просто бойня, без смысла и причины». По мнению Сосновского, эпоха, в которую происходило дунганское движение, была богата возмущениями и, следовательно, располагала к такого рода выступлениям. «То было время всеобщего брожения и бунтов... обаяние примера и бестактность правительства возбудила восстание; неумелость власти, эгоизм и мелкие интересы прирожденной мусульманству интриги повели его...» («Военный сборник», № 10, стр. 429, ст. «Русская учено-торговая экспедиция в Китай» 1874—1875 гг.»).

Другие авторы, не сумев разобраться в социально-экономических условиях, в которых протекало восстание, разрешают основной вопрос о причинах его чрезвычайно просто: они подменяют причины поводом, непосредственным предлогом выступления эксплоатируемых мусульманских масс Китая. Так поступает M. Broomhall, который, в объемистой книге затрагивая ряд вопросов, связанных с мусульманством в Китае, утверждает, что антагонизм между мусульманами и немусульманским населением Китая был порожден... отказом мусульман выдать китайцам часть добычи, захваченной у повстанцев, проникших из провинций Сычуань в Шэньси (речь идет об остатках тайпинов. Broomhall, «Islam in China», p. 152). Этой же версии придерживается и Dabry de Thiersant (см. «Jour-

nal Asiatique», VII sér., t. III, Paris, 1874, pp. 19—20). Собственно M. Broomhall опирается на Thiersant'а и, по существу, нового ничего не сообщает.

В другом месте цитируемой нами работы (стр. 153) M. Broomhall указывает на то, что выступление дунган, составлявших часть китайского гарнизона Сианьфу, явилось следствием обид, нанесенных дунганам китайцами.

Такого же рода «объяснение» причин восстания мы находим и у других авторов многочисленных статей на западноевропейских языках, посвященных дунганскому восстанию. Это позволяет нам утверждать, что ни западноевропейская, ни буржуазная русская, а тем более китайская литература—(на китайском языке, как мы отмечали, нам известны лишь официальные доклады, которые безусловно не заинтересованы вскрывать действительные причины отмечаемого события) — не дали ответа на кардинальный вопрос—вопрос соотношения классовых сил, который должен быть поставлен в отношении любого исторического явления. Не лучше обстоит дело и с описанием хода восстания, его целеустремленности, задач, выдвигавшихся повстанцами.

На последние два вопроса аннотируемая литература также не дает удовлетворительного ответа. Часть авторов доказывает, что «восстание не имело никакой определенной цели» (Матвеев, П. Поездка в западный Китай, стр. 31; Сосновский, Военный сборник). Другие (Пржевальский) заявляют, что главной целью восставших были грабежи и мелкие разбои (Пржевальский, Н. Монголия и страна тангутов, стр. 269).

Совершенно не освещаются экономические мероприятия дунган после захвата власти в ряде районов, и таким образом затемняется вопрос—чьи интересы отражало выступление дунган. Вместо этого преподносятся рассуждения о дикости азиатов, их неумении осознать свободу, ее необходимость; стараются доказать, что восстания задавленных колониальной эксплоатацией народов Востока вызываются недовольством отдельными личностями и т. д.

Носителем таких «идей» является известный путешественник, полковник царской службы Пржевальский. Вот как «оценивает» он народные восстания в Азии: «Замечательно, что и народные вспышки в Азии проявляются обыкновенно лишь против отдельных личностей, так или иначе навлекших на себя негодование массы, но не против самого принципа деспотизма» (Пржевальский, Н. М. 4-е путешествие, стр. 496).

Великодержавный шовинизм дает себя чувствовать в этих и следующих словах: «Дикий азиатец инстинктивно сознает, что для его грубой натуры истинная свобода была бы гибелью, ибо у народов, не подготовленных к высокой государственной жизни, другими словами—варварских, общественные вольности легко могут превратиться в анархию» (Пржевальский, Н. М. там же).

Это заявление и другие, ему подобные, свидетельствовали об оживлении русской шовинистической прессы, проводившей подготовку интервенции в Западный Китай и призывавшей к усмирению восстания обездоленных, доведенных до отчаяния всех крестьянских масс Китая, независимо от принадлежности к той или иной народности или религии. Квалификация повстанцев как разбойников, приписывание им, якобы, ничем не оправдываемой и ничем не вызванной жестокости (Пржевальский и др.) служили одной цели — цели вмешательства России и использования восстания в интересах российских помещиков и торгово-промышленной буржуазии.

Эта шовинистическая обработка общественного мнения проводилась по-разному. Одними грубо — по-военному; другими — по-профессорски, с пафосом восхваления «культуртрегерской» роли самодержавной России. «Являясь в Азию, мы не походим на европейцев, — пишет проф. Васильев, — уничтоживших коренное народонаселение в Америке; мы являемся к туземцам помочь им в эксплоатации природы, которой они без нас не одолели бы, мы делимся с ними своими средствами, добытыми тяжким трудом. Мы можем гордиться тем, что пришли в эти края не как завоеватели, а как освободители от тирании междуусобия и бессилия» (Современное положение Азии, Китайский прогресс, Речь проф. Васильева, Сборник топогр., геогр., стат. и др. матер. по Азии, 1885, XVII, стр. 37).

Профессор Васильев «забыл», что приход в Азию «освободителей» был встречен упорным сопротивлением коренного населения, дравшегося до последней капли крови за каждую пядь своей земли.

А. К. Гейнс, статья которого в Известиях Русского Географического общества[1] представляет собой более полное описание восстания, чем все остальные работы на русском языке, бьет тревогу по поводу возможности образования самостоятельного мусульманского государства в Китае, что неблагоприятно отразилось бы, по его мнению, на положении русских в Средней Азии.

«... с другой стороны, возможность распадения Китая, помимо огромного политического значения, которое этот факт может иметь для нас, русских, подействует самым неблагоприятным образом на интеллектуальные силы наших соседей». (Гейнс, А. К. О восстании мусульманского населения или дунганей в Зап. Китае. Изв. РГО, 1866, т. II, стр. 96).

Это повторяет В. В. Радлов, призывающий к захвату Илийского края на том основании, что там (в Западном Китае) отсутствует благоустроенное государство, которое уважало бы заключенные с ним договоры.

«... едва ли не единственный для нас исход из нынешнего неопределенного положения представлялся бы в занятии всей Илийской долины до реки Каша,

[1] В дальнейшем — Изв. РГО.

где Небесный хребет (Тянь-Шань) послужил бы по крайне мере более естественной границей» (Изв. РГО, 1870, VI, № 1, стр. 98).

По этим небольшим отрывкам видно, что дунганское восстание, не найдя себе правильного освещения как в русской, так и в западноевропейской литературе, вызвало большое оживление в лагере колониальных «цивилизаторов», насаждавших европейскую «культуру» ... пушками, и их ученых собратьев, служивших пером этому же делу — делу прославления «культурной» миссии «Белого царя».

Дальше сравнения восстания с движением народов на азиатском материке во II—V вв. н. э. и противопоставления азиатам человека белого племени — «истинного царя земли» (Венюков, М. И., Изв. РГО, 1871, VII, стр. 333—334) — русская литература не пошла, если не считать такого же «ценного» для научно-исследовательской мысли утверждения акад. Васильева об опасности мусульманского движения в Китае для христианства («О движении магометанства в Китае», стр. 3), в свое время мобилизовавшего силы реакции как в России, так и на Западе.

К приведенной выше характеристике необходимо еще добавить то, что аннотируемая литература, оказав большую услугу царскому правительству в деле обработки общественного мнения и морального вооружения последнего перед отправлением оккупационной карательной экспедиции в Илийский край, в результате чего был захвачен Кульджинский район, очень мало дает современному исследователю дунганского восстания, как и вся западноевропейская литература, специально посвященная этому же вопросу. Небогатая фактическим материалом, почти сплошь состоящая из внешнего описания восстания, его хронологии, притом часто искажающая эту хронологию вследствие отсутствия документальных данных, — такова литература, с которой приходится иметь дело историку.

Не лучшим подспорьем служат и китайские официальные источники, пользоваться которыми нужно с большой осторожностью и уменьем, отбрасывая ненужные прикрасы, предназначенные для рекламирования «доблести» китайского оружия и «героизма» китайских чиновников и военных властей, направлявших это оружие против безоружных восставших трудящихся масс.

О социально-политическом лице этой литературы мы говорили достаточно много; резюмируя, скажем, что в основном как литература официальная — имеем в виду отчеты, статьи в военных журналах, — так и неофициальная, с включением сюда и «научной», выражает интересы господствующих классов, интересы помещичье-буржуазного государства, на службе у которого она находилась.

Ее установка, цели и задачи, поставленные пред ней — приковать общественное внимание вокруг восстания, показать последнее в невыгодном свете с целью оправдания вмешательства русского правительства во внутренние дела Китая и усмирения освободительного движения, угрожавшего втянуть народы

Востока, находившиеся под солдатским сапогом русского царизма — признанного жандарма в Восточной Европе. Мы знаем, что эта опасность (вовлечение народов в фарватер революционного движения) была вполне реальной для самодержавной России. Об этом свидетельствует связь кочевого населения (главным образом, киргизов-русских подданных) с повстанцами-дунганами и оказание активной поддержки последним.

Русская литература била тревогу по поводу влияния, оказываемого дунганским восстанием на мусульманские народы, «присоединенные» огнем и мечом к России. Таков был социальный заказ литературе того времени, занимавшейся изучением восстания. Надо сказать, что заказ с честью был выполнен. Однако мы будем неправы, если не отметим, что в едином фронте самодержавного «востоковедения» прорывались нотки либеральной оценки и буржуазно-либерального сочувствия восстанию. Такова, например, позиция Пояркова, в слащаво-сентиментальной статье которого выражается сожаление о напрасно пролитой крови с обеих сторон. Но и Поярков сбивается на ярко выраженный шовинистический тон, превознося «доброту» Белого царя (Поярков, Ф. В., Последний эпизод дунганского восстания, стр. 10).

Научная ценность литературы, с которой приходится иметь дело исследователю дунганского восстания, весьма невелика, кроме всего сказанного, еще и потому, что она не использовала первоисточники, в особенности китайские материалы, официальные документы — доклады, донесения и т. д.

Свидетельские же показания очевидцев и даже участников восстания в аннотируемой литературе первые преобладают) не могут служить в данном случае первоисточником, тем более при отсутствии подтверждения со стороны письменных данных, вследствие привнесения многочисленных субъективных моментов и невозможности охватить во всей полноте и многообразии движения, всех его перипетий.

К тому же эти показания не идут дальше изложения хронологии. Таким образом, можно сказать без преувеличения, что вся литература, посвященная мусульманскому восстанию 60—70 гг. в Китае, в том числе и западноевропейская, не выходит за пределы газетной хроники, несмотря на значительные размеры этой литературы в общей сложности.

Если к этому добавить, что подлинные документы, могущие пролить яркий свет на это замечательное событие в истории национально-освободительных движений, находятся в китайских архивах, пока недоступных исследователю, и что часть документов погибла в годы гражданской войны в Казакстанском (Алма-атинском) и, повидимому, в Ташкентском архивах, — станет ясно, что перед историком стоят большие трудности, преодолеть которые, конечно, возможно, но для этого требуется время и коллективные усилия.

После этих кратких замечаний и общей оценки литературы о дунганском восстании попытаемся дать аннотацию каждой работе в отдельности, включая и газетные статьи.

Всю аннотируемую литературу мы разбиваем на четыре отдела: I. Русская; II. Западноевропейская; III. Китайская; и IV. Архивные материалы.

В основу аннотации взят порядок алфавитного расположения авторов как русских, так и иностранных работ.

I. Русская литература

1. Аристов. Н. О настоящем положении инсуррекции в Западном Китае. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Изд. Статистич. комитета под редакцией Н. А. Маева. Выпуск II, 1873, СПб., стр. 158—170.

Автор рисует картину восстания в 1871—72 гг., его возникновение, сферы распространения. Аристов ошибочно относит Салар к провинции Шаньси, вместо Ганьсу. Имеются погрешности и в транскрипции китайских географических названий, вследствие чего, например, трудно понять, какую провинцию имеет в виду автор — Шаньси, или Шэньси, говоря о ней как о центре восстания.

Приводится весьма спорное, пока никем не доказанное, утверждение, что мусульмане пров. Ганьсу и Шэньси имели связь с повстанцами-мусульманами в Юньнане и оказывали им помощь. Точно так же указываемая Аристовым дата начала восстания в северо-западных провинциях Китая, — по его мнению, восстание в этих провинциях началось одновременно с Юньнанским, т. е. в 1855 г., — не согласовывается с указаниями многочисленных работ русских и западноевропейских, которые относят начало восстания к 1861—1862 гг. Аристов ставит вопрос о бессилии китайского пр-ва подавить восстание, полагая, что для этого китайцам необходимо нравственно переродиться.

2. Аристов, Н. Наши отношения к дунганам, Кашгару и Кульдже. Помещена там же (Туркестанский ежегодник), стр. 170—182.

Освещая вопрос о взаимоотношениях России с дунганами, Якуб-беком и китайцами, Аристов, Н. указывает на причины отказа русских властей — на первом этапе восстания — оказать помощь китайскому пр-ву, в ответ на просьбу Илийского цзян-цзюня; причины эти — по Аристову — нежелание обострить отношения России с мусульманскими народами в Средней Азии. Приводятся данные об оставленных без ответа попытках со стороны дунган установить торговые и дипломатические отношения с Россией. Отмечается, что дунгане имели сторонников как на русской территории, так и на китайской в лице киргизов, оказывавших им помощь.

3. Аристов, Н. О войне Якуб-бека с дунганами в 1870 г. Туркестанские ведомости, 1872, №№ 27 и 28.

В двух больших газетных статьях, составленных на основании сведений, полученных от торговцев и разных выходцев из Урумчи, Курля и Кашгара и торгоутов, прикочевавших из Карашара в Кульджу в 1871 г., дается подробное

описание (исключительно хронология) войны Якуб-бека с дунганами, причем совершенно не вскрываются причины этого интересного факта. Статьи, изобилующие мелкими деталями, датами в большом количестве, названиями, именами, рассеивают внимание читателя и затрудняют установление подлинной картины события.

4. Бабков, И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875. СПб., 1912, X + 575 стр.

Генерал Бабков, прослуживший в Сибири более 30 лет в качестве нач. штаба Сибирского военного округа, Степного генер.-губернатора и т. д., освещает историю взаимоотношений русских пограничных властей с китайскими и установления границы с Зап. Китаем в 1869 г. Дунганскому восстанию отведено очень немного места — 4 главы (ч. IV, гл. I, стр. 289, гл. III, стр. 347—352; гл. VI, стр. 482—484 и гл. VII, стр. 521—534), причем нового автор ничего не сообщает, используя общеизвестную литературу. Бабков, И. указывает, что Россия не могла занять всю Чжунгарию вследствие малочисленности русских войск в Западном Китае и на границе с ним и неизбежности столкновения с Англией, стремившейся также проникнуть в Синьцзян. Интересными и новыми являются подробные указания на политику русского пр-ва в отношении дунганского восстания. Отмечается наличие 2-х периодов в позиции России в этом вопросе: первый — в 1865—1871 — позиция невмешательства, выжидания, из опасения обострить отношения с дунганами в случае установления сильного мусульманского государства, и второй — после 1871 г. — активная поддержка китайского пр-ва в деле усмирения восстания.

Интересное освещение дается факту проникновения дунган в Северную Монголию, указывается, что оно (проникновение) было вызвано безвыходностью положения вследствие двойной угрозы Урумчи: со стороны китайских правительственных войск и со стороны Якуб-бека.

5. Беллю. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873—1874 г. СПб., 1877, стр. 1—309.

Заключает в себе отдельные характеристики жизни и нравов народов Зап. Китая. Дунганскому восстанию уделено мало места. Восстание трактуется как конкурентная борьба между буддизмом и исламом.

6. Беллю. Дунгане с 1845 по 1869 г. Из истории Кашгара. Беллю. Миссия Форсита в Яркенд в 1873 г. Сборник топогр., геогр. и статист. матер. по Азии, вып. XII, 1884 г., стр. 254—277.

Характеристика дунган. Описание восстаний в В. Туркестане. Краткое изложение дунганского восстания в Чжунгарии и Восточном Туркестане. Неуспех восстания в западном Алтышаре (В. Т.) объясняется борьбой различных религиозных сект (дунгане-шафи, жители зап. Алтышара — чариары [?]).

7. Богоявленский, Н. В. Западный застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906, VI + 418 стр.

О дунганском восстании приводятся общеизвестные факты, дается характеристика хозяйственной деятельности дунган — торговой, промышленной и земледельческой; освещается экономическое

положение (без цифровых данных) дунган и др. народов в Западном Китае. Статистические данные отсутствуют. Для исследователя книга не представляет никакой ценности, являясь полубеллетристическим произведением.

8. Бородин, Г. Правитель Алтышара (о деятельности Якуб-бека), Туркестанский ежегодник, вып. II, 1873, стр. 198—252.

Характеристика личных свойств Якуб-бека и его деятельности в Восточном Туркестане. Ничего ценного, — может служить дополнением к другим работам о бодаулете (Якуб-беке) и управлении им Кашгарией.

9. Васильев, [В. П.] проф. О движении магометанства в Китае. СПб., 1867 (приложение на китайском языке), стр. 30 + 13.

Посвящена, в основном, истории мусульманства в Китае. Этот вопрос трактуется в связи с восстанием мусульман. Подробно описывая пути проникновения мусульманства в Китай, время его окончательного утверждения и степень охвата исламом населения, автор предвещает большую будущность мусульманству в Китае. В связи с успехами дунганского восстания проф. Васильев ставит вопрос об опасности, грозящей Китаю со стороны мусульман и о возможности образования сильного мусульмангоско государства в Восточной Азии, могущего представить реальную угрозу для христианства. Перечисляются сферы распространения магометан в Китае, с примерным указанием численности их в каждой местности. Разбираются приемы мусульманской агитации в Китае. В конце книги приложена мусульманская прокламация на китайском языке, излагающая основные черты обрядовой стороны Ислама, его регламент; интересна тем, что рисует устройство магометанской общины и показывает методы, благодаря которым мусульманство находило в Китае широкое распространение.

Статья проф. Васильева является одной из лучших работ по мусульманству в Китае (на русском языке). Дунганское восстание почти не освещается, и в этом отношении работа проф. Васильева не может быть признана руководящей и основной. Имеется перевод на английском языке.

10. Васильев, В. П. Записка очевидца восстания мусульман в Илийской провинции китайца Лю-цунь ханя. Русский вестник, 1872, V, стр. 173—191.

Переводу двух записок о дунганском восстании в Илийской провинции предпослана вступительная статья проф. Васильева, излагающая историю покорения китайцами Восточного Туркестана и колонизации его. Освещается вопрос об оккупации русскими Кульджи. Сами записки, рисующие в подробностях восстание в Кульджинском районе, ценного ничего не дают. В объяснении причин восстания автор записок дальше указания на притеснения дунган и таранчей со стороны китайско-манчжурских властей не идет.

11. Васильев, проф. Китайцы — новые подданные России. Статья. Восточное обозрение, 1884, № 2.

Посвящена переселению дунган в Россию после подавления восстания китайским правительством. Дается характеристика одного из вождей дунганского движения — Боянь-Ху, отмечается существование двух мусульманских государств: в Юньнани (Далифу) и у выхода в Туркестан.

12. Васильев, В. П. Современное положение Азии. — Китайский прогресс. Сборник топогр... по Азии, 1885, XVII, 37 стр.

Ярко выраженная шовинистическая статья, в которой автор отмечает «культурную» миссию самодержавной России в Азии, противопоставляя «полезную» деятельность России в колониях угнетению колониальных народов Англией.

О дунганском восстании упоминается в связи с «помощью», оказанной русским правительством дунганам при эмиграции последних из Западного Китая.

Помощь эта, как нам известно, была оказана после активного подавления русскими войсками движения народных масс.

13. Венюков, М. Очерки современного Китая, СПб., 1874.

Гл. XI — главные события в Китае за последние 3 года (1871—1873), стр. 242—252. Посвящена дунганскому восстанию. По существу, эта глава повторяет статью того же автора в Изв. РГО (см. ниже).

14. Венюков, М. Мусульманское восстание в пограничных с Россией частях Китая за последние годы (1870—1872). Изв. РГО, 1873, т. IX, стр. 32—36.

Дается краткая характеристика административного управления на территории, захваченной дунганами. Описывается ход восстания в северо-западных провинциях Китая (Ганьсу, Шэньси). Приводятся данные о распространении восстания дунган на Северную Монголию. Дается описание позднейшего периода восстания (второго этапа) 1870—1872.

15. Венюков, М. И. Заметки о населении Чжунгарского пограничного пространства. Изв. РГО, 1871, VII, отд. II, № 7, стр. 333—348.

Описание народов, населяющих Чжунгарию, за 1871 г.; приводится краткая характеристика занятий этих народов. Есть сведения о дунганах, приведена таблица численности населения. Указаны роды у киргизов, устройство администрат. управления. Несколько слов о дунганском восстании.

16. Венюков, М. Материалы для военного обзора современных русских границ в Азии.

В одной из глав отводится немного места дунганскому восстанию, причем пересказывается статья, помещенная в Изв. РГО за 1873 г., т, IX (см. № 14 данного отдела).

17. Веселовский, Н. Бадаулет Якуб-бек, аталык кашгарский. Записки Вост. отд. Русск. археолог. об-ва, 1899, XI.

Сообщает биографические данные о Якуб-беке, рисует его характер. Есть указание на положение подданных кашгарского правителя, отмечается непосильность податного обложения в Кашгарии при Якуб-беке. Статья может быть полезной при составлении характеристики соц.-экономического положения владений Якуб-бека, хотя к дунганскому восстанию непосредственного отношения не имеет.

18. Гейнс, А. К., действ. чл. Геогр. об-ва. О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае. Изв. РГО, 1866, т. II, стр. 75—96. Также: «Военный сборник», 1866, № 8. Перевед. на англ. яз. под названием: Heins, O. K. «Rising of the Dungans or mussulman population in Western

China». Translated from the Russian Military journal for Aug. 1866. See Edinburgh Review, 1868.

Доклад на общем собрании РГО 16 IV 1866 г. после поездки в киргизские степи. Материалами служили: рассказы местных уроженцев, знакомых с положением в Китае, дела канцелярии губернатора Семипалатинской области, описание путешествия в Кашгар Валиханова и использована консультация генерального консула в Кульдже Захарова.

Из русских работ о восстании статья Гейнса, А. К. наиболее ценная, всесторонне освещающая дунганское движение. Дается подробное описание хода восстания в Чжунгарии и Восточном Туркестане до 1866. Отмечаются сферы распространения его за исключением внутренних провинций Китая. Перечисляются города, находящиеся во владении дунган. Автор подробно останавливается на административном и военном управлениях на дунганской территории, характеризуя дунганскую государственную организацию как теократическую.

19. Григорьев, В. В. Восточный или Китайский Туркестан, СПб., 1873, вып. II, дополнения.

Дунганскому восстанию посвящена XIV глава — Восточный Туркестан в течение последних десяти лет, стр. 499—525; компилятивная статья, в которой использованы русские и, отчасти, английские печатные работы. В основном, дана хронология восстания, его территориальное распределение.

Оъяснение причин восстания — идеалистическое. По автору, этой причиной был религиозный антагонизм между мусульманами и китайцами-манчжурами.

20. Грум-Гржимайло, Г. Е. Дунганский партизан Даху-Баян-хур. Исторический вестник, 1891, № 6, стр. 626.

21. Грум-Гржимайло, Г. Е. Неизведанные страны Средней Азии. Урумчи. Русский вестник, 1893, IV, стр. 1—56.

Описание города Урумчи, его жителей, их деятельности. Дунгане характеризуются как единственные хозяева Урумчинского района. Даются отдельные характеристики вождям восстания. О дунганском восстании сказано немного и то только в связи с историей города.

22. Грум-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Ленинград, 1926, т. II.

Дунганское восстание освещается на стр. 722—732, ничего нового. Оккупация русскими войсками Кульджи трактуется как дружеский акт по отношению к китайскому правительству, так как это, по мнению автора, помогло подавить восстание в Синьцзяне. На стр. 722 приводится библиография по дунганскому восстанию (без аннотации), далеко не полная.

23. Грум-Гржимайло, Г. Е. и М. Е. Описание путешествия в Западный Китай, т. 1, СПб., 1896, стр. 547; т. II, СПб., 1899, стр. 445; т. III, СПб., 1907, стр. 531.

По всем томам разбросаны сведения о дунганах в связи с описанием посещенных районов. Восстание освещается тоже в связи с характеристикой той или иной местности. В I т. кратко излагаются события в Илийской области,

в Урумчи, Турфане. II том посвящен, в основном, Восточному Туркестану (Алтышару), характеризуются ганьсуйские дунгане. Местами — в трех томах — даются интересные замечания о социально-экономическом положении Чжунгарии и Восточного Туркестана, но очень краткие. Интересным является описание налоговой системы в Турфане и др. городах (т. I, стр. 354—380). Работа авторов, не внося, конечно, ничего нового в дело изучения дунганского восстания, может быть полезной для составления социально-экономической характеристики районов, которые были охвачены восстанием.

24. Дьяков, А. Воспоминания Илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864—1871 гг. в Илийском крае. Отдельный оттиск из Записок Вост. отд. Русск. археолог. об-ва, т. XVIII, СПб., 1908, 50 стр.

Перевод манчжурской рукописи очевидца восстания (сибинца), сделанный Дьяковым под редакцией и с примечаниями Котвича, представляет собой схематический перечень событий — хронику восстания в Илийском крае. Никаких указаний на экономические корни движения. Приводятся ссылки на административный гнет со стороны манчжуро-китайских властей.

25. Зеланд, Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня, Записки Зап.-сиб. отд., РГО, 1887, IX, стр. 1—202.

Посвящена описанию домашнего быта, занятий кашгарцев и др. народов Восточного Туркестана. О дунганском восстании ничего нового, пересказываются известные факты.

26. Иванов. А. Несколько сведений о Кашгаре и о последнем восстании против китайцев. Материалы для статистистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. II, 1873, стр. 151—157.

Мало материала для исследования причин восстания. Освещается вопрос об административном управлении туземным населением в Кашгарии до восстания, дается краткое описание восстания, борьбы отдельных ханов за власть.

27. Костенко, Л. Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк генер. штаба полковника Л. Ф. Костенко. Сборник топогр.... по Азии, вып. XXVIII, 1887, стр. 340.

Дается краткая характеристика деятельности дунган. Освещается вопрос о переселении дунган в Западный Китай из внутренних провинций. Кратко излагается история покорения китайцами Чжунгарии; эксплоатация трудящихся масс Западного Китая китайско-манчжурским правительством. Подробно освещена роль России в подавлении восстания.

28. Куропаткин. Кашгария. СПб., Изд. РГО, 1879, III, 435 стр.

Излагается ход борьбы ходжей в Восточном Туркестане в связи с историей его, восстание дунган и захват власти Якуб-беком. Не представляет ценного и самостоятельного в отношении изложения восстания; работа Куропаткина интересна описанием, правда, далеко неполным, социально-экономических условий в В. Т.

29. Липинский. О ходе беспорядков в Сев. Монголии в 1870 г. — Изв. Сиб. отд. РГО, 1871, II, № 4, стр. 20—31.

Сообщение о распространении дунганского восстания на Северную Монголию.

30. Матвеев, П. П. Поездка в Западный Китай. Ташкент, 1879, стр. 55.

В основном посвящена состоянию вооруженных сил в Западном Китае в момент восстания. О самом восстании почти ничего нет. Есть интересные указания на связь русского торгового капитала с китайским командованием, заключившим договор с купцом Каменским о поставке хлеба для китайской армии. Отмечается покровительственная политика русских пограничных властей по отношению к купцам. Подчеркивается активная роль России в подавлении восстания.

31. Палладий, архим. О магометанах в Китае. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 437—460.

Разбирает следующие вопросы: появление магометан в Китае, наименование мусульман (хуй-хуй); отношение манчжурского пр-ва к магометанам; восстание мусульман-саларцев в 80 гг. XVIII в. и в 60 гг. XIX ст. Однако, восстанию уделено очень немного места. Дана характеристика хозяйственной деятельности дунган. В общих чертах освещена мусульманская литература в Китае. Почти одна четвертая часть статьи посвящена описанию религиозных установлений китайских мусульман и мечетей.

32. Пантусов, Н. Н. Война мусульман против китайцев. Казань, 1881. Приложения, составленные Пантусовым, Н. Н. Вып. 2.

Песни таранчинцев, собранные и переведенные Пантусовым, рисуют яркую картину эксплоатации таранчинского населения китайцами. По существу могут служить материалом, освещающим феодальные отношения (главным образом повинности) в Западном Китае (Чжунгарии). Проливают свет на действительные причины восстания дунган и таранчей.

33. Позднеев, Д. М. Основные течения государственной жизни Китая в XIX в. Вступительная лекция, произнесенная в С.-Петербургском университете 9 XI 1896 г. СПб., 1897, 24. стр.

В лекции вскользь упоминается о мусульманском движении, указывается на огромные размеры его.

34. Поярков, Ф. В. Последний эпизод дунганского восстания (маленькая страница из прошлой жизни Семиречья). Памятная книжка Семиреченской области, 1901 г., 1—76 стр. Отдельный оттиск, г. Верный 1901 г., стр. 1—76.

Брошюра в значительной части посвящена вопросу переселения дунган в конце 1877 г. из пределов Западного Китая в Россию.

История дунганского восстания изложена на основании расспросов очевидцев и участников. Представляет один лишь перечень событий.

35. Пржевальский, Н. М. 4-е путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. СПб., 1888, 11 + 536 стр.

В объемистой книге о дунганах и восстании сказано немного. В главе об отношениях Китая с Россией дается материал о дунганах (данные о податях, поборах), относящийся к периоду после усмирения восстания (1883 г.).

36. Пржевальский, Н. Монголия и страна Тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. СПб., 1875., ч. I, IX + 381 стр.

В специально посвященной дунганам главе (X, стр. 256—277, тангуты и дунганы) дается характеристика (отрицательная) личных свойств дунган, приводится описание сфер распространения восстания (в северо-западных провинциях Китая, главным образом, в Ганьсу), методов борьбы с китайскими войсками, анализируются причины поражения восстания. Отсутствуют указания на причины возникновения восстания. Последнее характеризуеся как разбой, грабеж. Несмотря на посещение районов, охваченных восстанием, автор не дал обзора экономического положения мусульманского населения в Китае. В большей мере отмечаемая глава посвящена тангутам провинций Ганьсу и Кукунора. По всей книге разбросаны отдельные указания о дунганском восстании поверхностного характера. Преобладающая часть книги посвящена географическому и ботанико-зоологическому описанию посещенных Пржевальским районов.

37. Пясецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874—1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-западный Китай. Москва, 1882, тт. I, 584 стр. и II, 605 + XX стр.

О дунганском восстании ничего ценного не дает. За исключением упоминания о разрушенных городах, селах и деревнях в результате восстания и приводимой характеристики дунганских вождей, казненных китайцами; по существу о восстании ничего больше не говорится, несмотря на то, что автор посетил в составе учено-торговой экспедиции почти все районы восстания, непосредственно после усмирения последнего. В конце II тома приложена рецензия Петровского на отчет нач-ка экспедиции Сосновского, отмечающая, что экспедиция не дала никакого ответа на вопросы: почему произошло восстание, где причины, повод и смысл его, кто участвовал в нем и т. д.

38. Рейнталь, П. Из путевых записок о Нарыме и Кашгаре. Военный сборник, 1870, т. LXXIV, стр. 143—186; 335—390.

Штабс-капитан Рейнталь, командированный в Кашгар по распоряжению Туркестан. генерал-губернатора после поездки в Ташкент родственника Якуб-бека Шади-Мирзы, в аннотируемых статьях, в основном, освещает путевые приключения. Самым интересным является характеристика Якуб-бека и описание аудиенции у последнего, проливающее свет на взаимоотношения кашгарского правителя с Россией. О восстании дунган ничего нет.

39. Рихтгофен, барон. О положении дел в Западном Китае.

Перевод письма барона Рихтгофена, напечатанного в North China Herald от 7 VII 1872 г., т. VIII, № 253. Туркестанские ведомости (газета), 1872 г., № 33 от 22 VIII.

40. Его же. Письмо из Синаньфу (Сианьфу) пров. Шэньси (выдержка из частного письма барона Рихтгофена от 12 и 14 I 1872 г.). Сборник топогр... по Азии, 1884, XII, стр. 277—282.

В письмах подробно излагается ход восстания во внутренних северо-западных провинциях Китая (Ганьсу, Шэньси).

См. нашу аннотацию в отделе иностранной литературы, № 5.

41. Ровинский, П. По поводу последних событий в Западном Китае. Статья. См. Материалы для статистики Туркестанск. края, 1873, вып. II. То же С.-Петербургские ведомости, № 154, под названием «Монгольский вопрос».

Сообщается о проникновении дунган в Монголию, разграблении (?) Улясутая и о попытках захватить Ургу. Отмечается большая роль дунган в торговле с Монголией, их влияние там.

42. Сосновский. Русская ученоторговая экспедиция в Китай. 1874—75 гг. Военный сборник, 1876, 10, стр. 121.

Отчет начальника экспедиции. Приводятся весьма скудные указания на занятия дунган, их положение; делается попытка — весьма неудачная — вскрыть причины восстания, заключающиеся, по автору, в ... кровной обиде, нанесенной властями одному из руководителей восстания Махуалуну, державшему в экономической зависимости большой район, населенный мусульманами и пользовавшемуся огромным влиянием среди них.

Более интересными являются указания на постоянные потравы и захваты китайцами дунганских земель.

43. Ша, Роберт. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара (прежней китайской Татарии), сочинение Роберта Ша, великобританского комиссара в Ладаке. Перевод с английского. СПб., 1872. См. нашу аннотацию в отд. иностранн. литературы, № 8.

Русская литература о Синьцзяне (Джунгария и Вост. Туркестан)

Кроме приведенной нами литературы, специально посвященной дунганскому восстанию или освещающей его в связи с другими вопросами, исследователю необходимо ознакомиться с работами, которые хотя и не затрагивают это крупное событие, но дают возможность разобраться в нем, рисуя социально-экономическое положение районов, где происходило восстание.

Оговоримся, что не всегда эти работы смогут оправдать надежды, возлагаемые на них историком. Однако, при отсутствии социально-экономического анализа в статьях, специально рассматривающих дунганское восстание, работы, ниже приводимые, могут быть полезными, охватывая весь Китайский Туркестан (Чжунгария и Восточный Туркестан).

1. Валиханов, Ч. Ч. Очерки Джунгарии. Записки РГО, 1861, кн. 1 и 2.

Описание путешествия до Заукинского прохода.

2. Валиханов, Ч. Ч. О состоянии Алтышара. Записки РГО, 1861, кн. 3.

Общее географическо-статистическое описание шести городов Восточного Туркестана по собранным Валихановым во время путешествия сведениям.

3. Валиханов, Ч. Ч. — Поездка в Кашгар. Изв. РГО, 1868, IV, стр. 264—287.

Отрывок из рукописи. Характеристика народностей, описание караванной торговли, обложения ее зекетом, штрафами и поборами киргизскими ханами.

4. Венюков, М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, 546 стр.

Имеются сведения о Кашгаре, о торговле с ним.

5. Иакинф, монах. Статистическое описание Китайской империи, ч. II, 1842. Описание Восточного Тюркистана, стр. 120—136.

6. Иакинф (Бичурин), монах Описание Чжунгарии и Восточного Тюркистана в древнейшем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. 2 части. СПб., 1829.

7. Иакинф (Бичурин). Статистическое обозрение Чжунгарии в нынешнем ее состоянии. Русский вестник, № 9, СПб., 1841, стр. 614—636.

8. Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903, 425 + VI стр.

Наиболее полное описание В. Т. Статистические данные относятся к 80-м и последующим годам, однако могут быть использованы для социально-экономической характеристики Кашгарии более раннего времени. Освещаются экономика страны и социально-политические условия.

Рецензия В. Бартольда, З. В. О., XV, 1904 г.

9. Костенко, Л. Очерки Семиреченского края. Военный сборник, 1872, № 11, стр. 156—197, № 12, стр. 376—412.

Путевые письма, не имеющие большой ценности; есть данные о торговле и промышленности Кульджи за 1872 г. (стр. 190), о населении Кульджи, Алма-Аты. Характеристика дунган, таранчей и др. народов. Преобладает описание путей следования, природы, внешнего вида городов.

10. Пантусов, Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 гг. Казань, 1884 г., 226 стр.

Подробное описание Кульджинского района с изложением причин оккупации его. Много материалов о соц.-экономич. положении, но не в отношении всей Чжунгарии.

11. Петровский, Н. Отчет о Кашгарии, 1885. Сборник топогр... по Азии. 1886., вып. XXII, стр. 1—61.

Краткий обзор В. Т. восьмиградия — Наньлубачэн. Администр. устройство, управление, подати, повинности. В извлечении дается перевод (с французского) указа имп. Гуан-Сюя об усмирении дунганского восстания и о занятии китайскими войсками Кашгарии.

12. Федоров, Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края под редакц. генер. штаба генер.-майора Тихменеева. Изд. штаба Турк. военн. округа. Ташкент, 1903 г., т. I, 299 стр., т. II, 318 стр.

Рецензия В. Бартольда, З. В. О., XV, стр. 0131—0137.

II. Западноевропейская литература

1. Bellew. H. W. Kashmir and Kashgaria. London

Поверхностное описание владений Якуб-бека, не могущее служить исследователю в качестве ценного материала. Имеются отдельные замечания о занятиях жителей.

О восстании нет ничего нового по сравнению с русскими работами.

Есть перевод на русском языке. См. отд. I, № 5.

2. Boulger, Demetrius, C. The Life of Jacoob Beg. London, 1878.

3. Broomhall, Marshall, B. A. Editorial Secretary, China Inland Mission. Islam in China. A neglected Problem, with illustrations, ets. London, 1910.

Компилятивный труд, освещающий ранние сношения Китая с арабами, проникновение мусульманства в Китай, происхождение наименования мусульман (хуй-хуй), численность населения, социальные условия существования его. Религиозные установления: обряды, организация мусульманской церкви, описание мечетей; проблема евангелизации и т. д.

В двух главах (стр. 147—167 и 167—183) излагаются восстания мусульман в Юньнани и в северо-запад. провинциях Китая и китайском Туркестане. В описании восстания дальше изложения политической истории его автор не идет. Социально-экономический анализ отсутствует. Объяснение причин восстания наивное. Главы о восстании не представляют большой ценности. Более интересны другие главы, рисующие положение мусульманства в Китае. Автор использовал работы Boulger'a, Dabry de Thiersant'a, архим. Палладия, Васильева В. П. и др.

В конце книги приложена библиография (без аннотации) в большей мере по мусульманству в Китае, чем по дунганскому восстанию.

4. Imbault Huart, C. Recueil de Documents sur l'Asie Centrale. 1. Histoire de l'insurrection des Tounganes sous le regne de Tao-Kouang (1820—1828) d'après les documents chinois, Paris, 1881, p. XI + 62.

История восстания Джангира (по китайской транскрипции Чжан гэ-эрл — 張格爾 1820—1828 гг., составленная на основании китайских источников, собственно, перевод-пересказ Шэн-у-цзи (聖武記), описание войн Цинской династии». Для изучения дунганского восстания 1861—1878 гг. может быть полезной тем, что дает характеристику административного управления китайского Туркестана, рисует эксплоатацию населения китайско-манчжурским чиновничеством. Имеется приложение: перевод (с китайского) императорского указа об усмирении восстания 1861—1878 гг., излагающего кратко ход восстания и его усмирение в последние годы (1877—1878). В предисловии рассматривается вопрос о происхождении дунган.

5. Richthofen, Baron. Letter from Si-ngan-fu on the Rebellion in Kansu and Shensi. Shanghai, 1872, Printed at the office of the «North China Herald», № VI.

В письмах от 12 и 14 I 1872 г. Рихтгофен останавливается кратко на происхождении дунган, их быте, хозяйственной деятельности. Излагается ход восстания в провинциях Шэньси и Ганьсу до января 1872 г. Автор указывает на неравную борьбу безоружных повстанцев с европейски вооруженными китайскими войсками, руководимыми иностранными офицерами (французскими). Причину восстания видит в религиозном антагонизме, порожденном различием в условиях существования мусульманского и немусульманского населения и усилившимся в связи с проникновением тайпинов в пров. Шэньси. Письма пред-

ставляют большой интерес вследствие достоверности сообщаемого непосредственно с фронта военных действий.

6. Richthofen, Baron. Letter on the Provinces of Chili, Shansi, Shensi, Sz'chwan, with notes on Mongolia, Kansu, Yünnan and Kwei-Chau. Shanghai, 1872, № VII.

Географическо-экономическая характеристика провинций Чжили, Шаньси, Шэньси, Сычуань с отдельными замечаниями о провинциях Ганьсу, Юньнань, Гуйчжоу и Монголии.

Замечания о пров. Ганьсу и Шэньси смогут оказать помощь в выяснениии экономических причин восстания мусульман.

7. Dabry de Thiersant, M. Consul de France a Canton. De l'insurrection Mahomètane dans la Chine Orientale. Journal Asiatique, VII ser. t. III, Paris, 1874, pp. 17—45.

Описание восстания, его хроника. Непонимание и неумение объяснить причины восстания, замена их непосредственным поводом, предлогом.

Уступает многим русским работам.

8. Shaw, Robert. British Commissioner in Ladak. Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar. London, 1871.

Имеется русский перевод под названием: Очерки Верхней Татарии, Ярканда и Кашгара (прежней китайской Татарии). Сочинение Роберта Ша, великобританского комиссара в Ладаке, СПб., 1872.

Излагаются восстание дунган в Кашгарии, война Якуб-бека с дунганами. Приводится краткая хронологическая таблица событий в Кашгарии после водворения там Якуб-бека. Местами встречаются сведения о системе управления, сборе податей, устройстве армии и оплате войск в феодальном государстве Якуб-бека. С точки зрения выяснения социально-экономических причин восстания дунган, войны Якуб-бека с ними и с китайцами, в особенности, с первыми, работа не представляет ничего ценного для историка. Приводятся факты весьма скудные, без анализа их.

III. Китайская литература

左文襄公奏疏續編 Цзо-вэньсян-гун цзоушу-сюйбянь. Доклады Цзо-вэньсян-гуна (Цзо-цзунтана), дополнения. 13 бэней (книжек), 76 цзюаней (глав), 800 стр. (китайских, двойных).

Посвящены усмирению мусульман в пров. Ганьсу, Шэньси и Синьцзяне; охватывают период с 5-го года правления импер. Тунчжи (同治), 1866 г., по 8-й год правления императора Гуансюя (光緒) — 1882 г. Автор — Цзо-цзунтан или Цзо-вэньсян-гун (вэньсянгун — посмертный титул), известный усмиритель тайпинов, заливший кровью провинции Чжэцзян, Фуцзянь и др., чье имя, ненавистное трудящимся массам Китая, связано с беспримерной жестокостью, с бесчисленными убийствами невинных детей, женщин, — сознательно искажает причины грандиозного дунганского восстания, объясняя движение мусульман как следствие их беспокойного, необузданного характера, фанатизма и религиозной ненависти к иноверцам, подогретых враждебной правительству агитацией еретической мусульманской секты Синьцзяо (新教), нового учения (цз. 37, стр. 3). Несмотря на явную фальсификацию фактов и засорение ненужными деталями, доклады могут служить ценным материалом для исследователя после кропотливого и тяжелого отбора отдель-

ных интересных замечаний, раскрывающих, помимо желания автора, действительное положение восстания, его побудительные мотивы; замечаний, утонувших в ворохе «победных» реляций, донесений об «успехах» правительственных войск в борьбе с безоружными повстанцами. Интересными моментами в докладах являются: освещение борьбы двух религиозных мусульманских сект (Цзюцзяо — старого учения и Синьцзяо — нового учения), хотя дальше констатации этого факта — Цзо-цзун-тан не идет; указания на антагонизм между отдельными группировками мусульман, что свидетельствовало о наличии классовых противоречий в лагере повстанцев, не лишены интереса. Краткие замечания об экономическом положении Шэньси — Ганьсу (цз. 15), о предательской роли отдельных «вождей» восстания (цз. 40, 46). Написаны трудным, оффициальным языком с частыми историческими ссылками, затрудняющими перевод.

Пунктуация текста отсутствует.

2. 中國歷代域疆戰爭合圖 Чжунго Лидай Юйцзян Чжаньчжэн хэту. Китайский историко-географический атлас, 2-е изд., Учан, 1925.

Табл. 41-я атласа показывает сферы распространения восстаний няньфэев, тайпинов и мусульман (дунган), одновременно указано (стрелками) направление движения правительственных армий.

В приложенном к таблице тексте кратко излагаются военные операции правительственных войск и ход усмирения восстания. Обрисовано положение только в северо-западных провинциях внутреннего Китая (Ганьсу, Шэньси и Шаньси), Синьцзян не включен. В объяснительном тексте упоминается и о «пацификации» Синьцзяна.

3. 欽定蘭州紀畧 Циньдин Ланьчжоу цзиле. 8 бэней (книг), 20 цзюаней (глав).

«Высочайше утвержденное описание Ланьчжоу. Излагается восстание саларов в пров. Ганьсу в 80 гг. XVIII в. Может быть полезным и для изучения дунганского восстания (60 гг. XIX в.), так как рисует положение мусульманского населения в пров. Шэньси-Ганьсу.

Несмотря на оффициальное освещение, не заинтересованное вскрывать действительные корни восстания, ряд указаний из донесений ген.-губерн. Шэнь-Ганьсу и др. чиновников дает возможность составить подлинную картину восстания. Имеются указания на религиозную борьбу мусульманских сект, бедственное положение мусульманского населения в связи с неурожаем и т. д.

В 1-й бэни (книге) восстание саларов излагается стихами (Фу — 賦) с подстрочными комментариями.

В остальных бэнях помещены доклады и императорские указы, посвященные восстанию.

4. 中國近百年史資料 Чжунго цзинь бо нянь ши цзэляо «Материалы по истории Китая за ближайшие сто лет». Составил 左舜生 Цзо Шунь шэн, I т., гл. 4, стр. 237—268. «Описание усмирения Западного края».

Описание восстания дунган во внутреннем Китае и в Синьцзяне. Освещается ход событий главным образом в Синьцзяне. Причины восстания не вскрываются. По существу, все «описание» посвящено военным действиям, усмирению восстания. Материалы интересны тем, что дают хронологию восстания.

5. 清朝全史, Цинчао Цюань ши. «Полная история Цинской династии». Учебник по истории маньчжурской династии в Китае.

Т. II, 1915, гл. гл. 75 и 76, стр. 61—79 — посвящены дунганскому восстанию.

По объему материала, фактам, значительно уступает предыдущей книге (№ 4).

IV. Архивные материалы

а) Алма-атинский Центрархив

ФОНД СЕМИРЕЧЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ, КУЛЬДЖИНСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

1. Дело № 67. О розыске китайским генерал-губернатором Цзо-цзунтаном бежавшего в Илийскую долину предводителя дунган Баян-Ахуна. Начато 18 X 1877 г. Кончено 24 IV 1882 г., на 16 листах.

Переписка Туркестанского генерал-губернатора с военным губернатором Семиреченской обл. о прибытии в Семиреченскую область эмигрантов-дунган во главе с Бояньху. Ходатайство военного губернатора Семиреченской области ген. Колпаковского не выдавать Баяньху китайцам из-за боязни скомпрометировать русское правительство, в случае выдачи Бояньху, в глазах народов Семиреченской области.

2. Дело № 5. О пограничных слухах за 1875—1876 гг. Начато 4 I 1875 г. Кончено 1 III 1876 г. На 261 л.

3. Дело № 6. О пограничных слухах и составлении журналов политических и военных событий. Начато 17 I 1876 г. Кончено 23 IX 1877 г., на 359 л.

4. Дело № 6, ч. I. О пограничных слухах. Начато 6 I 1877 г. Кончено 4 VIII 1877, на 356 л.

5. Дело № 3, ч. I. О пограничных слухах. Начато 9 I 1878 г. Кончено 26 VI 1878 г., на 670 л.

6. Дело № 3, ч. II. О пограничных слухах. Начато 16 VI 1878 г. Кончено 30 IV 1884 г., на 673 л.

В делах о пограничных слухах (№№ 5, 6, 6 ч. I, 3 ч. I, 3 ч. II) помещены разнообразные сведения о положении дунганских городов, военных действиях китайцев против дунган и Якуб-бека, войне Якуб-бека с дунганами. Переписка по поводу выдачи китайцам Бояньху, в том числе и письмо Лю-цзунтана, неправильно переведенное переводчиком Бородиным, исказившим даже фамилию писавшего, вместо Лю-Цзо, вследствие чего были введены в заблуждение пограничные власти. В основном, больше всего отмечается стратегическое положение как китайских войск, так и дунганских, их численность. Экономического материала мало. О причинах восстания ничего нет. Освещаются интересы России в западном Китае, столкновение ее интересов с английскими. Отдельные документы характеризуют положение Кашгарского правителя Якуб-бека; его взаимоотношения с Россией, Англией и даже с Турцией. Помещена переписка Илийского цзянцзюня с русскими пограничными властями по вопросу о возвращении Кульджинского района. Есть материалы о русской торговле в Западном Китае.

7. Дело № 135. О годовом отчете за 1876 г., о доставлении старшему чиновнику особых поручений при генерал-губернаторе П. П. Каблукову сведений о состоянии Кульд-

жинского района за 1871—1876 гг. Начато 31 XII 1876 г. Кончено 23 V 1877 г., на 287 л.

Освещаются следующие вопросы: 1. Основания занятия русскими войсками Илийской долины и организация административного управления там; 2. Подробное социально-экономическое описание Кульджинского района: состав населения, территория, деятельность населения, промышленность, ремесло, сельское хозяйство, торговля; кредитные учреждения, подати и повинности, народное здравоохранение; народное просвещение, деятельность административных и судебных учреждений, отношение властей к различным народностям и религиям. 3. Сношения с Китаем, Кашгаром (Якуб-беком) и дунганами; последние излагаются в виде журнальной записи об имевшей место переписке с кратким (журнальным) изложением ее.

Материалы, помещеные в деле, в значительной части (все экономические данные) использованы Н. Пантусовым, правителем Кульджинской канцелярии в его книге «Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 г.», Казань, 1881 г., стр. 226, см. № 10, отд. I/А.

8. Дело № 52. О побеге из Кашгара в пределы России Хаким-хана-Тюри с 1000 вооруженных сарбазов по случаю начавшихся там смут, и о других выходцах. Начато 10 VIII 1877 г. Кончено 13 IV 1878 г., на 160 л.

Помещены: материал, освещающий положение Кашгарии после смерти Якуб-бека, данные о борьбе отдельных ханов за власть; обращение Хаким-хана-Тюря к военному губернатору Колпаковскому с просьбой оказать ему помощь против Бек-кули-бека, старшего сына Якуб-бека; отказ Колпаковского из-за боязни вызвать волнения среди кочевого населения.

9. Дело № 28. О завоевании Кульджи. Начато 6 VI 1871 г. Кончено 1 II 1892 г., на 238 л.

Помещены: воззвание к населению кульджинского района по поводу занятия Кульджи, с объяснением причин занятия; воззвание об установлении новых административного и судебного управлений; обращение в связи с обложением населения контрибуцией. Рапорт военного губернатора Семиреченской обл. генерал-губернатору Туркестанскому о занятии Кульджи и введении туземного управления.

Инструктивное письмо Туркестанского ген.-губернатора военному губернатору Семиреченской обл., рисующее методы колониальной политики царского пр-ва.

Переписка штаба Зап.-сиб. военного округа с Семиреченским военным губернатором по поводу предполагаемого продвижения русских отрядов вглубь Чжунгарии, освещающая жандармскую роль России в Западном Китае, — роль усмирителя дунганского восстания. Несколько документов на китайском языке — переписка яншаев (дунганских) с военным губернатором Семиреченской обл.

10. Дело № 43. Об ученой экспедиции во внутреннюю Азию под руководством генер. штаба подполковника Пржевальского. Начато 30 V 1876 г. Кончено 31 V 1881 г., на 227 л.

Имеется переписка с Якуб-беком в связи с путешествием Пржевальского по владениям бадаулета (Якуб-бека); освещается положение кашгарского владения накануне падения его. Помещены сведения о трениях Якуб-бека с дунганами.

11. Дело — О переводе почтовых казаков из Копала в Кульджу для усиления стражи при консульстве. Начато 11 X 1853 г. Кончено 19 XI 1857.

В деле имеется интересный рапорт русского консула в Кульдже Захарова ген.-губерн... Западной Сибири от 24 VI 1855 г., рисующий неустойчивое положение кит.-манчжурских властей в Илийской крае и допускающий возможность беспорядков не только со стороны населения, но и со стороны китайских и манчжурских солдат, не получавших жалованья. Захаровым отмечается всеобщая нужда в Илийском крае.

12. Дело № 33. О командировании переводчика Головкина в Западный Китай. Начато I V 1873 г. Кончено 14 I 1874 г.

Имеются записки Головкина о положении в Западном Китае (лл. 37—60), в которых сообщается о вытеснении дунган из пров. Шэньси и о перенесении военных действий в Синьцзян, о дальнейших планах китайцев по усмирению восстания.

б) Ташкентский архив

Дела канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Часть дипломатическая.

1. Дело О восстании дунган в пределах Кашгара. 1878 г.

Всего один лист — телеграмма из Верного в Ташкент, сообщающая о восстании после занятия Кашгарии кит. войсками.

2. Дело № 1. О выходцах дунганах из Кашгара и о делаемых ими беспорядках в Кашгарии и Киргизии. Начато 8 I 1872 г. Кончено 20 II 1879 г., на 66 л.

Сообщения о нападении дунган на торговые караваны и мелкие китайские отряды.

3. Дело № 90. О поимке предводителя дунган Баянь-Ахуна.

Переписка китайских властей с русскими с требованием выдачи Бояньху.

4. Дело № 49 О дунганском восстании.

Перечисленным выше мы не исчерпали списка находящихся в архивах дел, посвященных дунганскому восстанию, так как из нашего поля зрения выпал Московский архив и, кроме того, не полностью использован Ташкентский. Что же касается приведенного здесь архивного материала, надо сказать, что он не может претендовать на большую ценность, так как восстание находит в нем освещение лишь с внешней стороны; материала же, проливающего свет на причины восстания, движущие силы его, — почти нет.

С другой стороны, очень много данных, имеющих косвенное отношение к восстанию, относящихся, скажем, к дипломатическим интригам царской России в западном Китае, отражающих, правда, очень слабо, [позицию Англии и столкновение интересов России и Англии и т. д.

Однако, несмотря на эти недостатки, мы считаем, что архивные материалы дадут исследователю значительно больше, чем вышедшая в свет литература.

К тому же надо добавить, что не все архивы выявлены, так, например, в Казакстанском архиве (Алма-ата) можно ожидать — после приведения его в порядок — выявления дополнительных материалов, более ценных, чем обнаруженные нами.

В заключение надо сказать, что занимающемуся изучением дунганского восстания 1861—1878 гг. придется иметь дело с целым рядом работ по истории и экономике Китая, которые должны помочь разобраться в предпосылках крестьянских движений XIX в., в том числе и мусульманских восстаний, — необходимость увязки последних с восстанием крестьян немусульман для нас беспорна, с рядом работ, рисующих социально-экономическое положение Китая того времени, показывающих, как социальные противоречия разрешались в классовой борьбе.

Эти труды мы не включаем в наш список, так как они общеизвестны. Кроме того, нами не отмечена литература, посвященная мусульманству в Китае вне всякой связи с восстанием мусульман. Этой литературе, надо сказать, чрезвычайно богатой, главным образом на западно-европейских и китайском языках, должна быть посвящена особая статья.

Не нашла освещения в предлагаемой работе и литература о других мусульманских восстаниях в Китае как предшествовавших дунганскому (XVII, XVIII вв.), так и после него возникавших (1894—1895 гг.).

Эти пробелы, так же как и освещение юньнаньского восстания, бывшего не менее продолжительным, чем дунганское, в северо-западных провинциях Китая и Синьцзяне, нашедшего такой же, если не больший отклик в западноевропейской литературе, — должны быть заполнены специальной работой.

Мы полагаем, что наше начинание послужит толчком для усиленного изучения мусульманских восстаний в Китае, до сих пор не освещенных в марксистской литературе, и вызовет встречную волну библиографических работ, кладущих основание для изучения исторических явлений.

Июль 1932.

К. К. Флуг

ЛИТЕРАТУРА О ТАЙПИНСКОМ ДВИЖЕНИИ НА АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ[1]

Кроме специальных работ, официальных документов, общих сочинений с отдельными главами о Тайпинском движении, журнальных статей и пр., посвященных движению или частично его затрагивающих, в настоящий перечень включены также и работы о главнейших деятелях, принимавших участие в восстании или в его подавлении.

При составлении перечня большую помощь оказали Cordier, «Bibliotheca Sinica», col. 645—654, 3106 (изд. 1904—1907) и указатель литературы, помещенный в работе Hail, «Tseng Kuo Fan and the Taiping rebellion» (1927).

Allan, C. W. Makers of Cathay. Shanghai, 1909.
О Цзэн Го фане, одном из главных деятелей в борьбе китайского правительства с тайпинами, см. стр. 216—228.

Annales de l'Association de la propagation de la foi, recueil périodique des lettres des évêques et des missionnaires des missions des deux mondes et de tous les documents relatifs aux missions et à l'Association de la propagation de la foi. Lyon, тт. XXIII—XXVII.

Autobiography, (The), of the Chung-Wang. Translated from the chinese by W. T. Lay. Shanghai, 1865, 104 стр.
Автобиография Чжун вана тайпинов (Ли Сю чэна), написанная им перед казнью в Нанкине, дает ценный материал для изучения истории восстания, в особенности его последней фазы. Текст оригинала, находящегося в семейном архиве Цзэн Го фаня, воспроизведен в Чжун го би ши, изданной в 1901 г. в Японии.

Backhouse, E and Bland, J. O. P. Annals and memoirs of the court of Peking (from the 16th to the 20th century). London. 1917. X + 531 стр.
Гл. XVII: Hsien feng and T'ung Chih.

Ball, R. The handbook of China: concise manual of the ancient history, scientific discoveries, present condition and future prospects, with account of the rise and progress of the pending revolution in China. 1854, 44 стр.

Barber, W. The rebel bible (Chinese Recorder, XXII, n° 7, July 1891, стр. 305—308).

Beauvais, J. Livres chinois à Angoulème (T'oung Pao, mai, 1892, стр. 181—182).

Besuch (ein) bei den Tchangmaos, den chinesischen Rebellen (Das Ausland, XXXIV, 1861, стр. 83—86, 112—115).

Biernatzky, K. L. Die gegenwärtige politisch religiöse Bewegung in China. Berlin, 1854, 112 стр.

Bioves, A. Un grand aventurier du XIX siècle— Gordon pacha. Paris, 1907, 7 + 345 стр.

Bitton, N. The story of Griffith John, the apostle of Central China.
О тайпинах гл. IV, стр. 48—65.

Blakiston, T. W. Five months on the Yang tsze. With a narrative of the exploration of its upper waters and notices of the present rebellion in China. London, 1862, 15 + 380 стр.
Рассказ участника экспедиции, имевшей задачу добраться через Гималаи в Индию, но из-за волнений вынужденной возвратиться обратно после пятимесячного путешествия по Янцзы цзяну.

Bland, J. O. P. Li Hung chang. A biography and appreciation. London, 1917, 7 + 327 стр.
Приложена библиография литературы (почти исключительно на европейских языках) о Ли Хун чжане. Последний, как известно, был назначен в 1862 г. губернатором Цзянсу за заслуги по подавлению восстания, во время которого, при взятии Сучжоу, им были казнены тайпинские вожди, несмотря на данное обещание о сохранении им жизни.

Bland. J. O. P. and Backhouse, E. China under the Empress dowager. Being the history of the life and times of Tzu Hsi, compiled from state papers and the private diary of the comptroller of her household. London, 1910, 15 + 525 стр., илл.
В главе Tseng Kuo fan and the Taiping rebellion (стр. 64—80) приведены многочисленные выдержки из эдиктов Цзы си, докладов Цзэн Го фаня и др. документов в переводе на английский язык.

Boulger, D. C. The history of China. London, 1890, 2-е изд. 1898, т. II, 627 стр.
Гл. X: The beginning of the Taeping rebellion; гл. XIV: The progress of the rebellion; гл. XV: Chinese Gordons campaigns.

Brine, L. The Taiping rebellion in China; a narrative of its rise and progress, based upon original

[1] Данный перечень, представляющий собой незаконченную рабочую библиографию, публикуется в виду полного отсутствия каких-либо библиографических сводок по тайпинскому восстанию. *Ред.*

documents and information obtained China. By commander Lindesay Brine R. N. F. R. G. S., lately employed in Chinese waters. London, 1862, 9 + 394 стр., карта.

Один из наиболее полных источников по истории восстания. К книге приложены следующие произведения тайпинов в переводе dr. Medhurst: Precepts and odes published by Hung Siu Tsuen in the second and third years of the Taeping rebellion (1852—1853). Decalogue. The ten celestial commands which are to be constantly observed (стр. 367 и сл.). Ode on origin of virtue and the saving of the world (стр. 378—385). Ode for youth (стр. 386—391).

British and foreign state papers. Vol. XL, 1853, 1854.

Содержит отчет гонконгского губернатора P. G. Bonham о его посещении в 1853 г. тайпинской столицы Нанкина.

British consular reports. Reports from H. M. Consuls in China for the year 1854 to 1861.

Brouillon. Missions de Chine. Mémoire sur la mission du Kiang-Nan, 1842—45, suivi de lettres relatives à l'insurrection, 1851—55. Paris, 1855, 487 стр.

Butler, W. F. Charles Georges Gordon. London, 1889, 6 + 255 стр.

Ген. Гордон, начавший свою деятельность в Китае в 1860 г. в качестве офицера английского военного отряда, направленного в Тяньцзинь и Пекин, в марте 1863 принял командование над «Ever victorious Army», оказав, как известно, огромную помощь китайскому правительству в деле подавления восстания.

Callery et Yvan. L'insurrection en Chine depuis son origine jusqu'à la prise de Nankin. Paris, 1853, 274 стр., карта, портрет Хун Сю цюаня.

Даны переводы нескольких императорских указов и прокламации тайпинов.

Callery and Yvan. History of the insurrection in China; with notices of the christianity, creed and proclamations of the insurgents. Translated from the French with a supplementary chapter, narrating the most recent events, by John Oxenford. London, 1853, 3-е изд., 1854, 5 + 351 стр. Имеются также переводы на немецкий (1854) и португальский язык (1853).

Chesney, C. C. Essays in modern military biography. Reprinted chiefly from the «Edinburgh Review». London, 1874.

См. стр. 163—213: «Chinese Gordon and the Taiping rebellion».

China Mail (The). — Hongkong, 1850—1865.

Некоторые из наиболее важных статей этой газеты относительно тайпинского движения перечислены у Cordier, Bibliotheca Sinica, I. col. 662—663 (1904).

Chinas Kriege seit 1840. Berlin, 1900.

Автор не указан. Приложена карта движения тайпинской армии.

Chinese (the)-their rebellions and civilisations (British Quarterly Review, July, 1857).

Chinese (The) revolution: the causes which led to it-its rapid progress and anticipated result; with abstracts of all known publications emanating from the insurgents. Lond., 1853, 179 стр., илл. Материалами при составлении книги послужили рассказы миссионеров, официальные сообщения, письма европейцев-резидентов, прокламации и др. документы тайпинов.

Chinese (The) Repository.

Два последние тома (за 1850 и 1851 гг.) этого ежемесячного журнала, начавшего выходить в Кантоне в 1832 г., содержат информацию о движении в Гуанси.

Chinese (The) and Japanese Repository of facts and events in science, history and art relating to Eastern Asia. Edited by the Rev. James Summers. London.

См. vol. I 1863, july, стр. 22—29; august, стр. 53—63; september, стр. 99—111; october, стр. 150—163. (Перепечатки из книги Hamberg, The visions of Hung Siu-tschuen and origin of the Kwang-Si insurrect., vol. II, 1863, стр. 84—90; Notices of the political aspect of affairs in China etc.; vol. II 1864, september, стр. 73—74; october, стр. 121 и след.; november, стр. 169 и сл. (Хроника событий в Китае); vol. III, стр. 144—145 и стр. 198 и след. (Narrative of a captivity among the Taiping — рассказ Mac Conroy, состоявшего волонтером в отряде Гордона и попавшего в плен к тайпинам).

Cooke G. W. China: being the «Times» special correspondence from China in the years 1857—1858. London, 1858, 32 + 457 стр.; 5-е изд., London, 1861, 33 + 495 стр.

Восстания касается лишь часть корреспонденции.

Cordier, H. Histoire des relations de la Chine avec les puissances ocidentales 1860—1900. L'empereur T'ong tche (1861—1875), 1901, 567 стр.

В гл. XII—XV, стр. 168—237 (Rébellion des T'aip'ing.) имеются переводы императорского эдикта и двух декретов Хун Сю цюаня, доклада Цзэн Го цюаня (брата Цзэн Го фаня) о взятии Нанкина и др.

Cordier, H. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers depuis les temps le plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie mandchoue. Paris, 1920—1921, 4 тт. Тайпинскому движению уделено лишь несколько страниц гл. IV четвертого тома.

De Courcy, R. L'insurrection chinoise, son origine et ses progrès: I. Les sociétés secrètes, les prémières campagnes des insurgés et les deux empereurs du céleste Empire. (Revue des Deux Mondes, 1-er juillet 1861.) II. Triomphe des insurgés, le nouveau roi céleste et sa doctrine religieuse. (Id., 15 juillet 1861.)

Daguin, F. L'insurrection chinoise. (Revue de l'Orient, de l'Algérie et des colonies. XII, 1852, стр. 329—332).

Davis, I. F. View of the Great Valley of the Yangtsekiang before and since its occupation by the rebels. (Proceedings of the Royal geographic. Soc. 1859, стр. 164 и сл.).

Dennet, T. Americans in Eastern Asia: a critical study of the policy of the United States, with reference to China, Japan and Corea in the 19-th century. New York, 1922, 16 + 725 стр.

Douglas, R. K. China (из серии the Story of the nations). London, 1899, 10 + 456 стр.

Популярное изложение событий в главе VIII: Hung's Visions, rebell successes etc. и в гл. XI: The Taiping rebellion.

Douglas, R. K. Li Hung-chang. A biography. London, 1895, 16 + 251 стр.

Edkins, J. R. Chinese scenes and people, with notes of christian missions and missionary life in a series of letters from various parts of China. With a narrative of a visit to Nanking by her husland, the rev. Joseph Edkins, B. A. London, 1863.

См. стр. 241—307, на которых тайпинское движение излагается с точки зрения миссионерства.

Edkins, I. Religion in China. 2-е изд., London, 1878.

Содержит сведения о религии тайпинов, почерпнутые автором от них же самих.

Fishbourne, capt. Jmpressions of China and the present revolution: its progress and prospects. London, 1854, 18 + 441 стр.

Автор—капитан английского военного корабля Hermes, заходившего в Нанкин в то время, когда его занимали тайпины.

France (La) au Tche-kiang, par un français. (Série d'Orient, n° 5). Shanghai, 1901, 47 стр.

Forbes, A. Chinese Gordon. A succint record of his life. London, 1884, 2 + 252 стр.

Forrest, R. J. The christianity of Hung Tsiu Tsuen, a review of Taeping books. (Journal North Chin. Branch R. A. S., Vol. IV, December 1867, стр. 187 и сл.)

Forrester, E. Personal recollections of the Taiping rebellion. (Cosmopolitan. 1896, XXI, стр. 625 и сл.; стр. 34 и сл.; стр. 209 и сл.)

Воспоминания Forrester представляют интерес, поскольку он служил в отряде Ward и был очевидцем событий.

Fortune, R. A residence among the Chinese: inland, on the coast and at sea. Being a narrative of scenes and adventures during a third visit to China, from 1853 to 1856. London, 1857, 15 + 440 стр., илл.

См. гл. I (стр. 8—21) и гл. VII (стр. 116—141), содержащую рассказ о взятии Шанхая тайпинами, очевидцем чего был автор, и о последующей эвакуации города.

Foster. J. W. American diplomacy in the Orient. New York, 1904, 14 + 498 стр.

Содержит очерк дипломатических сношений американского правительства с тайпинами.

Foster, L. S. Fifty years in China. An eventual memoir of Tarleton Perry Crawford, D. D. Nashville, 1909.

См. гл. XI, где помещен рассказ о посещении местностей, бывших во время восстания во власти тайпинов.

Gaillard, L. Nankin port ouvert. (Variétés sinologiques, n°18. Shanghai, 1901.)

Гл. 1, § 3, стр. 11—16: Neutralité anglaise devant Nankin pendant l'occupation des rebelles «T'aiping».

Giquel, P. La France en Chine. Le commerce français dans le Céleste Empire, les opérations du corps franco—chinois et les missions en 1863 (Revue des Deux Mondes, 15 juillet 1864, стр. 962—993).

Giles, H. A. A chinese biographical dictionary. London and Shanghai, 1898.

См. биографии главных деятелей восстания и его подавления: Ли Хун чжан (стр. 448—442), Цзэн Го фань (стр. 766—768), Хун Сю Цюань (стр. 345—346), Хун Фу дянь (стр. 344) и др.

Gordon, Lieut. Col. C. G. Notes on the operations in 1862—64. With sketch maps (contained in papers of the Corps of R. Engineers). 1871.

Gordon, H. W. Events in the life of Charles George Gordon from its beginning to its end. London, 1886, 14 + 403 стр.

Gowan, H. H. An outline history of China. Part II: from the Manchu conquest to 1913. Boston, 1913, London, 1918, 216 стр.

Gundry, R. S. China present and past; foreign intercourse, progress and ressources etc. London, 1895, 31 + 414 стр.

Тайпинскому движению посвящена гл. XV.

Hail, W. J. Tsêng Kuo Fan and the Taiping rebellion with a short sketch of his later career. New Haven, Conn., 1927, 17 + 492 стр.

Одна из самых последних и солидных работ о Тайпинском движении. Автор широко использовал китайские источники, в частности собрание сочинений Цзэн Го фаня. Книга снабжена хорошей библиографией и индексом. В последнем, к сожалению, встречаются неправильности в транскрипции китайских имен, что затрудняет иногда его пользование.

Hake, A. E. Events in the Taeping rebellion being reprints of MSS. copied by general Gordon. C. B. in his own handwriting with monograph introduction and notes. With portrait and map. London, 1891, 531 стр.

Воспроизведение дневника ген. Гордона, который он вел во время своего пребывания в Китае.

Hake, E. The story of chinese Gordon. With portraits and maps. Vol. II. London, 1885, 3 + 221 стр.

Hamberg, T. The visions of Hung-siu-tshuen, and origin of the Kwang-si insurrection. By the rev. Theodore Hamberg, missionary of the Basle Evangelical Society. Hongkong, printed at the China Mail Office. 1854, 5 + 63 стр.

Книга написана на основании материалов, доставленных автору в 1852 г. родственником Хун Сю цюаня, Хун Жэнь да (позже Гань ван тайпинов), укрывшимся в английском сетльменте Гонконга от преследования китайского правительства. Перепечатки из нее помещены в Chinese and Japanese Repository, vol. I, 1863 (см. выше). Данная книга тождественна со следующим сочинением, изданным в Лондоне под заглавием:

Chinese (The) rebel chief, Hung-siu-tsuen the and origin of the insurrection in China. By the rev. Theodore Hamberg. With an introduction by George Pearse, honorary foreign secretary to the Chinese Evangelisation Society. London, 1855, 13, 98.

Имеется перевод Alphonse Viollet на французский язык под названием: «Histoire du chef de

l'insurrection chinoise Hung-siu-tsuen et origine de cette insurrection». Б. г.

Harlez (de), C. Le Tien fu hia fan tchao shou Livre religieuse des T'aiping (T'oung Pao, X, n° 3, juillet 1899, стр. 307—318).

Harlez (de), C. Le credo des «rebelles aux longs cheveux» T'oung Pao, VIII, n° 5, décembre 1897, стр. 555—556).

Harlez (de), C. La religion des insurgés Tchang-mao (T'oung Pao, IX, n° 5, décembre 1898. стр. 397—401).

Haussmán, A. La Chine. Résumé historique de l'insurrection et des événements qui ont lieu dans ce pays depuis le commencement de la guerre de l'opium jusqu'en 1857; illustré par Charles Mettais, accompagné d'une nouvelle carte de la Chine par A. H. Dufour. Paris, 1858, 112 стр.

Hermann, H. Chinesische Geschichte. Stuttgart, 1912, 519 стр.

Большая часть книги посвящена истории Китая за период манджурской династии. О Тайпинском движении см. стр. 222—246.

Судя по библиографии, основана исключительно на европейских источниках.

History of China to the present time, with an account of the present insurrection in that empire. London, 1854, 286 стр.

Hong-kong Register.

Газета, выходившая в Гонконге и так же, как и China Mail (см. выше), долгое время умалчивавшая из политических соображений о восстании. Лишь после того как последнее охватило почти половину Китая, обе газеты были принуждены признать его существование. Большинство их сообщений о ходе восстания основано на лживых донесениях китайских генералов о победах над тайпинами, помещавшихся в Пекинской газете.

Howard, W. C. A short sketch of the Taiping rebellion, 1848—1860. Shanghai, 1901.

Очерк восстания, касающийся, главным образом, его первого и последнего периода.

H[uart], C. J. The birth of Tseng Kuo fan. (J. N. C. B. R. A. S, XX, 1885, стр. 184.)

James, W. H. Recollections of the Chinese war of 1860. (Macmillan's Magasine, vol. 71, стр. 241 и сл.).

Jamieson, R. A. Retrospect of events in the North of China during the years 1861—1864. (J. N. C. B. R. A. S. n° 1, New ser., art. VII).

John, G. The chinese rebellion. The rev. Griffith John experience of the insurgents. Canton, 1861, 15 стр.

Содержит часть писем миссионера G. John, опубликованных в свое время в газете The Friend of China.

Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society.

Ценный информационный материал в n° 1, june 1858, стр. 333—368; n° 2, may 1859, стр. 248—256; n° 3, december 1859; vol. II, 1860, n° 1, стр. 105—128; New Series n° 1, december 1864, стр. 109—132.

Insurrection (L') des Taë-pings en Chine. (Revue marit. et coloniale, VI, sept. 1862, стр. 73-51

Krone, R. Gegenwärtiger Stand der Revolution in China (Petermann's Mitteilungen, 1856, стр. 462—465).

Kuan Wen. Biographical sketches and incidents of the T'aipin rebellion. Extracted From the chinese of Kuan Wen, late viceroy of Hupeh and Hunan and subsequently first minister at Peking. Shanghai, 1871, 5 + 23 стр.

Гуань Вэнь — манджурский генерал, принимавший участие в подавлении восстания.

Lane-Poole, S. The life of sir Harry Parkes sometime Her Majesty's minister to China and Japan. London and New York, 1894, 2 т.

H. Parkes во время восстания служил британским консулом в Амое и Кантоне. В 1860 г. сопровождал лорда Elgin для ратификации Пекинского договора. В 1863 г. состоял консулом в Шанхае и вместе с ген. Gordon принимал деятельное участие в организации обороны города.

Latourette, K. S. The development of China. New York, 1917.

Частично затрагивает тайпинское восстание.

Latourette, K. A. history of christian missions in China. 1929, гл. «Táiping rebellion».

Lauture (de), c-te d'Escayrac. Considérations sur le passé et l'avenir de la Chine. Examen de la rébellion actuelle par le c-te d'Escayrac de Lauture. Mémoire lu à l'Académie des Sciences morales et politiques dans le séance de 21 juin 1862. Paris, 1862.

Lavollée, C. La révolution et la guerre civile en Chine. (Revue des Deux Mondes, 1-er février 1854.)

Lay, W. The Kan Wang's sketch of the rebellion together with sundry other statements. Translated from the chinese. Shanghai, 1865.

Гань ван тайпинов (Хун Жэнь да) является тем самым лицом, со слов которого написана книга Hamberg, The visions of Hung-siu-tshuen etc., касающаяся начала восстания.

В данное сочинение, захватывающее более поздний период, включены очерки истории восстания, написанные вторым Тянь ваном и некоторыми другими тайпинами.

Legénissel. Notice sur les campagnes et opérations militaires en Chine par M. Tardif de Moidrey, capitaine d'artillerie dans l'armée française, officier de la Légion d'honneur, général en chef des armées chinoises et commandant le corps des Franco-chinois d'après les documents officiels. Metz, 1864, 27 стр.

Legge, H. E. James Legge, missionary and scholar: life and work. London, 1905, 8 + 248 стр.

В гл. VII о Хун Жэнь да. Автор книги — дочь известного синолога-миссионера, выступавшего в свое время против интервенции европейских держав.

Life of General Gordon. By the authors of «Our Queen» etc. Edinburgh, 1900, 8 + 369 стр.

Li Hung chang. Memoirs, translated from the chinese with introduction by I. W. Foster. London, 1913, 27 + 314 стр.

Linle [Lindley, A. F.]. Ti-Ping- Tien-kwoh; the history of Ti Ping revolution, including a narrative of the authors personal adventures. By

Lin le, formerly honorary officer Chung Wang's guards. London, 1866, 24 + 842 стр., карта, илл.

Книга, пропитанная симпатией к тайпинам, на службе у которых автор находился некоторое время, является ценным источником, пользоваться которым следует, однако, с осторожностью. Приложены следующие тайпинские произведения в переводе Medhurst: Decalogue, The Trimetrical classic, Ode for Youth.

Little, A. Li Hung-chang. His life and times. London, 1903, 8 + 356 стр.

Имеется глава о восстании тайпинов, составленная исключительно по европейским источникам.

Li Ung bing. Outlines of chinese history. Shanghai, 1914, 4 + 644 стр., индекс 20 стр.

Гл. LIV: «The first stage of the Taiping rebellion», гл. LVI: The second stage of the Taiping rebellion.

Loch, H. B. Personal narrative of occurences during Lord Elgin's second embassy to China in 1860. London, 1861.

Во время второго посольства H. B. Loch состоял секретарем лорда Elgin.

Lockhart, W. The medical missionary in China: anarrative of 20 years experience. 1861, 11 + 404 стр.

Содержит отдельную главу о тайпинах.

Lyster, E. A. With Gordon in China. Letters from Thomas Lyster, Lieutenant Royal engineers. London, 1891, 296 стр.

Macaulay, Dr. Gordon anecdotes. A sketch of the career with illustrations of the character of Charles George Gordon. London, 1887.

Mac Clellan, J. W. The story of Shanghai. Shanghai, 1889.

Касается последнего периода восстания.

Macfarlane, C. The Chinese revolution, with details of the habits, manners and customs of China and the Chinese. London, 1853, 7 + + 243 стр.

Mac Gillivray. A century of protestant missions in China. Shanghai, 1907.

Macgowan, D. J. Memoirs of generals Ward, Burgevine and of the Ever conquering legion (The Far East, may, 1877, стр. 101—108, august, стр. 44—50 и далее.)

F. Ward организатор «Ever victorious army». После его смерти командование ею перешло к Burgevine.

Macgowan, J. The imperial history of China, Being a history of the empire as compiled by Chinese historians. 2-ое изд. 1906, 11 + 651 стр.

О тайпинском движении говорится немного.

Mackie, I. M. Life of Tai-ping Wang, chief of the chinese insurrection. New York, 1857, 11 + 371 стр.

Компиляция из книги Hamberg и нескольких журнальных статей.

Mac Nair, H. F. Modern Chinese history: selected readings. Shanghai, Commercial Press, 37 + 910 стр.

Гл. The Taiping rebellion.

Marolles (de). Souvenirs de la révolte des Taiping, 1862—1863. (Toung Pao, 2 série, III, n° 4, octobre 1902, стр. 201—221, IV, n° 1, mars 1903, стр. 1—18.)

См. рец. Pelliot, BEFEO, III, стр. 343.

Martin, W. A. P. A cycle of Cathay or China, south and north with personal reminiscences. New York, 1896, 13 + 460 стр.

Воспоминания автора о его многолетнем пребывании в Китае. О тайпинах в гл. IX, стр. 127—143.

Martin, W. A. The awakening of China. New York, 1907, 16 + 328 стр.

Краткий очерк восстания на стр. 157—162.

Mas, S. de. La Chine et les puissances chrétiennes. Paris, 1861, 2 т.

Гл. L'insurrection contre les Tartares Mandchoux.

Maxim, H. S. Li Hung Chang's scrap book. London, 1913, 32 + 382 стр.

Meadows, T. T. The chinese and their rebellions in connection with their national philosophy, ethics, legislation and administration. London, 1856, 60 + 656 стр.

Автор служил в Китае и был очевидцем событий, которые он излагает. Материалы о Тайпинском движении в гл. XV—XVIII.

Medhurst, W. H. Pamphlets issued by the chinese insurgents at Nanking; to which is added history of the Kuang si rebellion gathered from public documents; and a short sketch of the connection between foreign missionaries and the chinese insurrection; concluding with a critical review of several of the above pamphlets. Shanghai, 1853.

Содержит переводы тайпинских произведений, указов и др. документов.

Mercier, R. P. Campagne du «Cassini» dans les mers de Chine, 1853—1854, d'aprés les rapports, lettres et notes du commandant de Plas, etc. Paris, 1889, 12 + 433 стр.

De Plas был капитаном французского военного корабля Cassini, участвовавшего в военных операциях в Китае.

Michie, A. The englishman in China during the victorian era, as illustrated in the career of sir Rutherford Alcock. Edinburgh, and London, 1900 2 т.

R. Alcock с 1844 по 1858 состоял британским консулом в Фучжоу, Шанхае и Кантоне; с 1865—посланником в Пекине.

Millac, A. Les français à Changhai en 1853—1855. Episodes du siége de Changhai par les impériaux. (Revue de l'Extréme—Orient, II, 1883, стр. 1—53.)

Автор из «патриотических» побуждений (см. его прим. на стр 2) выясняет важную роль Франции в период Тайпинского движения и, в особенности, во время восстания Триады в 1853. Статья написана на основании газетных материалов (N. Ch. Herald, China Mail, Hongkong Register) и сведений, полученных автором от резидентов Шанхая—очевидцев событий.

Milne, W. C. Political disturbances in China. (Edinburgh Review, october 1855, n° 208.)

Milne, W. C. Life in China. London, 1853, 12 + 468 стр., илл., карта.

См. стр. 428 и сл., где в сжатом виде излагается содержание предыдущей статьи о Тайпинском восстании.

Missionary Herald (The), т. 56, 1860, стр. 369—372; т. 57, стр. 88—91, 118.

Содержит письма миссионеров Bridgman, Edkins, Macgowan, Burden (бывшего в самом Нанкине во время восстания) Muirhead и др.

Mitford, A. B. The attaché at Peking. London, 1900, 58 + 386 стр.

О тайпинах очень немного.

Moffit, A. Medical report of the campaign carried on by Gordon's Anglo-chinese contingent against the Tae-pings, in the province of Keangsoo in 1863 and 1864—1866. 46 стр.

Moges (de), marquis. Baron Gros's embassy to China in 1857—1858. London, 1861.

Перевод с французского: Souvenirs d'une ambassade en Chine etc. J. B. Gros участвовал в подписании Тяньцзиньского соглашения в качестве представителя Франции. Автор отчета состоял во время поездки его секретарем.

Morse, H. B. The international relations of the Chinese empire. London, 1910—1918, т. I, 37 + 727 стр., т. II, 41 + 479 стр., индекс, библиогр., хронолог. табл. событий за 1853—1912 гг.

Тщательно составленная и полная работа, хотя в части, посвященной истории Тайпинского восстания основанная, повидимому, на не китайских источниках. См. т. I, гл. XVII: The Taiping rebellion—its rise; т. II, гл. IV: The Taiping rebellion-Ward. гл. V: Gordon.

Morse, H. B. The trade and administration of the chinese empire. 1-е изд. 1908, 3-е изд. London, 1921, 15 + 505 стр.

Есть о Тайпинском движении, но менее полно, чем в предыдущей работе.

Morse, H. B. In the days of the Taipings. Being the recollections of Ting Kien chang, otherwise Meisun sometime scoutmaster and captain in Ever-victorious army and interpreter in chief to general Ward and general Gordon. An historical retrospect. The Essex Institute, Salem, Mass., 1927, 12 + 434 стр.

Написано в форме воспоминаний китайца—очевидца восстания. Автор «воспоминаний» американский ученый, известный по названным выше работам, а также: «The currency of China» (1908), The guilds of China (1909) и др.

Mossman, S. General Gordon's private diary of his exploits in China; amplified by Samuel Mossman, editor of the «North China Herald» during Gordon's suppression of the Taiping rebellion. London, 1885, 15 + 302 стр.

Mossman. S. The mandarin's daughter: a story of the great Taiping rebellion and Gordon's «Ever victorious army». Б. г. 352.

Moule, A. E. Half a century in China; recollections and observations. London and Shanghai. 1911, 12 + 343 стр.

Две отдельных главы о тайпинах.

Moule, A. E. Personal recollections of the Taiping rebellion, 1861—1863. Shanghai, 1898. 28 стр.

Интересные данные о позднейшей судьбе тайпинской армии после подавления восстания.

Moule, ven. Arch. Ningpo under the Taipings, 1861—1863. (East of Asia, vol. V, n° 1, march 1906, стр. 1—15; n° 2, june 1906, стр. 113—131.)

Neumann, K. F. Ostasiatische Geschichte von ersten chinesischen Krieg bis zu den Verträgen von Peking (1840—60). 1861, 20 + 532 стр.

Сведения о книгах, изданных тайпинами.

Neumark, J. Die Revolution in China in ihrer Entstehung, ihrer politischen und religiösen Bedeutung und ihrem bisherigen Verlauf, nebst Darstellung des auf christlicher Grundlage beruhenden Religionssystem der Insurgenten. Berlin, 1857, 17 + 296 стр.

Переработка книги Meadows, The Chinese and their rebellions.

Nevius, J. L. China and the chinese: the country and its inhabitants, its civilization and government its religious and social institutions, its intercourse with other nations. New York, 1869, 456 стр., илл.

См. гл. XVI, стр. 417—427. Автор книги — американский миссионер, с 1854 г. живший в Китае.

North China Herald.

Шанхайская газета, содержащая донесения консулов, отчеты китайского правительства, сообщения о ходе восстания и пр. В противоположность Hong Kong Register и China Mail, N. Ch. Herald открыто заявила о своих симпатиях тайпинскому движению, выражая надежду, что оно освободит страну от ига манчжурской династии и будет способствовать внедрению христианства и «истинной цивилизации» в Китае. Перечень наиболее важных статей, помещенных в этой газете, начиная с 1853 см. у Cordier, Bibliotheca Sinica, I, col. 654—661 (изд. 1904).

Nye, G. The rationale of the China question: comprising an inquiry into the repressive policy of the imperial government, with considerations of the duties of the 3 treaty powers, England, France and Amerika, in regard to it, and a glance at the origin of the 1-st and 2-nd wars with China, with incidental notices of the rebellion. By an american. Macao, 1857.

Oehler, W. Die Taiping Bewegung. Geschichte eines chinesisch-christlichen Gotterreichs. Gütersloh, 1923.

Автор — миссионер, проживший несколько лет в Южном Китае. Работа основана на европейских источниках.

Oliphant, L. La Chine et le Japon. Mission de comte d'Elgin pendant les années 1857, 1858 et 1859. Paris, 1860, 2 т., 31 + 447 и 453 стр.

Рассказ личного секретаря лорда Elgin об английском посольстве в Китай и Японию в 1857—1859. (Перевод с английского яз. с предисл. Guizot.) См. преимущественно т. II, гл. 14—16, 20.

Parker, H. The published letters of the senior marquis Dseng [Го фань]. (China Review, XVIII, стр. 347—365.)

Parker, E. H. China. Her history, diplomacy and Commerce from the earliest times to the present day. London, 1901, 20 + 332 стр., карты.

В гл. Population (стр. 190 и сл.) содержатся статистические данные о влиянии восстания на количество населения. Более подробно этот же вопрос рассматривается в следующей работе того же автора.

Parker, E. H. Population and revenue of China. Otia Mersiana. University College. Liverpool, 1899.

Parliamentary papers presented to both Houses of Parliament:

Papers respecting the civil war in China, 1853.

Papers respecting lord Elgin's special missions to China and Japan, 1857—1859, 488 стр., с картами.

Correspondance respecting affairs in China, 1860, 275 стр.

Papers relating to the rebellion in China and trade in the Yang tze-kiang river, 1862.

Further papers relating to the rebellion in China, 1862.

Pfizmaier, A. Bemerkungen zu einem Maueranschlage der Aufständischen in China (Sitzungberichte der Phil. — Hist. Cl. d. k. Akad. d. Wiss. zu Wien. Bd. XXXIII. 1860.

Pfizmaier, A. Ein Gedicht des chinesischen Gegenkaisers (Id., Bd. XXIX, 1858, стр. 26—36).

Pfizmaier, A. Bericht über zwei Taiping Münzen (Id., Bd. LII, 1866).

Rantoul, R. S. Frederick Townsend Ward. Salem, Mass., 1908.

Касается последнего периода восстания.

Recent events in China (Calcutta Review, vol. 22, 1854, стр. 97—142).

Reports of ministers, commissioners and consuls of the United States: 32-d Congress, 2-d session, Senate Ex. documents, 22, 64; 33-d Congress, Ist session, House Ex. documents, 123; 35-th Congress, 2-d session, Senate Ex. documents, 22; 36-th Congress, 1-st session, Senate Ex. documents, 39; 37-th Congress, 3-d session, Senate Ex. documents, 34.

Richthofen, F., von. Letter from Si-ngan-fu, on the rebellion in Kan su and Shen si. Shanghai, printed at the office of the North China Herald, 1872.

Roberts, C. G. Hung Hsiu-ch'üan one of the people (East of Asia, I, n° 3, стр. 192—198.)

Robson, W. Griffith John, founder of the Hankow mission. New York and Chicago.

О восстании гл. III, стр. 37—52.

Roy, M. N. Revolution und Konterrevolution in China. Berlin, 1930, 500 стр.

Гл. Die Taiping Revolte.

[**Scarth**, J.] Twelve years in China. The people, the rebels and the mandarins. By a british resident. Edinburgh and London, 1860, 18 + 328 стр., илл.

Содержит очерк Тайпинского движения, написанный очевидцем с явным оттенком сочувствия ему.

Schüber, W. Abriss der neueren Geschichte Chinas unter besonderer Berücksichtigung der Provinz Schantung. Berlin, 1912, 8 + 380 стр.

Sergeant, P. W. The great empress dowager of China (Tzu Hsi), London, 1910, 13 + 344 стр.

Отчасти касается тайпинов.

Shanghae Almanac for 1856. Shanghai.

Содержит «Origin of the Kwang-Si insurrection».

Spielmann, C. Die Taiping-Revolution in China. Ein Kapitel der menschlichen Tragikomödie. Nebst einem Überblick über Geschichte und Entwickelung Chinas (1850 bis 1864). Halle a. S., 1900, 4 + 163 стр.

Несмотря на отсутствие экономического анализа, что, впрочем, присуще в большей или меньшей степени и остальным европейским работам о Тайпинском движении, книга Spielmann, не скрывающего своего сочувствия к тайпинам, может быть полезна, поскольку она более или менее объективно обрисовывает политическую сторону восстания. Весьма странное впечатление производят постоянные параллели, проводимые между событиями Тайпинского восстания и историческими событиями в Европе, а также курьезные сравнения деятелей восстания с самыми разнообразными персонажами (Меньшиков, Пирр, Кромвель, Минин, Кальвин, Сарданапал, Бисмарк, и пр и пр.). Перевод с 2-го немецкого изд. (с сокращением) вышел в Москве в 1925 г. с пред. М. Павловича и вступ. статьей К. Радека под заглавием «Крестьянская революция в Китае, восстание Тайпинов». Перевод довольно неряшлив, с частыми неправильностями в транскрипции собств. имен и геогр. назв. Так, про Хун Сю цюаня и его последователей сказано (стр. 32): «с ними он ушел в Distelberg (!), который стал средоточием его деятельности». Цзэнь Го фань назван Чэн Го фаном, один из генералов правит. армии носит фамилию Иих; Тайпин тянь го называется то Тьен кво, то тян гуо и т. д.

Stanley, C. A. The Long haired robbers. (China journal of Science and Art, Shanghai, vol. IV, n° 4, стр. 153—160).

Дан перевод части текста Тай пин тянь го е ши.

Une stèle chinoise en l'honneur de deux français (Toung Pao, 2-e série, I, n° 4, octobre 1900, стр. 334—341).

Suppression of the Taiping rebellion in the departments around Shanghai. Shanghai, 1871, 14 + 94 стр.

Sykes, W. H. The Tai-ping rebellion in China; its origin, progress and present condition. London, 1863, 113 стр.

Корреспонденция в газеты London Daily News и Aberdeen Free Press, в которой проводится мысль о нежелательности интервенции.

Sykes, W. H. China. Speech of colonel W. H. Sykes, M.P. in the House of Commons, on tuesday march 12-th 1861. (Hansard's Parliamentary Debates, vol. CLXI, стр. 1841—1851).

Taipings (The) as they are. By «one of them». With an introduction by rev. J. W. Worthington. London, 1864, 6 + 64 стр.

Thompson, R. W. The story of fifty years in China. London, 1906, 2-е изд., 1908.
Гл. V, стр. 114—156 о восстании тайпинов.

Tobar, J. Le credo des rebelles «aux longs cheveux». (T'oung Pao, VIII, n° 4, octobre 1897, стр 431—436.)

Vetch, R. H. Gordon's campaign in China. By himself. With an introduction and a short account of the Tai-ping rebellion. London, 1900, 79 стр.

Walrond, T. Letters and journals of Lord Elgin. London, 1872.

Williams, S. W. The Middle Kingdom. Asurvey of the geography, government, education, social life, arts, religion etc. New York, 1895, 2 т., 25 + 836 и 13 + 755 стр.
Гл. XXIV: The Taiping rebellion (при составлении использована автобиография Чжун вана).

Williams, S. W. A history of China, being the historical chapters from the «Middle Kingdom». Edited by F. W. Williams. New York, 1897, 14 + 474 стр.

Williams. The Tai-ping rebellion (The Open Court, vol. XV. n° 11, 12, november and december, 1901. Chicago, 1901).

Wilson, A. The «Ever victorious army»: a history of the chinese campaign under Lt.-col. C. G. Gordon, C. B., R. E. and of the suppression of the Taiping rebellion. Edinburgh and London. 1868, 32 + 395 стр.

Wing, Yung. My life in China and America. New York, 1909.
В гл. 9—13 воспоминания о Гань ване тайпинов и Цзэн Го фане, под начальством которого служил автор.

Wolferstan, rev. Bish. The catholic church in China from 1860 to 1907. Edinburgh and St. Louis, 1909, 37 + 470 стр.
Из стр. 104—107 о христианстве тайпинов.

Wolseley, G. J. Narrative of the war with China in 1860; to which is added the account of a residence with the taiping rebels at Nanking. 1862, 14 + 415 стр.

Worthington, R. The story of Chinese Gordon. New York, 1884, 407 стр.
Остальные менее важные работы о ген. Гордоне, не названные здесь, см. у Cordier. Bib. Sin., I, col. 650—652.

Yates, M. T. The Tai-Ping rebellion. A lecture delivered at the Temperance Hall for the benefit of the Shanghai Temperance Society. Shanghai, 1876.
См. рец. в China Review, IV, 1875—1876, стр. 395—396.

РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ И АРХИВЫ

К. К. Флуг

КРАТКИЙ ОБЗОР НЕБУДДИЙСКОЙ ЧАСТИ КИТАЙСКОГО РУКОПИСНОГО ФОНДА ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СОБРАНИЕ китайских рукописей, хранящихся в рукописном отделе Института востоковедения (ИВ), не отличается особой ценностью, значительно уступая в этом отношении ксилографическому фонду. Последний, также не особенно многочислен и полноценен и в своем большинстве состоит из ряда случайных, часто неполных коллекций, собиравшихся в свое время без всякого плана и системы.[1] Вместе с тем, рукописное собрание заключает в себе некоторое количество интересного и ценного материала, знакомство с которым во многих случаях может оказаться небесполезным. В виду отсутствия печатного каталога рукописного собрания ИВ здесь будет не лишним дать в общих чертах краткий обзор рукописного фонда ИВ, как результат его планомерного изучения и описания, начавшегося впервые в 1933 г. и уже почти законченного в небуддийской части рукописного собрания.[2]

Сборный характер рукописного фонда, стоящий в связи с отсутствием системы при его собирании, выразился, прежде всего, в чрезвычайной пестроте его состава. Мы находим в нем, действительно, такие разнородные вещи, как, например, перевод манифеста, данного имп. Александром I в Париже, собрание лекарственных рецептов XI—XII вв., театральные пьесы, перевод письма Марка Аврелия, протокол об отравлении жены манджурского офицера, стихи буддийского отшельника, труд по нумизматике и пр. Однако, несмотря на всю неполноту и пестроту состава рукописного собрания, можно наметить в общих чертах несколько областей, при изучении которых китайские рукописи могут принести существенную пользу. Так, в первую очередь, среди них имеются рукописи, которые могут послужить полезным и интересным мате-

1 О происхождении и составе китайского ксилографического фонда Ин-та востоковедения см. статью В. М. Алексеева в памятке «Азиатский музей Росс. Акад. Наук, 1818—1918» (1920).

2 Древние буддийские рукописи, занимающие, по своему содержанию и ценности, в китайском рукописном фонде совершенно особое место, выделены в отдельную коллекцию и подлежат особому рассмотрению.

риалом по истории китайского революционного движения и нелегальных организаций, или так называемых тайных обществ. К числу их надо отнести, прежде всего, собрание императорских указов и докладов за 1813—1814 гг., касающихся восстания Бо лянь цзяо.[1] К этому же восстанию относятся, повидимому, императорские указы начала XIX в., обращенные к военным и гражданским властям по поводу мятежа, бывшего в 15-й день 9-го месяца (год не обозначен).

Автобиографические заметки и воспоминания Го Сун тао, бывшего губернатором Гуандуна и Гуанси,[2] друга и соратника Цзэн Го фаня, содержат важные материалы по истории Тайпинского движения. События последнего периода восстания и деятельность Го Сун тао, принимавшего участие в его подавлении, изложены в Пин фа ни Ван Хай ян бяо, донесении Сянь Бао ганя о победе, одержанной над одним из вождей тайпинов. Жизнеописание Го Сун тао, составленное его сыном Чжо жуном, похвальное слово, написанное известным Ли Хун чжаном, и надгробная надпись, содержащая краткие биографические данные и перечень сочинений, написанных Го Сун тао, являются необходимыми источниками при выяснении облика этого видного деятеля и его роли в борьбе китайского правительства с тайпинами.

К числу документов, относящихся к истории тайных обществ, принадлежат запротоколированные показания 24 лиц, обвинявшихся в принадлежности к нелегальной организации Цай хуй — «Обществу вегетарианцев» и допрошенных во главе с его организаторами Лю Юном, Чжан Тао, Чжэн Хуаем и Ду Чжу и, на следствии, происходившем в течение 1893—1894 г. Данная организация принадлежала, повидимому, к числу тех, запрещенных правительством обществ, которые, подобно Чи су цзяо, существовавшему уже в Танский период, выставляли в качестве лозунга пожизненное воздержание от мяса, — чаще всего для маскирования политического характера организации.

Среди материалов по истории национально-освободительного движения в Китае можно отметить доклад Лю Цун ханя о восстании дунган и занятии ими Или (1864—1867). Автор доклада, по профессии учитель, участвовал в борьбе китайских войск с дунганами и за отличия был вознагражден военным чином. Второй его доклад касается занятия Или русскими войсками[3] и представляет интерес в качестве документа, касающегося периода вторжения царской России на Восток, происходившего как при помощи вооруженной силы, так

[1] Автором большинства докладов является Но янь чэн (1762—1833), прославившийся при подавлении восстания Бо лянь цзяо в конце XVIII в. См. его биографию в Цин ши гао, цз. 154, 4 r — 6 v.

[2] «Хао» Юнь сянь»; 1818—1891 г. Giles (Biographical Dictionary, № 1072) датирует его смерть 1887 г. (ср. биографию Го Сун тао, приводимую ниже).

[3] Оба доклада Лю Цун ханя были переведены в свое время В. Васильевым в «Русском вестнике» (май 1872, стр. 173 и сл.).

и путем расширения экономического влияния. В последнем отношении небезинтересны такие документы, как охранное свидетельство на перевозку товаров, выданное в 1909 г. управлением по делам внешней торговли (Тун шан цзун цзюй) русскому купцу, объявление начальника таможни в Цзяюйгуане (1887 г.), призывающее население не чинить препятствий к проезду и торговле русских купцов, и т. п. документы. Взаимоотношения Китая и европейских держав, в частности Англии, в конце XVIII и начале XIX в. отражены в докладах Хэ Шэня (1793 г.)[1] и генерал губернатора Гуандуна и Гуанси о посольстве лорда Макартнея, докладе военного министра об английском флоте в Макао (1808 г.) договорах на поставку оружия английскими фирмами, переписке между тяньцзиньским арсеналом и военно-морским ведомством по поводу покупки артиллерийских орудий и снарядов. В свою очередь и политика Китая по отношению к смежным с ним странам и племенам находит отражение в ряде материалов, начиная с компиляции в 6 бэнях, заключающей в себе извлечения из соответствующих отделов, посвященных описанию иностранных государств и народностей в Ши цзи, Хань шу и других династийных историях до Тан шу включительно. Не менее полезна и другая работа, содержащая исторический обзор сношений Китая с кочевыми племенами «ху», начиная со страны Гуй фан,[2] а также исторический очерк борьбы китайцев с этими племенами (преимущественно в минский период). К работе приложены генеалогические таблицы вождей племен, сведения об учреждении и количестве китайских переводчиков при Мин и небольшой словник, «изучение которого необходимо для будущих полководцев». Необходимость изучения языка соседних народов, давно ощущавшаяся в Китае, выразилась при Мин в учреждении бюро переводчиков Сы и гуань, основанном в 1407 г, по приказу Юн лэ. Собрания двуязычной переписки и словарей различных языков, составленных в Сы и гуань, частично имеются в большинстве главных востоковедных библиотек Европы, где они являлись предметами более или менее полного изучения.[3] В рукописном отделе ИВ также имеется довольно значительное собрание двуязычных документов и словарей, составленных в Сы и гуань. Языки, представленные в нем, следующие: тибетский,

---

1 См. его биографию в Цин ши гао, цз. 106, 2 v — 7 г.

2 Население этой страны, название которой встречается уже в Чжу шу цзи нянь («Анналы, написанные на бамбуке») по предположению Ван Го вэя являлось предками Сюнну (Ван Го вэй, соб. соч., 1-я серия, I. цз 13, 1—40).

3 Работы, касающиеся Сы и гуань, его переписки и словарей, указаны в рецензии Pelliot на статью Denison Ross, New light on the history of chinese Oriental College, BEFEO, 1909, IX, 170—171, а также в T'oung Pao, XXVI, 1929, 53—61. В рукописном отделе ИВ имеется редкое ксилографическое издание Сы и гуань као в 10 цз, о котором Pelliot замечает, что после Amiot «aucun Européen n'a retrouvé le livre de Kiang Fan». Книга эта составлена Цзян Фанем в 1695 г., на основании материалов Сы и гуань и является не столько очерком организации и истории бюро переводчиков, сколько обзором стран, фактически или номинально бывших подвластными Китаю, с приложением образцов их письменности.

санскритский, бирманский, сиамский, бо и, ба бо.[1] Словари различных языков, составленные Сы и гуань в разное время, объединяются теперь под общим названием Хуа и и юй, происхождение которого является пока еще недостаточно выясненным.[2]

Довольно значительную часть рукописного фонда составляют материалы, дающие непосредственное знакомство с чиновничьим Китаем конца XIX и начала XX в., его бюрократическим механизмом и его дореформенной армией. Организация и внутренняя жизнь дореформенной китайской армии отражены в ряде документов в виде инструкции для обучения военному строю с приложением расписания ежедневных занятий и перечнем дисциплинарных взысканий, curriculum vitae офицера гвардейской дивизии в чине ду сы (соответствующего капитану), списков рядового и командного состава различных военных частей, обращения к пекинским «восьмизнаменным», предостерегающего от нарушения дисциплины на службе и в частной жизни, с перечнем всех проступков, караемых наказаниями (драка, посещение игорных и публичных домов, курение опиума, занятие ростовщичеством и пр.). Образцы частной и официальной чиновничьей переписки мы имеем в виде различных бумаг, отношений, сопроводительных описей дел, рассмотренных уголовным, финансовым, военным и другими отделами одного из провинциальных ямыней, писем к Ли Хун чжану (1892) от неизвестного по имени чиновника и нескольких образцов частной переписки и эпистолярного стиля. К данному же отделу можно отнести сборник, называющийся Чэн ху вэнь да и содержащий перечисление различных наименований, требуемых вежливостью при обращении к родным и знакомым, трафаретные выражения, употребляемые в письмах и деловых бумагах, условные обозначения дат, чинов, должностей и пр.

Христианская литература, составляющая большую и вместе с тем наименее интересную часть рукописного собрания, состоит из работ католических и православных миссонеров, а также из нескольких работ, написанных китайцами-христианами.[3] Первая группа представлена работами, — иногда редкими, следующих иезуитов, живших, главным образом, в XVI и XVII вв.: Luigi Buglio,

[1] Бо (бай, ба) и ба бо (бай) являются китайскими обозначениями языков, принадлежащих к семейству Тай. См. о них в статье Müller, Vocabularien der Ba yi und Pah poh Sprachen (T'oung Pao, III, 1892, 1—39 и V, 1894, 329—333).

[2] По мнению Pelliot (BEFEO, 1909, IX 171,) это название ведет начало от составленного в конце XIV в. Хо Юань цзе китайско-монгольского словаря Хуа и и юй, с которого оно распространилось и на другие словари Сы и гуань. Об авторе Хуа и и юй см. также статью Haneda в Tōyō gakuhō, VII, 2. Воспроизведение Минского экз. Хуа и и юй имеется в издании Хань фынь лоу би цзи, сер. IV.

[3] Жизнеописание одного из них, ученика Ricci Ян Тин юня (в каталоге Courant, № 1097, он назван ошибочно Тин цзюнем), записанное Дин Чжи линем со слов Aleni, имеется в рукописном собрании ИВ.

Antonio de Santa Maria, Francesco Sambiaso, Adam Schall, Martino Martini, Matteo Ricci, Giulio Aleni, Diego Pantoja, Giacomo Rho.[1] Среди книг, написанных иезуитами с целью пропаганды христианства, а иногда в виде научных трактатов, наибольший интерес представляет рукописный экземпляр толкования известной надписи на несторианской стэле в Си ань фу о проникновении христианства в Китай: Цзин цзяо лю син Чжун го бэй сун чжэн цюань, составленного Emmanuel Diaz[2] (Ян Мано). Работы русских миссонеров еще менее интересны и состоят почти исключительно из переводов евангелия, святцев, литургии, молитв, «стоглавов», жизнеописаний святых, «зерцал православного учения» и тому подобных произведений, авторами которых в большинстве случаев являются монахи Гурий, Даниил (Сивиллов) и Петр (Каменский). Из трудов первых русских китаеведов, находившихся в своей научной деятельности в тесной связи с миссионерами, а иногда, как, например, Иакинф Бичурин, бывших монахами, можно отметить объемистый перевод трех первых томов Истории государства российского Карамзина, произведенный Захаром Леонтьевским и оставшийся внушительным, но бесплодным свидетельством трудолюбия переводчика.

Небольшое собрание корейских рукописей, написанных на китайском языке, состоит, главным образом, из монографий местностей и городов, написанных по обычному плану китайских работ типа «чжи» и содержащих историческую, топографическую, этнографическую, статистическую и др. части, и из нескольких исторических сочинений, среди которых выделяются хроника царствования корейского Сянь цзуна (1835—1849) в 10 бэнях, родословные таблицы старых корейских фамилий в трех бэнях, «Столичные и провинциальные анналы» за период XV—XVIII вв. в 5 бэнях и история Кореи от древнейших времен до 1392 г.[3]

К данному же отделу относится также собрание сочинений известного корейского писателя XVIII в. Хун Лян хо (в китайском чтении), письма корейского короля к императору Цзя цину (1813) и «Необходимое пособие для переводчиков» И цзя би бэй в 24 цз., представляющее собой руководство для корейских переводчиков, обслуживающих китайские торговые суда, прибывающие в Корею.

Наконец, в рукописном фонде ИВ мы имеем несколько отдельных сочинений по географии, истории буддизма в Китае, нумизматике, сборники театральных пьес, романы, собрания стихотворений. Среди последних следует назвать стихотворения «отшельника холодной горы» Хань шань цзы, монаха, жившего в IX веке

[1] Важным источником при изучении деятельности миссонеров является имеющееся в рукописном отделе ИВ собрание императорских указов, докладов и др. официальных документов, относящихся к истории католического христианства в Китае за период XVII—XVIII вв.

[2] См. Сы ку цюань шу цзун му, цз. 125, 31—34. Христианской стэле в Си ань фу посвящена известная работа Havret, помещенная в Variétés Sinologiques, №№ 7, 12, 20.

[3] Повидимому, соответствует сочинению, помещенному в каталоге Courant, Bibliographie coréenne под № 1847, и автором которого значится Kouen Keun и др.

в горах Тянь тай,[1] и любопытное произведение, которое написано в форме исторического романа на сюжет о проникновении мусульманства в Китай в период Чжэн гуань (627—649) и автор которого был, повидимому, сам мусульманином. Из рукописных словарей и пособий для переводчиков занимателен китайско-русский тематический словарь Э ло сы фань юй, предназначавшийся, вероятно, для китайских купцов. Вторая его часть состоит из отдельных русских фраз, переданных при помощи китайских знаков, причем значение этих фраз уловить иногда довольно трудно. Так, например, фраза, звучащая в пекинском произношении: Ду-лу-гуай ма-нянь-эр нянь-ду, означает «другой манер (сорт) нету», а Ди-би гэ-дао-эр-ли чи-лао-вэй-кэ «тебе который человек» соответствует, вероятно, русскому «откуда ты родом» и т. д.

Совершенно особое место в китайском рукописном собрании занимают древние, в подавляющем большинстве буддийские, рукописи из находок С. Ф. Ольденбурга, Кроткова и Козлова. Среди этих рукописей, представляющих чрезвычайную ценность по одной своей древности,[2] имеется ряд уникальных сочинений, неизвестных ни в Европе, ни в Китае и Японии. Рукописи эти, частично подвергшиеся изучению проф. Pelliot[3] во время его кратковременного пребывания в Петербурге в 1910 г. и проф. Kanō,[4] изложившим в отдельной статье результаты исследования рукописного экземпляра Вэнь сюаня (VII—VIII вв.), в целом еще не описаны и ждут дальнейшего изучения и особого рассмотрения.

27 III 1934.

---

[1] См. о нем В. М. Алексеев. Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства (сборник Музея Антропологии и этнографии АН, 1918, стр. 302). Биография Хань шань цзы помещена в Сун гао сэн чжуань (Ток. Трипит., XXV, 4, цз. 19). Собрание его стихотворений издано недавно в серии Сы бу цун кань.

[2] Самый ранний из датированных экземпляров относится, повидимому, к 516 г. Остальные в большинстве случаев к VII—XII в.

[3] В небольшой части рукописей, вывезеных в 1908 г. Козловым из Хара хото. См. Journal Asiatique, 1914, 503 и сл.

[4] Статья Kanō в русском переводе Ю. К. Щуцкого вышла в Известиях Акад. Наук СССР, (1930, № 2) под заглавием «О фрагменте старой рукописи «Литературного изборника» Вэнь сюань хранящегося в Азиатском музее Акад. Наук».

А. Ковалевский

ОПИСАНИЕ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ХАРЬКОВСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

Еще года два тому назад по поручению акад. И. Ю. Крачковского я пытался выяснить состав восточных рукописей бывшей, так называемой, Фундаментальной библиотеки Харьковского университета. В то время самая опись этих рукописей была потеряна, и ознакомиться с ними удалось лишь весьма бегло. Только в конце 1933 г., после создания нового Харьковского гос. университета, было поручено особой комиссии под руководством проф. В. Веретенникова выяснить состав фонда рукописей университетской библиотеки и дать его описание. При этом, из числа многих сотен рукописей этого фонда, восточных (цельных или отдельных частей) оказалось всего 23, не считая многочисленных мелких вкладок. Из них одиннадцать арабских, одна арабская с турецким комментарием, девять турецких, одна персидская и одна индийского происхождения. Нумерованы они были без всякой системы, многие вложены одна в другую, тетради и листы перемешаны так, что при описании приходилось вносить порядок в этот хаос, создавать новые номера и т. д. На некоторых рукописях оказалось по два номера. Найденная к тому времени опись рукописей, к сожалению, ни в какой мере не помогла работе, так как имеющиеся в ней указания на содержание рукописей или совершенно общи или прямо неверны. Так, напр., рукопись № $\frac{\text{C II}}{67}$, почти вся занятая турецким текстом, названа арабской. О рукописи части Корана № $\frac{\text{C II}}{69}$ сказано вообще: «Изречения религиозного содержания (без заглавия) на арабском языке». О рукописи № $\frac{\text{C II}}{68}$ сказано: «Теологические рассуждения об исламе и молитве. Автор: Ахмет-бен-Абдулла: напеч. (sic!) в 1178 г. (хиджры)». Между тем упомянутый Ахмет является лишь переписчиком, а не автором; содержание же — трактат о Мохаммеде. Рукопись № $\frac{\text{C 2}}{70}$ определена как «Рассказы об исполнении религиозных обязанностей», в то время как это трактат по грамматике, и т. д. Понятно, что эти неизвестно кем и когда написанные замечания, пришлось совершенно игнорировать.

Точно так же, к сожалению, в описи нет никаких данных о том, откуда и когда эти рукописи попали в библиотеку. От старых работников библиотеки я слышал, что их происхождение связано с именем акад. Б. Дорна. Однако, ближайшее ознакомление с вопросом мало оправдывает эту традицию. Дорн, Борис Андреевич (тогда еще Иоган Альберт Бернгард), перешел из Лейпцигского университета в Харьков осенью 1829 г. Здесь он читал на латинском языке курсы еврейского, эфиопского, арабского, персидского, санскритского и, кажется,

турецкого языков, вел объяснение Корана и восточных текстов по хрестоматии Болдырева. Занятия эти продолжались шесть лет, до октября 1835 г., после чего он навсегда покинул Харьков, переехавши в Петербург. После его ухода кафедра восточных языков оставалась вакантной до 1855 г., когда и была упразднена. («Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования». Изд. Харьк. унив. под ред. М. Халанского и Д. Багалея, Х. 1908 г., стр. 20—21. О преподавании Б. Дорном турецкого языка см. Багалея Д. И. «Опыт истории Харьковского университета», том II, 1904 г., стр. 595). Таким образом, все рукописи, имеющие следы более позднего, чем 1835 г. пребывания на Востоке, т. е. имеющие надписи, вкладные записки и письма с позднейшими датами, вряд ли могли принадлежать Б. Дорну. Вероятнее всего с ним связаны два турецких дефтера конца XVI в. № $\frac{C\ V}{15}$ и № $\frac{C\ V}{5}$, на которых имеются старые немецкие надписи, указывающие на их происхождение из Германии. Впрочем, надписи эти, в виду их ошибочности, принадлежат, вероятно, не Дорну, а книгопродавцу, быть может, желавшему лучше сбыть свой товар. Два турецких дипломатических документа начала XIX в. № $\frac{C\ V}{8}$ и № $\frac{C\ V}{8}$ *а* имеют пометки какого-то итальянца Giovanni Sarandato, но по своему содержанию не вызывают сомнения в том, что они были посланы непосредственно из Турции в Россию. Связь их с Дорном сомнительна.

Детальное изучение дат, вкладок, надписей и печатей могло бы указать на связь между собою многих рукописей и до некоторой степени раскрыть их историю. Так, весьма вероятна связь части этого рукописного собрания с войной 1877 г., именно с балканским фронтом, в частности с районом Адрианополя. Сюда относится прежде всего рукопись № $\frac{C\ I}{64}$, излагающая теорию раздела наследства, с многочисленными ее вкладками и с беспорядочно втиснутыми в нее частями рукописей № $\frac{C\ I}{64}$ *а*, *б*, *в*. На время войны указывает здесь, вложенная турецкая газета «Марица» 1877 г., а также то, что все вкладные записки и письма датируются не позднее 1876 г. С другой стороны, мы находим целый ряд записок с вычислениями, по почерку и содержанию тождественных с этой рукописью № $\frac{C\ I}{64}$, вложенных в другие рукописи, как-то — в толкование на Коран № $^3/_7$ и в книгу о ханифитском праве № $\frac{C\ II}{72}$. Конечно, смешение это могло произойти и позднее, но, судя по манере автора этих заметок писать их всюду, где попало — на записках, на полях рукописей, на газете, — возможно, что именно он рассовал эти заметки между своими бумагами. В рукопись № $^3/_7$, в свою очередь, были вложены рукописи: № $^3/_7$ *а* религиозно-легендарного содержания, № $^3/_7$ *б* о счастливой женитьбе и учебная рукопись № $^3/_7$ *в*. Вкладка в рукопись № $\frac{C\ II}{72}$ с датой мая 1878 г. опять как-будто подтверждает общую связь этих рукописей с временем войны.

Рассматривая в совокупности весь этот комплекс, как кажется, связанных между собой рукописей и особенно рукопись № $\frac{C\ I}{64}$ с ее вкладками, мы можем получить представление и о той среде, в которой они обращались. Это — рядовое духовенство, судейские, бывшие учащиеся константинопольского Медресе султана Мохаммеда и т. п. Люди эти не носят высоких титулов и опираются больше на свой образовательный ценз. В письмах они именуют друг друга «ефенди» или «шейх». Они склонны к турецким сочинениям, у них можно найти турецкий трактат по медицине, сборник житейских советов об условиях счастливой женитьбы или астрологическую заметку. Это — среда, в позднейшее время питавшая также национал-либерализм, — тут читают национал-патриотическую газету. Часть этих рукописей носит учебный характер или следы школьной проработки и, быть может, осталась у их владельцев со времен их учения.

Некоторые рукописи имеют отметки о бывшей принадлежности к вакфу. Сюда относятся № $\frac{C\ II}{71}$ — трактат о разного рода молитвах, № $\frac{C\ II}{69}$ — отдельные части Корана и, кажется, № $\frac{C\ V}{16}$ — таблица упражнений по каллиграфии.

Совершенно особое место занимает рукопись персидских стихов № $\frac{C\ V}{10}$. Дата ее поступления в библиотеку, повидимому, 1904 г. Вероятно, она принадлежит к большой библиотеке, пожертвованной университету Филоновым. Свои соображения об истории этой рукописи я даю в примечании к ее описанию.

В порядке описания я, вообще говоря, держался общей инструкции, составленной проф. В. Веретенниковым, руководившим описанием всех рукописей библиотеки. Тут даются указания на содержание рукописи, далее, поскольку это возможно, сведения об авторе и переписчике, отмечаются имеющиеся даты, приписки, пометки и т. д., а с другой стороны, дается палеографическое описание вплоть до качества бумаги и водяных знаков, что, при отсутствии иных данных, может способствовать приблизительному определению времени написания и происхождения рукописей.

Распределение рукописей даю, во-первых, по языкам, а в этих пределах — по возможности в хронологическом порядке от более старых к более новым.

В библиотеке имеется еще одна рукопись, кажется, южно-индийского происхождения. Она писана на черной бумаге белыми знаками, сложена «гармоникой» и вдвигается в продолговатый клеенчатый футляр. Номера на ней нет.

Арабские рукописи

1. № $\frac{C\ 2}{70}$. — Рукопись по арабской грамматике. Как сказано в конце текста, «написал ее (книгу) al-faqir (*Sic*, без î) Aḥmad ibn Jûsuf», который является, повидимому, ее автором или компилятором.

Рукопись, после призывания аллаха, начинается словами, «Слово (al kalima) называется также речью (al kalâm), которые оба (слова) происходят от слова kalma с сукуном над лямом, а оно означает ранение...» Далее приводится стих Имру'у ль-Кайса: «Ранение языком подобно ранению рукой» и т. д. Особого названия сочинение, повидимому, не имеет.

Текст писан под ряд, без красных строк и какого-либо разделения содержания. На первых страницах много вписок и дополнений между строк, что придает рукописи характер черновика. Многочисленные приписки на полях касаются также вопросов арабской грамматики. Некоторые из них подписаны особою криптограммою. Перед текстом на 1 стр. белого листа записи собственников и печати. Есть цифра 1240, вероятно год, и разные другие заметки.

Время написания рукописи указано в конце текста словами: «1053-й год», (хр. эры 1643—1644 г.) причем слово «три» весьма сомнительно, так как дата писана без всяких диакритических точек, и соответствующая графема не подходит вполне ни под одно числительное.

Почерк почти рик'ат, довольно небрежный. Отдельные слова и выражения отчеркнуты красными, иногда черными черпилами. Бумага имеет водяные знаки в виде морской шестиконечной звезды и других фигур.

Всего 132 листа — 264 страницы, из которых 5 белых. Переплет бумажный с накидкой с кожаными наклейками. Размер 15 × 20$^1/_2$ см.

Вкладки (листки):

1. На одной стороне изречения из хадиса о скупом и щедром. Далее на этой и другой стороне рассуждения о ничтожности разума (между прочим со ссылкой на халифа Али).

2—3. Повидимому, продолжение предыдущих рассуждений. Подпись Абдаллаха ефенди.

4. Какие-то цифровые подсчеты.

2. № $\frac{\text{С П}}{72}$. — Сочинение под названием: Kitâb al-ašbâh wa 'n-naẓâ'ir al-faqîhîja 'alâ madhab al-ḥanafîja. «Книга подобий и соответствий мусульманского права (фыкха) согласно ханифитскому учению». (Так на стр. 10 рукописи. На стр. 5 несколько иначе: «Kitâb al-ašbâh wa 'n-naẓâ'ir fî'l-fiqh 'alā madhab al-imâm al-a'ẓam abû-Ḥanîfa).

Автор указан на последней странице сочинения: Зейн ибн Нуджейм аль-Ḥанафй, причем прибавлено: «это (сочинение) есть последнее, что он сказал, как писатель».

Там же указана дата написания: «он освободился от своего сочинения (т. е. окончил его) 27-го джумâдâ ль-âḫира в год 969, и составление его продолжалось шесть месяцев». (4 III 1562 г. хр. эры).

Время переписки: «в день 9 великого ша'бâна в год 1079 (писано) рукою факира Ахмеда ибн аль-Хâджа Хасана ас-Сиранй, из блестящего Мостара (?).» (12 I 1669 г. хр. эры.)

Кроме основного текста, излагающего основные отделы фыкха, в рукописи имеются еще многочисленные приписки (на стр. 1, 2, 4—9, на многих полях в тексте и на последних четырех страницах). Они отчасти комментируют содержание, отчасти представляют молитвы на разные случаи жизни со ссылками на мусульманские авторитеты. На стр. 18—20 дано оглавление, на стр. 21 имеется дата 1179 г. (1765—1766 г. хр. эры). Начиная с 13-го листа рукописи листы нумерованы: 1—200 листов. Далее идут еще два листа, так что всего в рукописи 215 листов — 430 страниц.

Почерк насхи без огласовок. Текст сочинения обведен красной линией. Кожаный переплет с тиснением и с накидкой.

Вкладки:

1. Листок, исписанный с двух сторон, кажется, на азербайджанском языке. Дата 24 мая 1878 г. (так и датировано).

2. Частная записка на турецком языке без даты.

3. 4. Две бумажки с пометками, касающимися имущественных разделов и относящимися к рукописи № $\frac{\text{C I}}{64}$.

5. Маленькая заметочка с краткой молитвой.

Примечание. Имя автора сочинения полностью «Zain al-'âbidîn ibn Ibrâhîm ibn Nuǵaim al-Miṣrî al Ḥanafî (см. Брокельман, II, 310). Он умер в 970 г. (1563 г. хр. эры). Таким образом, данное его сочинение действительно, может быть, последнее в его жизни, поскольку оно написано в 969 г.

3. № $\frac{\text{C II}}{69}$. — Рукопись, — 4 отдельных тетради, содержащие каждая по так наз. «части» Корана. Каждая часть сшита и графически оформлена отдельно. Располагаем и нумеруем их (справа налево) в порядке содержащихся в них текстов Корана.

Тетрадь 1-я. Часть 6-я Корана, начиная от 4 (147) до 5 (85) включительно.

Тетрадь 2-я. Часть 8-я Корана от 6 (111) до 7 (85) включ.

Тетрадь 3-я. Часть 9-я Корана. Она представляет продолжение предыдущей, но первый листок с одной страницей текста утерян, поэтому тетрадь начинается с 7 (89) со слов «fa aṣbaḥû fî dâriḥim» и кончается 8 (41) включ. Имеется пропуск, повидимому, в два листа (4 страницы), от начала 8 (11) до конца 8 (31).

Тетрадь 4-я. Часть 27-я Корана. От 51 (31) до конца суры 57-й.

Названия сур и другие заголовки стерты почти окончательно.

Приписки: Тетрадь 2-я, стр. 16 (справа налево): приписано пропущенное в тексте начало 7 (5): «Мы обязательно спросим тех, кому были посланы (посланники)». Тетрадь 3-я, стр. 9,—к 7 (143) приписка пропущенных слов: «но если увидят путь заблуждения, то возьмут его себе как путь». Тетрадь 4-я, стр. 12—приписка пропущенных слов из 53 (29) «но воистину мнение», стр. 15 красными чернилами приписано, повидимому, повторение слова из текста «поклоняйтесь». На последней странице приписаны пропущенные в тексте 67 (27) слова «и подвижничество».

На первой и второй писаных страницах каждой тетради (на тетради 3-й лишь на одной сохранившейся) имеются печати с арабской надписью «это — части из того, что пожертвовал, как вакф Ḥaṣkî (*sic*) al-Ḥâǧǧ Muṣṭafâ âġâ 1134» (1721—1722 г. хр. эры).

Почерк крупный насхи со всеми огласовками. Каждая тетрадь начинается с белой страницы. Далее первые две писаных страницы (у тетради 3-й лишь одна) окантованы толстыми золотыми линиями, обведенными еще черными. Аяты отмечены золотыми точками. На дальнейших страницах окантовка тонкими красными линиями. На нескольких страницах она отсутствует. Теми же линиями обведены места заголовков сур. Аяты отмечены красными точками (иногда с пропусками в сравнении с обычным делением). В конце 1-й и 2-й тетрадей имеется еще по белой странице. В конце тетради 4-й одна белая страница, в конце 3-й ни одной.

Размер 17 × 25 см. Всего 66 листов — 132 страницы, из которых 10 белых. Имеются две оторванные крышки тисненого кожаного переплета.

Примечание. Так как число «частей», т. е. приблизительно равных делений Корана, всего 30, то первоначально рукопись должна была быть в $7^1/_2$ раз больше теперешней.

4. № $\frac{\text{C II}}{71}\left(\frac{9}{71}\right)$. — Сочинение под названием «Ġunja 'l-mutamallî «Ненуждаемость наслаждающегося жизнью» (стр. 2). Автор Ибрâхйм ибн Моḫаммед ибн Ибрâхйм аль-Ḫалябй. Это комментарий на сочинение «Munja l-muṣallâ wa ġunja 'l-mubtadî. «Предмет желания молящегося и ненуждаемостость послушника». Имени автора этого последнего сочинения в рукописи найти не удалось. Общее содержание касается разных видов мусульманской молитвы. Как обычно, текст комментария идет в перемежку с текстом оригинала, причем последний отмечен сверху красной чертой. На стр. 4-й автор оригинала указывает ряд своих источников Multaqatât, Daḫîrât, Fatawî Qâḍîḫân и др.

Кроме основного текста в рукописи имеются: на 1-й стр. три стертых записи собственников. Далее идут 9 страниц, линованных в квадрат красными чернилами. Далее белая страница с записью, что книга пожертвована вакфу в 1257 г.

шаввâля 18-го (3 XII 1841 г. хр. эры). В тексте под строками, особенно в начале, имеются краткие пояснения отдельных слов и выражений, иногда на турецком языке, и цифры, указывающие — какие части предложения к каким относятся. На полях многочисленные приписки, комментирующие отдельные вопросы текста, иногда со ссылками на авторитеты, напр.: Al-Hidâja, Ibn Amîr Hâğğ, Абŷ Ханûфа, Абŷ Юсуф и др. На стр. 383-й на отвороте листа есть крупный каллиграфический рисунок графемы имени Мохаммеда с припиской имени Ибрâхûма эфенди. Листы текста нумерованы, начиная со 2-го листа.

Дата написания рукописи дана в конце переписчиком, —1135 г. (1722—1723 г. хр. эры).

Почерк насхи четкий без огласовок. Разворот первых двух страниц текста обведен толстыми золотыми полосами. В начале золотая с синими и красными украшениями заставка. Бумага проклеенная. Всего 261 лист — 522 стр., из них 5 белых. Размер: 14.5 на 21.5 см. Переплет кожаный с тисненым орнаментом и накидкой.

Вкладки:

1. Записка с перечислением главных обязанностей, возлагаемых исламом (язык арабский, насх).

2. Продолговатая записка с крупным изречением, призывающим учить детей (араб., насх).

3. Листок, трактующий о порядке намаза (турецк., рикат).

4. Маленький конверт с турецким письмом денежного характера. Дата 5-е мохаррема года 89 (вероятно 1289 г. — 15 III 1872 хр. эры) (рикат).

5. Листок: на одной стороне запись астрологического содержания о благоприятных созвездиях (турецк.). На другой, другим почерком, молитва (араб.) и наставление к магическому привороту любви (турецк.).

6. Заметка по арабскому синтаксису. Подпись: Абдуллах эфенди.

7 и 8. Описаны отдельно как рукописи № $\frac{\text{С П}}{71}$ *а, б.*

Примечание. Основное сочинение, согласно Брокельману (I, 432), написал Sadîdaddîn al-Kâšğarî, живший, кажется, в VII в. гиджры. Комментатор — Ибрâхûм аль-Халябû умер в 956 г. (в 1549 г. хр. эры). Про Multaqaṭât см. Бр., I 196, II 17. Про упомянутого Кадыхана у Бр. I, 376 (ум. в 592 г. — 1196 г. хр. эры).

5. № $\frac{\text{С П}}{68}$. — Сочинение «A-šifâ' bi ta'rîf ḥuqûq al-Muṣṭafâ» «Исцеление через изъяснение верных знаний о Мустафе (т. е. пророке Мохаммеде)». Название указано на стр. 5 текста. Автор кадий, факих (законовед) имам Абŷ l'-Фадл 'Иййâд ибн Мŷсâ ибн 'Иййâд аль-Йахсубû (стр. 1 текста). Книга содержит описание, на основании хадисов, жизни и достоинств Мохаммеда, который

здесь именуется аль-Мустафа, т. е. избранник. Она разделяется на 4 части и 12 глав.

Комментарии к основному тексту вначале покрывают почти все поля. Потом они реже и писаны небрежнее. Они касаются содержания текста и почерпнуты преимущественно «из аль-Ќâрй», далее из Muḫ'târ aṣ-ṣaḥâḥ, из Абу-Ханифы и вообще «из книг знающих улемов».

На первой белой странице имеются записи: 1) «Кадий 'Ийад «Благородное исцеление», 2) «Собственник Сеид Ахмед», 3) Запись собственника Хаджи 'Иса ефенди, 4) его же печать.

Переписчик Сеид Ах̮мед ибн Абдуллах Шах-султâнй (указан на последней странице в тексте и на предпоследней в приписке у корешка). Копию закончил в воскресенье 6 реджеба 1178 г. (год повторен цифрами) 30 XII 1764 г. хр. эры.

Почерк на первых страницах довольно тщательный таалик (также и в тщательно расположенных приписках), далее идет касхи. Огласовок очень мало.

После первой белой страницы 8 страниц, линованных красными чернилами в квадрат, страница 9 и 10 рукописи — 1 и 2 страницы текста. Они орнаментированы синей краской и золотом, начало с эффектным орнаментом. Пунктация золотыми точками. Текст всей рукописи писан черными чернилами с выделением отдельных слов красными. Большие поля. Текст окантован красными линиями один раз вплотную и другой раз дальше к краям листов. Эта окантовка прерывается у приписок или даже идет ломано вокруг них. Отсюда ясно, что она сделана после приписок и последние принадлежат самому переписчику.

Рукопись 15 × 21 см на слегка проклеенной бумаге в прочном тисненом переплете с накидкой. Всего 388 листов.

Вкладка: листок с двумя арабскими молитвами и турецкими указаниями к ним.

Примечание. Автор сочинения испано-арабский ученый 1183—1149 г. хр. эры — кадий в Кордове, потом в Гренаде. О нем Бр., I, 369, где упомянуто и данное сочинение, однако в заглавии стоит предлог fî вместо bi, как в нашем тексте. Тоже самое см. и у Готвальдта «Опис. ар. рук., прин. библ. Каз. унив. Казань, 1854—1855, стр. 48. У Брок. указан и упомянутый комментатор al-Qârî al-Herewî (умер 1605 г.). «Мухтар сахах» — очевидно комментарий на Коран Мох̮аммеда ибн Бекра ибн Абдальќâдира ар-Pâзû (1320 г.). См. Бр., I, 128, II 201.

6. № $\frac{\text{C I}}{64}$ *в.* — Два листа из книги о мусульманской обрядности. Содержат конец главы о жертвоприношении, главу о добровольных дополнительных обрядах (taṭawwuc), главу о животном, приносимом в жертву 10 числа месяца З̱ў-ль-

Хиджджа. Изложение сплошь состоит из хадисов со ссылками на Айшу, Абу-Бекра, аль-Аббаса и других современников Мохаммеда. Комментарии, вписанные между строк, отчасти касаются этих лиц, главным же образом — самого изложения со ссылками на позднейшие авторитеты (поименно на четырех имамов и др.). Имеются отметки номеров страниц: 56, 57, 62.

Автор и время написания неизвестны. Рукопись представляет своеобразную мозаику, где основной текст написан широко расставленными строчками, а между ними все пространство заполнено комментариями, написанными в двух направлениях вкось очень мелко. Эти же комментарии отчасти заполняют поля. Почерк насхи.

Писано черными чернилами с красными названиями глав и пометками в тексте. Бумага проклеенная с четкими vergeures и pontuseaux, без водяных знаков. Размер 18 на 26 см.

7. № $\frac{3}{7}$ · — Толкования на Коран (тефсир). Начала и конца нет. Рукопись начинается концом толкования 2-й суры 6-го стиха Корана и с перерывами идет до толкования 33 суры 6-го стиха, т. е. приблизительно $^2/_8$ книги. Листы нумерованы, причем часть их утеряна, а именно (1—10 утеряны), 11—12, 13 утер.), 14—17 (18 утер.), 19 (ошибочно отмечен как 18)—50 (51—60 утер.) 61—107 (108, 109 утер.), 110—150 (151—182 утер.), 183—187 (188—219 утер.), 220—249 (250—351 утер.), 352—353 (354—358 утер.), 359—360 (361—? утер.).

Автора толкования и название определить трудно, так как нет начала и конца. Вернее всего, что это обычный тефсир Абдаллаха Бейдави (ум. 1286 г.) «Анвâрат-танзûль». За это говорит: 1) размер сочинения, 2) отсутствие ссылок на источники и общий характер текста (см. Nöldeke, Schwally «Geschichte des Qorans» II, 1919, с. 176) и то, что в приписках на самого Бейдави нет ссылок, что было бы мало вероятно при большом авторитете этого компилятора.

Приписок на полях довольно много, но распределены они не систематически. Все они являются толкованиями к тексту со ссылками на разных авторов, а именно: 1) «Шейх-заде» (чаще всего, особенно вначале); 2) ʿIsamaddîn» — очевидно, автор глоссов к Обейдуллаху аль Маҳбӯбû аль-Боҳâрû, писавший в конце XVI в. Бр. II 214 (прим. на листе 22 и часто в других местах); 3) «Al-Kaššâf» — очевидно, известное толкование на Коран Замахшари (Бр. I 290) — (в рук. на л. 14 и в др. местах); 4) «Abûl'-Lait» — повидимому комментатор Абу Ханифы (Бр., I, 195) — (в рук. лист 30); 5) «Zahratar-rijâḍ» — вероятно «Zahrar-rijâḍ» al-Haidarî — сочинение, касающееся Абӯ-Фадла-ʿИйâда» (см. описание рукописи $\frac{\text{C II}}{68}$, — Бр., I, 98 (в рук. л. 77); 6) «ʿАлû Кâрû толкователь „Аш-Шифâ» Кадия ʿИйâда (в рукописи приписка на листе

№ 79. О том и другом см. в описании рукописи № $\frac{\text{С П}}{68}$,—и многие другие. Иногда ссылки носят трудно определимое происхождение: «книга тефсир“ (л. 36), «многие тефсиры» (л. 37), «из некоторых тефсиров» (л. 221), или «т. т.», «т. т. т.» (л. 38).

Почерк насхи четкий, в толковании не огласован, в тексте Корана с огласовками. Как обычно, комментируемый текст отчеркнут сверху красной чертой. Названия сур писаны сплошь красным. Текст на каждой странице обведен золотой полосой с тонкой черной и красной окантовкой. Бумага проклеенная. Размер 19 на 30 см. Всего 195 листов.

Рукопись сильно подмочена. Листы посклеивались, и текст отпечатался с одних страниц на другие, местами приклеились части бумаги и даже вырвались куски текста. Есть подклейки. Приписки пострадали меньше.

Кроме описанной рукописи под тем же общим номером значились еще:

1) небольшой листок с записью на арабском языке о том, что Мохаммед говорил о посте рамазане со ссылками на мусульманские авторитеты. Эта записка, несомненно, связана с данной рукописью;

2) восемь листов с заметками и вычислениями, касающимися раздела имущества и тождественными с вкладками рукописи № $\frac{\text{С I}}{64}$, куда они и должны быть отнесены;

3—5) три особых рукописи, которые мы описываем отдельно и обозначаем номерами 3/7 *а*, *б*, *в*.

8. № 3/7 *а*. — Часть сочинения на легендарные исламские темы, главным образом о рае и аде, их обитателях и т. д., о сотворении разных вещей (что именно сотворено раньше всего — стр. 9—10). На стр. 18 педагогические рассуждения об отношении ученика к учителю. Изложение все построено на ссылках на современников Мохаммеда. О некоторых из этих лиц тут же даются более подробные сведения, как, напр., о халифе Али (стр. 1), об Айше (стр. 15). Есть ссылки на авторов: сеид Джамаледдин (стр. 18), — вероятно Abû Moḥammad. ʻAbdarraḥîm ʻAlî ǧamâladdîn (Брок. II 90), некий Jbn al-ʻAbbâs Ibn aṣ-ṣâmit и его сочинение «ʻIbâdat (стр. 8—9). Упоминаются Abû Harîra, Ibn Haǧar, ʻUmrân ibn Ḥuṣain и др.

Так как ни начала ни конца нет, то определить заглавие и автора не удалось.

Приписок нет, если не считать трех исправлений на полях (стр. 13, 14, 15).

Почерк довольно неуклюжий насхи без огласовок. Отдельные фразы, особенно имя пророка и благословения на него, писаны красными чернилами. Текст обведен двойной красной линией. Всего девять листов. Из них 3—4, 4—5, 5—6, 7—8 связаны между собой непрерывностью текста и пометкой внизу

начала следующей страницы. Между страницами 1—2, 6—7 есть пропуски, и они не связаны текстом, но порядок их определяется перегибом бумаги. Лист 9-й ставлю в конце предположительно и в таком порядке веду счет 18 страницам рукописи.

Бумага проклеенная, желтоватая. В третьем листе виден водяной знак — латинские буквы Т, М и др. Размер $20^1/_2$ на 31 см. Величина формата заставляет предполагать, что это часть большого тома.

9. № 2/10 (5/11). Рукопись представляет собою 20-ю «часть» Корана, начиная от 27 (57) до 29 (44) вкл. В конце заключительная формула истинности сказанного. Названия сур стерлись совершенно. На переплете снаружи написано «Часть 20». На белой стороне внутренней цветной бумаги переплета и на первой белой странице рукописи есть неуклюжие европейские цифры и русские буквы, писанные карандашом. В тексте разметка условными знаками для чтеца. Иных приписок нет.

Почерк крупный тщательный насхи со всеми огласовками. Первая страница белая, текст начинается со второй и идет до конца. Он черный, с мелкими красными значками — указаниями для чтеца, окантован линиями толстыми золотыми и далее тонкими черными и тонкой красной. Аяты разделены золотыми точками. Места для названий сур даны в виде широких золотых полос. На последней странице окантовка кончается клином.

Размер рукописи 17 × 24.5 см. Всего 14 листов — 28 страниц, из них одна белая. Рукопись писана на вощеной бумаге. У корешка есть водяные знаки — одноглавый орел и фигура, подобная льву на геральдическом щите. Бумажный переплет с накидкой и двумя листками цветной бумаги между переплетом и текстом.

1. Вкладки. Сложенный листок тонкой вощеной бумаги, на обеих половинах которого красивым тонким насхи с большими полями написано: а) справа «Фатиха», б) слева 1—4 аяты, суры «Корова». В целом — как бы листочек из миниатюрного Корана.

2. Листок: на одной стороне — молитва на арабском языке (насхи со всеми огласовками). Над ней по-турецки (рикат) указания к ее чтению (именно — в ночь berat gecesi — 27 рамазана, и в других случаях, повидимому, в связи в сурой 36-й). На другой стороне другая молитва крупным насхи.

Листок этот старой бумаги с водяным знаком одноглавого орла и латинскими буквами G. F. A. (у Лихачева не указан).

Примечание. Рукопись и особенно переплет — новые, вероятно не раньше XIX века. Повидимому, должны были существовать еще таких же 29 частей.

10. № $\frac{C\ V}{16}$. — Лист упражнений по арабской каллиграфии.

Первые шесть строк содержат образцы начертаний букв «кяф», «мим» «ха» в соединении с другими буквами без всякого смыслового значения. Строка седьмая означает: «Окончились буквы с помощью аллаха, царя милосердного». Восьмая и последняя строка содержит часть «абджеда» до буквы ḏ, означающей 700.

На самом верхнем краю имеется приписка «Сеид Амин». За ней на обратной стороне листа маленькая печать (кажется, с обозначением о принадлежности вакфу).

Почерк крупный сулюс со всеми огласовками в тексте и многими значками в самых упражнениях.

Размер: один лист 56.5 × 22.5 см, сложенный поперек 4 раза. Бумага имеет довольно четкие vergeures и pontuseaux. У одного края части водяных знаков и буквы DF и может быть A (у Лихачева не указано).

Примечание. Повидимому, была целая серия таких листов, дающих всю каллиграфическую систему. Возможно, что сверху и снизу были приклеены еще листы и все вместе висело долгой полосой на стене. По крайней мере, приписка «сеид» вверху, повидимому, отрезана, а внизу не дописан конец абджеда (800, 900, 1000).

11. № $\frac{3}{7}$*в.* — Таблица с изречениями, приписываемыми Мохаммеду, о правдивости, о лжи, о доносах, хулении, восхвалении и тому подобных моральных качествах. Материал заимствован, повидимому, из хадисов, хотя ссылок нет (упоминается один раз Абу-Бекр). Текст начинается словами: «сказал посланник аллаха (да благословит его и проч.) — не следует, чтобы правдивый был проклинающим. И сказал: «воистину проклинатели не будет шехидами и ходатаями в день страшного суда». Заканчивается текст так: «перенесено из писания (ḫaṭṭ) шейха, да будет на нем милосердие аллаха. Для упражнения списал это [mašaqahu] мизерный Ибрагим Скутариец» [üsküdari].

Время написания неизвестно.

Почерк насхи со всеми огласовками, лишь последняя фраза написана более скорописно. Отдельные фразы разделены золотыми кружками на подобие аятов Корана. Подпись переписчика окружена орнаментированной рамкой. Вся таблица обведена золотой рамкой и наклеена на картон. Размер 16 на 26 см.

Арабо-турецкая рукопись

12. № $\frac{C\ 11}{67}$. — Сочинение «Viqâjat ar-rivâjat fī masâ'il al-hidâjat — «Сохранение традиций в вопросах правильного пути» на арабском языке с турецким пересказом текста и пояснениями. Заглавие указано на стр. 10. Ни автор ни

толкователь не названы, Рукопись содержит шариатский кодекс, разделенный на 55 «книг». После общего вступления идут: 1) книга о чистоте, 2) о молитве, 3) об отдаче десятины, 4) о посте, 5) о хадже, 6) о браке, 7) о кормлении грудью, 8) о разводе, 9) об освобождении раба, 10) о присяге, 11) о телесных наказаниях, 12) о краже, 13) о джихаде, 14) о подобранном на земле, и т. д., и в конце: 48) об оживлении пустынных участков, 49) о напитках, 50) об охоте, 51) об отдаче под залог, 52) о преступлениях (уголовных), 53) о вирах, 54) о судебных сборах, 55) о завещаниях, о гермафродите, разные вопросы. Основная первоначальная часть рукописи начинается на стр. 6-й с оглавления и дальше идет самый текст вперемежку: арабская фраза основного сочинения (отчеркнуто сверху красными чернилами) и турецкое объяснение.

Позднейшие приписки на арабском языке: 1) на внутренней стороне переплета спереди и на первой странице рукописи записи ее собственников и одна личная печать; 2) на стр. 2—3 более подробная опись глав первых «книг» с указанием №№ листов; 3) листы рукописи, начиная с 4-го, перенумерованы (сначала №№ стоят на передней стороне, лист 223—224 имеет двойной номер, после чего №№ идут на обратной стороне листов), №№ листов внесены в оглавление на стр. 6. 4) На полях и на последних белых листах многочисленные приписки во всех направлениях, касающиеся казуистических вопросов права, связанных с сочинением.

Дата окончания написания рукописи — 1-ша' бана 970 г. (указана в конце словами и цифрами). Хр. эры 26 III 1563 г.

Рукопись состоит из 354 листов проклеенной бумаги. Размер 21.5 на 15.5 сант. Переплет кожаный, тисненый, с накидкой. Почерк насхи — приближающийся к рик'ату.

Вкладки: 1. Листок цветной орнаментированной бумаги. 2. Белый конверт, исписанный заметками на турецком языке (в том числе имя адресата), — рик'ат. 3. Маленький листок с заметками денежного характера, — рик'ат.

Примечание. Основное сочинение, повидимому, принадлежит бухарскому ученому Махмуду Бурханушшариат. Оно сокращено и переделано. Упомянутый в тексте стр. 8 «дорогой сын Убейдуллах» — усыновленный внук автора, известный законовед Садру-ш-шариат, автор «Сокращенного викайата» (см. «Мюхтесерюль-вигкает или сокращенный викает», изд. А. Казимбеком, Казань, 1845, стр. VI—VIII и стр. 1 арабского текста'. Рукопись носит учебный характер.

Турецкие рукописи

13. № $\frac{\text{C V}}{15}$. — «Новый сводный реестр (defter) санджака Хекеш (Ḫkš? с двумя фатхами), санджака Салазкирд (Ṣalâḏkîrd) с санджаком Такман (Tak-

mân?), приходящийся на год девятьсот девяностый и тысячный от гиджры пророка [далее идут благословения]» — надпись на переплете.

Текст распадается на три части соответственно трем санджакам, а именно: ч. I—75 листов, ч. II — 48 листов, ч. III — 49 листов. Каждая часть, в свою очередь, распадается на округа (nâḥija), напр. Гёксу и др. Самый реестр охватывает, повидимому, наиболее выдающееся дворянство, причем каждому лицу отведено довольно большое место с разными дополнительными сведениями о нем, в частности, повидимому, и о его владениях.

При очень многих именах имеются позднейшие приписки сбоку, представляющие по большей части записи о рождении сыновей, причем имеются точные даты, так что данная рукопись также представляет собою как бы метрическую книгу. Даты относятся к 980-м и 990-м годам, не переходя за 1000-й (от 1572 до 1592 г. хр. э.). Встречена, впрочем, одна дата в ч. III—1043 г. (1633—1634 г. хр. эры).

Кроме основного текста в рукописи имеются:

1) вышеприведенная надпись на переплете и наклейка на корешке с числом 80;

2) на первом белом листе запись по-немецки готическим письмом: Staats Fälle (sic) für das Jahr 990 von Alhigra auf Türkisch geschrieben, и сбоку латинскими буквами транскрипция первых трех слов арабского заглавия. Шифры: $\frac{\text{№ 80}}{174}$ и внизу карандашом вверх ногами $\frac{\alpha}{3}$ 69;

3) в начале текста тугра и оглавление;

4) в конце, на предпоследнем белом листе, большая неразборчивая запись.

Время составления основной части реестра, повидимому, 990-й год — (1582 г. хр. эры), причем позднее были внесены приписки, касающиеся предыдущих 10 лет. Далее систематические записи продолжались до 1000-го года (1591—1592 г. хр. э.).

Язык арабизированный турецкий.

Почерк сиякат без всяких диакритических точек и полный условных сокращений. Особенно труден он в последней большой скорописной приписке. В остальных приписках часто встречаются точки и, вообще, они писаны часто рик'атом.

Всего 175 листов — 250 стр., из которых 7 совершенно белых. Размер 18 на 50 см. Переплет кожаный, коричневый, тисненый. Отдельные разделы книги отмечены вшитыми в края листов разноцветными шелками.

Примечание. Рукопись, как и рук. № $\frac{C\ V}{5}$, представляет большой интерес для изучения феодальной эпохи в Турции, особенно провинции. Что касается установления географического района, то этот вопрос требует особого изучения, путем сличения с названиями старых турецких административных делений.

14. № $\frac{CV}{5}$. (5 переправлено из 3). — «Подробный реестр (defter) округа (nâḥija) «Бапурд» (Bâpûrd), «Келкинд»... (Klîknd... — конец стерт), и... (место стерто) Нагмур-дереси (Nġmûr — причем первое N может быть В и Т) в санджаке (liwâ) Румелии (страны Рум), приходящийся на начало месяца Раби-уль-еввель из месяцев тысячного года от гиджры пророка, на него наилучшее благословение — составлен мирмираном» (высший гражданский чин)" — надпись на переплете. Книга содержит, повидимому, опись знати и должностных лиц вышеуказанных округов поименно с дополнительными данными о них.

Часть I (со стр. 2 рукописи) охватывает округ «Бапурд» и делится на части: 1) Город «Бапурд», и потом дальнейшие разделы — кажется села (qarja?) — нумерованы от 2 до 262, где текст обрывается (на стр. 152).

Часть II (со стр. 156 основной рукописи), охватывает округ «Келкинд» и содержит 180 разделов (87 стр.) до конца.

Часть III (со стр. 244) охватывает округ «Кюкас» (?), — всего 1—101 отдел (всего 45 стр.) до конца.

Часть IV (со стр. 292) охватывает округ «Нагмур-дереси» (19 стр.) и содержит 35 отделов до конца книги, где рукопись обрывается. Предпоследние две страницы белые, а последняя содержит, повидимому, дополнения ко всем предыдущим частям.

Кроме основного текста имеются:

1) приведенная вначале надпись на переплете. Там же вверх ногами карандашом шифр — $\frac{\alpha}{8}$ 60. На корешке на наклеенной бумажке: 81;

2) на первой странице книги османская тугра, шифр «$\frac{№ 81}{159}$ Лаб» и надпись по-немецки готическим шрифтом: Register der römischen Grossen in Weströmischen Reiche welche mit den Arabern und Türken in Berührung gekommen sind. Die Schrift (неясно и зачеркнуто) auf Arabisch und... (неясное слово) Koptisch. Внизу опять карандашом вверх ногами время написания: начало месяца Раби-уль-еввель 1000 г. (первое число этого месяца было 17 XII 1591 г. хр. эры).

Почерк рукописи, кроме заголовка, тот же сиякат, что и в № $\frac{CV}{15}$. В редких случаях при заголовках появляются точки, напр., на стр. 17, где название первого округа как-будто можно прочитать, как Йатбурд (я даю чтение по вклеенной рукописи. См. далее).

Язык, повидимому, всюду арабский или крайне арабизированный (в заголовке, впрочем, предлог «в» der — персидский).

Всего 156 листов = 312 стр., из которых 7 белых. Вырваны в конце частей I и IV листы текста и несколько белых листов. Размер 17.5 × 50 см. Переплет кожаный, зеленоватый, с тиснением. На стр. 292 еще сохранилась на краю зеленая шелковая тесемка, отмечавшая прежде и остальные части.

В предыдущую рукопись между частями I и II вклеена другая, представляющая посмертную запись некоего важного лица из г. Бапурд в Румелии по имени Хадж Махмуд ага сын Омара. Речь идет о распределении большого имущества, куда входит, между прочим, кожевенный завод, постоялый двор (хан) и пр. Имеются и печати обозначенных в конце 15 свидетелей, среди них шейхи, муллы и другие знатные лица. Спереди отметка Сеида Хасана ибн Мухаммеда, — кадия города.

Время составления—8 шавваля 1095 года (18 IX 1684 г. хр. эры).

Язык турецкий, конечно, переполненный арабизмами и с арабскими цитатами.

Почерк крупный и четкий насхи (кроме приписок). Красная пунктация и отметки.

Всего 4 листа; на них 6 страниц текста. Размер 14 на 44 см.

15. № $\frac{C\,V}{8}$. (Номер собственно не помечен, но имеется на рукописи, описанной у нас под № $\frac{C\,V}{8}$ *а.*) — Дипломатический документ, касающийся инцидента с русским кораблем. Этот корабль, выйдя «из одного из портов на Черном море», проплыл в Средиземное море и здесь курсировал под турецкой охраной. Тут он подвергся нападению турецких пиратов. Вследствие принятых мер это торговое судно, «его кладь, имущество, матросы и пассажиры» были спасены. Документ ссылается на дружественные договоры между Россией и Турцией. Упоминается тогдашний морской министр Турции (Kapudani-derja) Хадж Мохаммед-паша, а также беклэрбеки Алжира, Туниса, Триполи и другие высокопоставленные лица (без означения имен). Подпись неразборчива.

Дата — месяц ша'бан 1220 г. (25 X—22 XI 1805 г. хр. эры).

Перед текстом большая турецкая тугра. Над нею синим карандашом позднейшая пометка: № 1-й. Сзади листа надпись: «Cog- Giovani. Sarandato» (конец и начало неразборчивы), а также несколько турецких шифрованных пометок.

Почерк дивани. Бумага плотная. Водяные знаки: 1) гербовый щит с тремя шестиконечными звездами, с султанской короной над ним, над которой полумесяц, 2) латинские «VB».

Размер 53 × 78 см.

Примечание. Смотри также рукопись № $\frac{C\,V}{8}$ *а.*

16. № $\frac{C\,V}{8}$ а. — Дипломатический документ. Представляет продолжение переписки о пострадавшем русском корабле (см. № $\frac{C\,V}{8}$). Отправка этого корабля, который был нагружен солью, была задержана в виду придирок турец-

ких чиновников, но по султанскому фирману он отправляется в Черное море. Подпись та же, что и в предыдущем документе.

Дата: месяц джумада-ль-уля 1221 г. гиджры (17 VII—15 VIII 1806 г. хр. э.).

Перед текстом большая турецкая тугра. Над нею синим карандашом позднейшая пометка «№ 3». Сзади листа надпись: «Cog-Giovani Sarandato» (начало и конец неразборчивы). Там же красными чернилами турецкая приписка таможни: «11 джумада-ль-уля 1221 г.» (27 VII 1806 г.) и разные условные пометки.

Почерк дивани, несколько более небрежный, чем в № $\frac{\text{C V}}{8}$. Бумага плотная с водяными знаками: 1) фигура в виде полумесяца, 2) латинские «V B» с орнаментами над ними.

Размер 54—76 см.

Примечание. Данный документ отправлен через 9 месяцев после предыдущего. Судя по нумерации, сводящей их к одной серии, между ними был еще один, носивший № 2.

В общем документы представляют интерес для изучения русско-турецких отношений времен наполеоновских войн, когда после союза Турции и России против Франции (договор 1798, г. возобновленный в 1805 г., дававший русским судам право проходить проливы), назревал новый конфликт с Турцией, приведший к войне 1806 г.

17. № $\frac{\text{C I}}{64}$. Книга о разделе наследства. На стр. 185 о сочинителе сказано: «Написал этот свиток (al-ğarîda) Zağrawî (*sic*) ḥafiẓ Aḥmad ibn al-Ḥağğ 'Alî', милость аллаха да будет на них обоих (т. е. на сыне и отце), в городе Константинополе, в Медресе Фатиха султана Мохаммеда".

Содержание. Первая часть — 15 страниц есть изложение 4 арифметических действий, производимых разными способами. В частности, на первых 9 страницах дана основная цифровая часть, на стр. 10 «абджед», на стр. 11 примеры на размен денег, на стр. 12 объяснения к действиям. Стр. 13—15 — словесные формулы разложения на множители чисел от 1 до 24 по типу «один есть треть половины, половины, половины двадцати четырех» и т. п. Далее 2 белые страницы. На стр. 18 таблица, относящаяся к арифметической части. После еще двух белых страниц идет вторая часть (стр. 21—186), содержащая изложение теории родства в связи с шариатским правом о дележе наследства. Приводится много вычислений и примеров. Довольно часто ссылки на авторитет двух законоведов: Абу Юсуфа (или имама Юсуфа) и имама Махоммеда (стр. 23, 24, 69, 70, 73 и т. д.). Есть ссылки на Абу Ханифу (стр. 81, 103), на Шафи'и (стр. 103), на Ибн Мас'уда, Амра и др. В конце второй части приписка о составителе, месте и времени написания. Дальнейшая часть

(стр. 187—189) в противоположность предыдущей, состоящей преимущественно из вычислений и таблиц, содержит связное изложение предмета. Последние две страницы (190—191) писаны совершенно другим почерком и содержат ответы на отдельные вопросы о том же предмете. В конце несколько вычислений.

На полях есть приписки, касающиеся тех же вопросов. На самой последней белой странице рукописи мелкая приписка — можно разобрать: «Площадной крикун Абдуррахман продавец. Друг (ḫalîl)... Али ефенди». Листы 1-й части со второго листа нумерованы 1—8, второй части нумерованы отдельно, 1—83.

Время написания 1221 г. месяц реджеб (стр. 185) (14 IX — 13 X 1806 г. хр. эры).

Язык турецкий, переполненный арабизмами. Все юридические термины, названия родства: отец, мать, сын и т. д., числовые выражения: треть, четверть — арабские.

Почерк — упрощенный насхи. Последние 2 страницы писаны более жирно и наклонно с разными упрощениями. Писано частью черными, частью красными чернилами. Страницы 1-й части обведены красными, 2-й золотыми рамками. Всего листов 100, страниц 200, из которых 11 белых. В бумаге водяной знак: лев в короне стоит с одной поднятой лапой. Переплет красной кожи с золотым бордюром. Размер $16^{1}/_{2} \times 23$ см.

Вкладки:

1. Лист газеты Meriç — «Марица», 3-го джумада-'л-ахира 1294, № 50 (15 VI 1877 хр. эры), т. е. времен балканской войны, о которой говорится и в самой газете. Буржуазно-патриотическое направление газеты характеризуется подзаголовком: «Османская газета, служащая пользе отечества». Издавалась в Адрианополе. На ее полях написаны пером вычисления о дележе наследства.

2. Тетрадка в 7 листов, исписанная заметками и вычислениями о разделе имущества. На стр. 11 арабская молитва. На последней странице — печати.

3. Тетрадка большого формата в 4 листа с такими же заметками.

4—21. Бумажки разных форматов и цветов (один кусок бандероли) с пометками того же содержания.

22—33. Частные письма и записки (отчасти денежного характера), конверты с печатями, марками и т. п. Года: 1258 (на печати), 1269, 1291, 1292 (года хр. эры от 1842 до 1876). Корреспонденты преимущественно именуются «муаллим» и «ефенди».

34—35. Выписки о трудных арабских выражениях с объяснениями из Омара Аль-Фарука и др.

В эту же рукопись были вложены рукописи $\frac{\text{C I}}{64}$ *а*, *б*, *в*.

18. № $\frac{\text{C I}}{64}$ *a*. Турецкое сочинений под арабским заглавием: Hâḏâ mafhûm farâ'iḍ — «Это содержание (или конспект) науки о разделе наследства». Всего 2 части: Первая после обычного призывания аллаха начинается словами: «Наследство мертвого связано с четырьмя правами: необходимые расходы по одеванию мертвого, уплата долгов, исполнение завещания и раздел между наследниками». Далее идут короткие отделы и главы, трактующие эти темы, — $8^1/_2$ страниц. Вторая часть в полторы страницы касается собственно самого раздела и начинается словами: «Это — рассмотрение искусства раздела». В конце прибавлена еще маленькая цифровая табличка. На самом последнем белом листе рукописи написаны две фразы: «Направление прав наследства» и «Наследство мертвого — четыре права». Возможно, что первая отметка указывает как бы на заглавие сочинения. Страницы не нумерованы, но внизу 2, 4, 6 и 8-й есть первые слова следующих страниц, так что в целости всей тетрадки не может быть сомнения.

Автор не назван. В тексте ссылки на авторитет двух имамов: Мохаммеда и Абу Юсуфа. Язык турецкий, но переполненный арабизмами, так что местами переходит в арабский. Почерк четкий насхи без огласовок. Заглавие и отдельные слова текста писаны красными чернилами. Во второй части отдельные слова отмечены красным сверху. Всего 8 листов — 16 страниц, из которых 5 белых. Бумага слегка проклеенная. Водяные знаки — части латинских заглавных букв. Размер 12.5 × 18.5 см.

Примечание. Рукопись, кажется, есть копия части рукописи $\frac{\text{C I}}{64}$ и во всяком случае тесно с ней связана.

19. № 3/7 *б*. — Сочинение под заглавием: «Это есть маленькое сочинение (risale), трактующее о счастливой женитьбе».

Автор и время написания неизвестны.

После призывания имени аллаха, хвалы ему и благословения на пророка, его род и сподвижников текст начинается так: «Да будет известно, что если кто-либо имеет намерение жениться, то он должен взять во внимание такие условия: прежде всего прочего, чтобы быть одетым, накормленным и живущим на одном месте, нужно сделаться собственником жилища». Книга состоит из всевозможных практических советов, касающихся семейной жизни, почерпнутых из житейской мудрости и суеверных примет (напр., какие бывают дети, зачатые в разные дни недели и т. п. — стр. 9—10). Три-четыре раза автор ссылается на хадисы, давая арабский текст, турецкий перевод и свои рассуждения. Таков, напр., вначале (на стр. 2) текст о том, что женитьба ради имущества и красоты жены не идет в прок, а «кто женится ради ее веры, того аллах наградит и ее имуществом и красотой». Или в конце, где, согласно хадису, Мохам-

мед говорит: «Я осмотрел рай и увидел, что большинство его населения бедняки, — я осмотрел ад и увидел, что большинство его населения женщины». Далее, на вопрос Айши, уже по-турецки, он весьма картинно говорит о плохих качествах женщин, за которые они попадают в ад.

Язык турецкий простой, без схоластической перегрузки арабщиной. Устарелость сказывается в постоянном употреблении глаголов: eilemek, eiletmek, слова hatun и т. п.

Почерк насхи со всеми огласовками. Вместо «п» и «ч» пишется «б» и дж». Гласная слова «dir» и перед нуном сагыром передаются систематически через дамму.

Заглавие, а также выражение ve dahi (и еще, и далее), часто повторяющееся в тексте, писаны красными чернилами. Текст обведен красной рамкой. Всего 6 листов — 12 страниц. Первые два листа порваны и текст пострадал. Бумага старая с четкими vergeures и pontuseaux.

Размер 13.5 на 20 см.

20. № $\frac{\text{C II}}{71}$ *a*. — Турецкая рукопись без имени автора. На первых 15 страницах изложение теории произношения арабских букв при разных огласовках, ассимиляциях и т. д., а на последней странице правила намаза. В общем, это — часть целой книжки, начинающаяся со слов: «Джим, алиф-лям, сад, . .» и кончающаяся словами: «Положивши левую руку на правую, по традиции кладут под середину живота. Что же касается женщин, то их рук. . .»

На стр. 15 четыре раза повторена подпись: Абдурразикалы монла (т. е. мулла) Мустафа. Однако, повидимому, это не составитель, а переписчик. На той же странице отмечены на полях вставки, указывающие на пропуски, характерные для переписки.

Текст разделен на маленькие «главы» (bâб), иногда в 3—4 строчки каждая. Сначала идет изложение какого-либо правила на турецком языке, потом мнемоническая фраза или стих для его запоминания и, наконец, один или несколько примеров по-арабски (иногда отдельные слова или фразы, иногда пословицы).

Язык устарелый, что сказывается в употреблении таких слов как: kaçan — когда (употреблялся, впрочем, диалектически до последнего времени в Европейской Турции), şol — тот, такой, ol — тот, та, напр., в выражении olzaman (стр. 13) — в то время, monla — вместо молла (стр. 15), «hatun» — женщина, госпожа (стр. 16).

В орфографии архаизм сказывается в арабском употреблении огласовок. Звуки «а», «у» передаются через фатху и дамму в тех случаях, где следовало бы писать алиф и вав. В начале чисто турецких слов иногда «и» передается через один алиф без «йе». Всюду вместо «ч» пишется «дж». Слово «хатун» пишется

через арабское «ẖ». В арабских текстах имеются ошибки. Собственное имя Абдурразикалы переписчик сначала написал без алифа после «р».

Время написания 1265 г. гиджры (стр. 15) (1848—1849 г. хр. эры).

Почерк довольно неуклюжий несх со всеми огласовками и в арабском и в турецком тексте. Отдельные слова, особенно заголовки, писаны красными чернилами. Бумага желтоватая с грубыми vergeures и pontuseaux без водяных знаков. Всего 16 стр. Размер: 10.5 на 14.5 см.

21. № $\frac{\text{C I}}{61}$ *б.* — Рукопись, представляющая собой последнюю тетрадь медицинского сочинения. Текст начинается словами: «Третья часть. В ней излагаются злокачественные и заразительные болезни, которые выступают явно на коже. Из них первая — проказа». Далее следует: «ее причины, ее признаки и способы лечения, мнения разных врачей об этом», «франкская» (повидимому, французская) болезнь и другие, которые без специального словаря определить трудно. Четвертая часть, содержащая объяснение лечения болезней, появляющихся прилипшими на теле, как-то: свербление, чесотка, лишай — quba, по-турецки temreki. Пятая часть, — старые и свежие раны. Шестая часть, — «изъяснение лекарств, связанных с украшением себя». Всякая косметика, «употребляемая преимущественно девушками и женщинами». Удаление пятен на лице, средство рощения волос, средство против скорого поседения волос и бороды. Седьмая часть — средство от отравления ядом: от укусов скорпионов, скалапендр, пауков, бешеных собак. «Заключение книги содержит изъяснение некоторых избранных вещей», как то: есть голову зайца, птенцов голубей, нюхать цветы нарцисса, камень изумруд повесить над желудком, и многое другое.

Автор сочинения не указан.

На полях есть приписки: мелкие, повторяющие яснее недостаточно четко написанное в тексте слово и четыре более крупных приписки: 1) заметка о растении «человек ворон» (?), по-турецки hilal otu, и его свойствах, «перевод из Камуса». 2), 3), 4) заметки, дополняющие текст, подписанные : al-Ḥâǧǧ ʿAlî al-ʿArifi. При одной из них дата 1275 г. (1858—1859 г. хр. эры).

Время написания рукописи указано в конце—1270 г. (1853—1854 г. хр. эры).

Почерк упрощенный насхи. Заголовки и названия болезней, а также отдельные слова написаны красными чернилами. Кое-что отчеркнуто красным сверху.

Всего 10 листов — 20 страниц, из которых последние 5 белые. Размер 18 × 25 см.

Примечание. Медицина в этом сочинении еще связана со средневековьем. Автор отмечает некоторые «новые» болезни, между ними сифилис и дру-

гую, принесенную, как он говорит, из России. При этом он замечает, что об этих болезнях в книгах мусульманских медиков нет указаний. Происхождение болезней приписывается состоянию разного рода жидкостей в организме. Интересно, что многие болезни автор называет также и народными турецкими названиями.

Персидская рукопись

22. № $\frac{C\ V}{10}$ Сборник стихов. Автор Хаким Рокна Масихи (назван в начале каждого отдела книги, в конце и несколько раз упоминает себя в тексте). Сборник распадается на 4 части: 1) Касыды (преимущественно восхваляющие шаха) — 25 стр., 2) Газели — 426 стр., 3) moqatta'ât — стихотворные отрывки в два и более бейтов — 6 стр., 4) Четверостишия (пессимистического характера) с заключительной записью — 22 стр. В начале каждой части есть заголовок: «Касыды (газели и т д.) Хакима Рокна Масихи, да сохранит его в добром здравии аллах всевышний».

Приписки: 1) В тексте на листах №№ 226, 225, 162, 105, 68 (по европейской нумерации) на полях приписки почерком оригинала, представляющие вставки и изменения к тексту. Заметки на полях листов №№ 40, 29 и 23 более небрежны и связь и с текстом менее ясно. Приписка на листе 63-м писана мало разборчиво и, повидимому, есть двустишие, несвязанное с текстом;

2) на вклейных листах у переплета в начале и конце рукописи отметка $\frac{1904}{99+}$ (+ повидимому, дата поступления в библиотеку);

3) все листки рукописи перенумерованы карандашом слева направо европейскими цифрами;

4) последняя страница рукописи заклеена новым листком. При просвечивании на ней видна грубо нарисованная розетка, расплывчатое пятно и неясные значки. На приклейном листе есть как-будто водяной знак 17 (европейскими цифрами).

Время и обстоятельства написания рукописи видны из следующей приписки в конце: «В дату хиджры 5-го (дня) месяца шеввала тысяча сорок седьмого в доме (dâr) правоверных Гольшан (sic), — да защитит его аллах от превратностей судьбы, — почерком шекесте писание отрок Хакима Рокна Шогун (Šokun-имя писавшего?) окончил. (Далее по-арабски) Боже наш, смилуйся над произносящим (составителем) его (сочинения) и пишущим его по милосердию своему, о милосерднейший из милосердных. Конец».

Указанная дата соответствует 20 II 1638 г. хр. эры. Она подтверждается первыми касыдами книги, восхваляющими царствовавшего в то время шаха Сефи (1628—1641). (Упоминается на страницах 1, 4, 12 и др. местах).

Почерк тщательный шекесте. Буква «син» пишется с тремя точками под нею. «Г» взрывное от кяфа не отличается.

Первые две страницы (разворот) каждого из 4 отделов рукописи представляют золотое поле с узором в виде белых облаков, на которых написан текст. Перед началом художественная заставка синего, розового и других колеров с орнаментом из цветов и т. п. Заглавия белыми буквами на золотом фоне. Синяя орнаментированная полоса сверху вниз разделяет полустишия. Обрамление золотое с синей концовкой. Особенно разукрашены начала 3-го и 4-го отделов, где каждому маленькому стихотворению предшествует орнаментированная золотая полоса с белой надписью по-арабски: «Того же (автора)» и «его же» в подражание арабским классическим сборникам. На прочих страницах весь текст, колонки полустиший и особо выделенные последние строки стихотворений окантованы золотыми линиями, а наружный край обведен еще синим.

Размер рукописи 15 на 27 см. Всего 243 листа — 486 стр., из них 7 белых. Бумага 1-й половины книги розовая, дальше белая. Водяных знаков нет. Первые листы рукописи были обрезаны до самого текста и к ним приклеены новые поля из белой бумаги. В ней водяные знаки: листья, голова и ноги коня с копьем всадника (лист № 238) и европейская цифра 1 (л. 239).

Переплет сверху обтянут черной кожей с особой наклейкой на корешке, а внутри с красной кожей. На наклейке корешка тисненые золотые украшения из факелов, стрел и венков, по мнению проф. В. Веретенникова относящиеся ко 2-й половине XVIII в (60—70-е гг.). Работа «провинциальная», вероятно русская. На крышках тисненые украшения с журавлями, повидимому, персидские. Внутри крышек на красной коже тиснение сине-золотого орнамента.

Примечание. Автор этого сборника Ḥakîm Rukn ud-Dīn Mas'ūd из Kāšān'а с прозвищем Masīḥ az-Zamān. Он начал свою карьеру поэта в Персии при Аббасе I, потом переехал в Индию, был в почете у Джехангира и любимым поэтом шаха Джехана. Он умер в Kāšān'е в 1066 г. хиджры. Ему принадлежит несколько диванов (см. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum by Charles Rieu, v. II, 1881, pp. 603, 688).

Данная рукопись относится к тому времени, когда этот поэт, после смерти своего покровителя Аббаса I, как кажется, удалился в свое родовое имение Кашан (Гольшан?) и оттуда старался снискать расположение нового шаха Сефи. Кажется, рукопись — оригинал, сделанный по приказу автора его каллиграфом. Вероятно, она была вывезена из Персии в XVIII в. каким-нибудь русским вельможей, подклеена и переплетена заново для его библиотеки. Крышки остались персидские, наклейка на корешке сделана в России).

Харьков
Март 1934 г.

РЕЦЕНЗИИ

Новый орган по мусульманскому искусству „Ars Islamica“.

Изучение востока и восточных искусств в Северной Америке до XX в. не шло так интенсивно, как в Европе. С начала XX в. интересы в этих направлениях в Америке заметно усилились. Настойчиво и энергично идет археологическая работа на Ближнем Востоке, растут обширные музеи с ценными коллекциями. В частности мусульманское искусство в американской среде нашло себе не только ценителей. Ряд искусствоведов, работающих в Америке, посвятил себя специально его изучению, дав ценные научные труды; из них особенно известны A. K. Coomaraswamy, Boston — исследователь мусульманских миниатюр и индийской живописи, M. S. Dimand, New York, работающий преимущественно в области прикладных искусств, Arthur U. Pope, New York, — знаток ковров, а также археологии и искусства Персии, хорошо знакомый с нашими собраниями.

Центрами востоковедческой работы в Америке служат, прежде всего, музеи (в Бостоне, Нью-Иорке, Кливленде и др.), затем университеты, как, напр., Нью-Иоркский, Чикагский, Мичиганский, и специальные исследовательские институты, как American Institute of Persian Art and Archeology (New York), Detroit Institute of Arts, Research Seminary in Islamic Art (University of Michigan, Ann Arbor, Division of Fine Arts). О солидности постановки дела можно судить по одному новому научному предприятию. По инициативе семинария по мусульманскому искусству при отделении изящных искусств Мичиганского университета и Института искусств в Детройте было разослано в сентябре 1933 г. извещение об основании этими учреждениями нового органа «Ars Islamica», выпуски которого должны выходить по полугодиям, в январе и июне, начиная с 1 января 1934 г., под редакцией M. Aga-Oglu. В каждом выпуске предположено дать около 85 страниц текста и 20 страниц иллюстраций in 4°.

До сих пор статьи по вопросам мусульманской археологии и искусства печатались преимущественно в различных периодиках — востоковедных, исламоведческих или искусствоведческих, нередко и в органах, стоящих от мусульманского искусства достаточно далеко, а потому следить за ними было трудно. Создание специального органа для изучения мусульманского искусства представляет поэтому большой шаг вперед.

Программа «Ars Islamica», как видно из печатного проспекта издания, очень широка. Журнал желает помочь опубликованию отдельных исследований, неизвестных памятников архитектуры и декоративного искусства; кроме того, он уделяет место вопросам влияний и связи мусульманского искусства с остальными странами Востока и Европой, исламоведным темам, затрагивающим мусульманское искусство, обзорам текущей литературы, информации об экспедициях, раскопках и работах научных учреждений всех стран.

Издание должно носить международный, академический характер, со статьями на трех языках: английском, французском и немецком. Эта идея, можно сказать, уже осуществлена в значительной мере: в списке предполагаемых постоянных сотрудников значатся 45 ученых из 12 различных стран Европы, Азии, Америки и Африки, в том числе и из СССР. В первом выпуске, как показывает напечатанное в проспекте оглавление, принял участие ряд виднейших знатоков мусульманского искусства. Можно заранее предугадать, что объединение сил и разносторонность программы помогут «Ars Islamica» стать крупным фактором в изучении мусульманского искусства.

В. А. Крачковская.

Итальянская книга о Йемене. C. Ansaldi. Il Jemen nella storia e nella leggenda. (Collezione di operi del Ministerio delle Colonie, № 17.) Sindicato italiano «Arti Grafiche», editore in Roma. Roma, 1933, 8⁰, стр. 266, 97 рисунков.

Несмотря на близкую связь с Йеменом, Италия не богата общими работами о нем. Если специальные исследования Conti Rossini и Ign. Guidi (ум. 18 апр. 1935) по южно-арабскому языку и древностям являются классическими в своей области, то популярную литературу, посвященную этой стране на итальянском языке, можно скорее назвать бедной. Не заполняет этого пробела и реферируемая книга, так как автор поставил себе задачу слишком широко, перегрузил книгу литературным материалом, в значительной мере известным из других источников, и мало использовал, в противоположность этому, свои непосредственные наблюдения, которые могли бы представить несомненный интерес. Ряда положительных сторон книга, конечно, не лишена.

Автор — итальянский врач, который провел в Ṣан'а три года (1929—1931); к пребыванию здесь он был в значительной мере подготовлен работой в Триполитании, которая помимо общего знакомства с одной из арабских стран дала ему представление о языке. О степени владения языком судить трудно, так как лингвистические материалы приводятся только passim (см., напр., 20, прим. 2, 177; некоторые данные, сообщенные им, будут несомненно полезны (такова, напр., терминология различных сортов кофе, стр. 195, или перечисление названий ṣан'анских мечетей, стр. 246, прим. 1).

Основная часть книги (главы III—XXI) посвящена арабским легендам, связанным с Йеменом, и его истории до новейшего времени в традиционном освещении. С европейской литературой автор знаком плохо (об этом говорит поверхностная глава с обзором путешествий), но арабскими источниками он пользуется (стр. 259—260). Положительной стороной этих глав является привлечение рукописных материалов, обыкновенно из йеменских собраний или принадлежащих автору. Среди них надо выделить произведения автора XIX в. ал-Кибсӣ (стр. 65, 132), который до сих пор известен в Европе в крайне ограниченной степени (ср. C. Brockelmann, G. A. L. II 502, № 4). Бо́льшее значение имеют части, основанные на непосредственных наблюдениях автора, хотя им вредит некоторая поверхность и отсутствие систематичности. Без особого порядка и последовательности он говорит о Йемене и его жителях, административном строе, евреях, продуктах, кофе, ḳāте, обычаях, ремеслах, суевериях, дает описание Ṣан'а и упомянутый уже обзор путешественников. Можно пожалеть, что именно этим частям автор не посвятил специального внимания, расширив и си-

стематизировав свои наблюдения, для которых ему давало возможность трехлетнее пребывание в стране. Тогда могла бы получиться серьезная книга о современном Йемене, которая до сих пор отсутствует в современной литературе (если не считать, конечно, соответствующих глав в трудах путешественников). Разумеется, и в настоящем виде почти в каждой главе найдутся отдельные замечания и наблюдения, которые представляют интерес и обогащают наши сведения о различных сторонах йеменской жизни новыми данными. В частности, можно отметить медицинские наблюдения над действием ḳāта, жевание которого в Йемене давно приняло характер социального бедствия.

Не будучи специалистом, автор тем не менее интересовался и древностями южной Аравии. Благодаря ему мы узнаем о вторичной экспедиции и раскопках C. Rathjens'а в 1931 г. (стр 41), о которых до сих пор не было еще более подробных сведений; узнаем и о том, что Имāмом основан местный музей (стр. 42), с экспонатов которого он дает ряд превосходно исполненных снимков. Автор и сам собрал значительную археологическую коллекцию, состоящую как из предметов, так и надписей, которые в настоящее время пожертвованы им в Muzeo Nazionale Romano. Почти все эти предметы и надписи тоже воспроизведены по фотографиям и дают возможность всем интересующимся южноарабскими древностями ознакомиться с ними; есть все основания предполагать, что в коллекции автора окажется не мало еще неизвестного эпиграфического материала.

Иллюстрационная часть, вообще, представляет сильную сторону книги: число иллюстраций очень значительно и выполнено превосходно. Кроме предметов древности воспроизведен ряд видов и бытовых сцен, значительно украшающих книгу. Все же надо сказать, что по содержанию это произведение не является той «книгой о Йемене», которой по прежнему ждет читатель, особенно в настоящее время, когда эта страна опять привлекает взоры всех интересующихся Ближним Востоком. Было бы очень хорошо, если бы об этой потребности вспомнили и наши соотечественники, которые имели возможность провести в Йемене более или менее значительный срок.

Л. 14 мая 1934 г.

И. Крачковский.

Арабский курс офтальмологии. كتاب المرشد فى الكحل (al-Morchid fi'l-kohhl) ou le-Guide d'oculistique. Ouvrage inédit d'oculiste arabe-espagnol لمحمد بن قسّوم بن اسلم الغافقى Mohammad ibn Qassoûm ibn Aslam al-Ghâfiqî (XII-e siecle). Traduction des parties ophtalmologiques d'après le manuscrit conservè à la bibliothèque de l'Escurial par Max Meyerhof. Laboratoires du Nord de l'Espagne (Directeur: I. Cusi, Pharmacien). Masnou, Barcelone — Espagne, 1933, 4⁰, стр. 225 + табл.

Одной из наиболее характерных черт изучения арабских источников за последние десятилетия является углубленное внимание к памятникам по истории науки. Если и до этого времени изредка появлялись отдельные обзоры в области той или иной специальности, если существовали некоторые (не всегда удовлетворительные) переводы на какой-либо европейский язык, если иногда издавались подлинные тексты, то только в XX в. это изучение приняло планомерный и методически правильный характер. Теперь мы располагаем монументальным сводом G. Sarton'a, Introduction in the History of Science, который дает возможность

ориентироваться в отдельных дисциплинах, не теряя их общей связи. В двух томах он доведен уже до XIV в., т. е. захватывает основной творческий период арабской культуры. Но, кроме этого, теперь почти в каждой области появились специалисты, объединяющие филологическую подготовку арабиста с полным владением соответствующей дисциплиной. Благодаря их трудам, опубликовано немало безупречных изданий, переводов и авторитетных монографий почти во всех областях точных естественных дисциплин за арабский период. Теперь уже не таким отдаленным представляется то время, когда можно будет думать о серьезной истории отдельных наук у арабов.

Среди специалистов в этих областях одно из первых мест по праву занимает доктор Max Meyerhof, окулист в Каире. Ему принадлежит громадная серия работ по различным отраслям точных и естественных наук у арабов, начиная от детальных и кропотливых монографий, изданий и переводов и кончая широкими обобщающими исследованиями, без кото- теперь не может обойтись ни один серьезный историк арабской культуры. (Для примера ограничусь только упоминанием его образцовой работы Von Alexandrien nach Bagdad, Berlin, 1930.)

Являясь крупным специалистом в различных областях, др. M. Meyerhof в настоящее время, несомненно, первый специалист по истории медицины у арабов и, в частности, офтальмологии. Им одним в этой области сделано больше, чем предшествующими поколениями ученых, и пути, намеченные J. Hirschberg'ом, теперь значительно углублены, обоснованы, а во многом проложены совершенно заново. Большим преимуществом M. Meyerhof'а, сравнительно с его главным предшественником, является полное, самостоятельное владение арабским материалом и широкий интерес ко всем сторонам арабской культуры. Благодаря этому его работы, даже специальные, всегда представляют интерес не только для историка медицины или офтальмологии, но и для арабиста-филолога или историка арабской культуры.

Таково же значение и новой, выпущенной в декабре 1933 г. книги M. Meyerhof'а, которая переносит нас в сферу испанско-арабской офтальмолологии. Как и другие области арабской культуры в Испании, медицина, и в частности офтальмология, стояла в зависимости от успехов этих наук на востоке халифата — в Месопотамии, Персии и Египте. Расцвет ее здесь падает на X—XI вв.; первый трактат по офтальмологии, который принадлежит Испании, упоминается около 1074 г. н. э. и связан с именем Ибн Ва̄фида, который в средневековой Европе по латинским переводам известен как Abenguefit. Его трактат до нас не дошел; два других, анонимных, не представляют особого интереса; третий, которому посвящена настоящая работа, принадлежит Мух̮аммеду ал-Га̄фик̣ӣ, автору, вероятно, XII в., о котором не сохранилось никаких биографических сведений, кроме скудных упоминаний в его собственном произведении, связывающих его с Кордовой.

Его громадный свод (292 листа = 583 страницы) сохранился в единственном до сих пор известном экземпляре в Эскуриале. Несмотря на свое специальное заглавие, он посвящен не только офтальмологии: автор хотел дать пособие со всеми общими и специальными сведениями, необходимыми для окулиста. В связи с этим из 6 частей, на которые разделено произведение, только последняя посвящена специальным вопросам. В общем, она, по словам

M. Meyerhof'а, представляет сумму офтальмологических сведений у мусульман, пользовавшихся арабским языком, с X по XII в. и дает возможность судить об их точке зрения как в отношении теории, так и практики. В связи с этим, переводчик ограничил свою задачу переводом лишь тех частей, которые представляют интерес и значение в указанном смысле. Полностью им переведено предисловие автора, первые две главы первого трактата (стр. 13—20), а затем из шестого специального трактата, посвященного глазным болезням, отделы 1—73 (стр. 21—156). Отделы 74—95, которые представляют извлечение из труда ʿАлӣ ибн ʿӢсы, багдадского окулиста (около 1000 г.), уже переведенного на немецкий язык, сообщены им только в заголовках (стр. 157—158).

Перевод систематически снабжен примечаниями, обосновывающими принятый перевод, особенно в отношении терминологии, и привлекающими параллели из других авторов как арабских, так и греческих. Большой интерес представляет воспроизведение всех изображенных в рукописи инструментов окулиста (в 14 рисунках, перечень которых дан на стр. 221); они являются интересной параллелью к тем изображениям, которые воспроизвел на основании одного трактата XIII в. J. Hirschberg (Die arabischen Lehrbücher der Augenheilkunde, Berlin, 1905, стр. 81). Кроме небольшого введения (стр. 5—9), основные данные из которого мною сообщены выше, автор сопроводил свою работу специальным исследованием о глазных лекарствах на востоке в древности и в средние века (стр. 159—165). Начиная с эпох древнего Египта, им разобран ряд рецептов и лекарств как на основании письменных данных, так и археологических материалов. Изучение арабских источников и здесь приводит его к выводу, что «в течение всех средних веков европейские медики не создали ни одного трактата по офтальмологии, равного арабским. Только в начале XVIII в. мы замечаем прогресс, начинающий опережать арабские произведения» (стр. 165). В книге (стр. 8—9) дано роскошное факсимиле с двух страниц рукописи, воспроизведенных в натуральную величину, с сохранением цвета и общего вида оригинала. Хотя переводчик говорит, что рукопись написана «en caractères ... parfaitement lisibles» (стр. 7), но это факсимиле ясно говорит, какой труд ему пришлось потратить при установлении текста: рукопись в нижних частях страниц сильно повреждена пожаром, а переписчик, кроме того, не всегда понимал специальный текст, который он переписывал.

Работа M. Meyerhof'а и на этот раз дает значительно больше, чем обещает ее скромное заглавие. Особенное значение она приобретает не только для медика, но и для арабиста вообще благодаря многочисленным и тщательно составленным индексам и глоссариям, которые важны не только для данного произведения, но и для самых разнообразных, связанных с сопредельными областями вопросов. Первый глоссарий (стр. 167—175) посвящен техническим медицинским терминам, которые он дает в арабской транскрипции, в латинской передаче, указывающей произношением, и во французском переводе. Если обратить внимание, что число этих терминов доходит в глоссарии до 240, то понятно, что переводчиком дан, в сущности, специальный словарик, полезный при работе над всякими сопредельными сюжетами. То же надо сказать и о втором глоссарии (стр. 175—193), который дает названия лекарств, кушаний, мер и весов; он

включает около 450 терминов. При таком объеме обоих глоссариев ясно, что работа приобретает немаловажное лексикологическое значение. С такой же тщательностью составлен и алфавитный предметный индекс (стр. 195—220), в которой тоже включены арабские термины.

Говоря о достоинствах новой работы M. Meyerhof'а, нельзя пройти молчанием и внешний ее вид. Издание было задумано, как подношение XIV Международному конгрессу по офтальмологии и осуществлено Laboratories du Nord de l'Espagne директором их J. Cusi. Оно выполнено со всей роскошью полиграфического искусства, на великолепной хорошей бумаге, хорошими шрифтами, в обложке из натурального пергамента со стильным тиснением арабского заглавия золотом. Издателям делает большую честь и организация такой серьезной научной работы и осуществление ее в такой достойной и в то же время изящной форме.

Л. 27 мая 1934 г.

И. Крачковский.

Mittwoch E. Die angeblichen abessinischen Philosophen des 17. Jahrhunderts. (Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, Band XXXVI, Berlin, 1933, Westasiatische Studien, 1—18).

Эта маленькая статья известного абиссиноведа, бывшего директора берлинского Семинара восточных языков, недавно вынужденного оставить свой пост, представляет очень большой и совершенно специфический интерес для нашей науки: она, можно сказать, завершает цикл работ, начатых в 1903 г. нашим абиссиноведом Б. А. Тураевым и группирующихся около двух произведений на эфиопском языке. Излагать подробно историю этих работ в данный момент нет необходимости: это было сделано мною десять лет тому назад в статье «Зара Якоб или Джусто да Урбино» (ИАН, 1924, 195—206). Сущность истории сводится к следующему.

В Парижской Национальной библиотеке, в коллекции эфиопских рукописей d'Abbadie, сохранилось две рукописи, содержащие своеобразные «исповеди», приписываемые двум абиссинским мыслителям XVII в. — Зара Якобу и его ученику Вальда Хейвату. Впервые с ними познакомил читателей Б. А. Тураев в популярной статье 1903 г. и издании текста с переводом в 1904 г. Другое издание текста с латинским переводом было дано в том же году известным семитологом E. Littmann'ом. Произведения вызвали большой интерес не только в специальных, но и более широких кругах; появился ряд популярных статей, и «абиссинские философы» получили почетное место во всех выходивших с тех пор историях эфиопской литературы. Необычность произведений для среды, которой они приписывались, отмечалась многими, но наличие рукописей, хотя и поздних, оставалось неоспоримым фактом, который нельзя было отрицать.

В 1916 г. известным итальянским абиссиноведом Conti Rossini были опубликованы записки одного абиссинского священника половины XIX в., в которых, между прочим, повторялся слух, что произведение было сочинено одним долго жившим в Абиссинии католическим священником Giusto da Urbino и только приписано им абиссинцу. В связи с этим Conti Rossini в 1920 г. подверг вопрос новому рассмотрению и пришел к выводу о справедливости этого слуха. Моя статья 1924 г. была вызвана упомянутыми публикациями Conti Rossini. Не отрицая в ней доказательной силы некоторых соображений, я обращал внимание на то,

что кроме произведения, связанного с именем Зара Якоба, существует произведение, приписываемое его ученику Вальда Хейвату, которое по своему характеру, согласно отзыву эфиопистов, сильно отличается от первого. Мне казалось, что, пока не доказана принадлежность последнего произведения Giusto da Urbino, до тех пор существование Зара Якоба не может быть отвергнуто. Решающим обстоятельством я считал бы выводы на основании языковых и стилистических данных при помощи сравнения произведений, несомненно, написанных Giusto da Urbino, с двумя заподазриваемыми памятниками.

Этим путем и пошел E. Mittwoch, постепенно расчистивший путь для окончательного вывода. Несколько лет тому назад им был опубликован амхарский перевод одного французского произведения, выполненный Giusto da Urbino. В данной статье, разобрав предварительно все другие доводы, приведенные Conti Rossini и мною, он специально сосредоточивается на сравнительном языковом и стилистическом анализе этих трех произведений. Вывод, основанный на детальных сопоставлениях, не может быть подвергнут сомнению, все три произведения имеют ряд определенных индивидуальных черт и могут принадлежать только данному лицу.

Таким образом, «абиссинские философы» должны быть окончательно изъяты из истории эфиопской литературы и энциклопедий, а история литературных мистификаций может обогатиться новой, крайне интересной главой. Нельзя не удивляться лингвистическому и литературному таланту итальянца, произведение которого у крупнейших знатоков эфиопского языка и литературы среди европейцев и самих абиссинцев не возбуждало сомнений в его происхождении. Не надо добавлять, что статья E. Mittwoch'а интересна не только по связи с русскими работами, но очень важна с точки зрения методологии анализа литературных подделок.

24 V 1934 г.

И. Крачковский.

Pauty, Edmond. Les Palais et les maisons d'époque musulmane au Caire. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire, tome LXII. Le Caire 1933.) 4⁰ maj., XII + 92 стр. + 2 цветн. таблицы перед текстом + табл. A—N и 43 рис. в тексте + XLVIII табл. позади текста.

Каир, административный центр современного Египта, справедливо считается одним из живописнейших городов мира. На фоне глубокой синевы южного неба отчетливо обрисовываются характерные, нарядные купола и минареты мечетей. В нем не мало узких старинных улиц, между высоких домов с выпускными этажами, изящными порталами, ажурными фонариками — машрабӣе, то залитыми ярким солнцем, то погруженными в сильную тень. Комитет охраны арабских памятников очень заботится о поддержании старинных жилых зданий, еще более подверженных перестройкам и переделкам, чем культовые сооружения, и часто менее прочных по материалу. Архитектору-эксперту этого Комитета, Edmond Pauty, перу которого принадлежит ряд ценных работ по истории мусульманской архитектуры Сев. Африки (Марокко, Фец, Алжир и др.), пришла прекрасная идея в настоящем издании сопоставить исторические данные и письменные известия с остатками памятников.

К сожалению, от первого поселения Фусṭāṭа ничего кроме мечети ʽАмра не сохранилось. Расцвет гражданской архитектуры начался при ṭӯлӯни-

дах. Здесь неоценимые услуги оказали раскопки Фусṭāṭа ʿAly Bey Bahgat и Alb. Gabriel 1920 г. и Арабского музея 1932 г. (стр. 30—31). Ими установлены планы ṭӯлӯнидских домов, которые автор ставит в зависимость от ʿаббасидского стиля Самарры (введение, стр. 3, гл. II, стр. 29). Изучая эволюцию восточного жилища (гл. I), он приходит к выводу (гл. II), что ṭӯлӯнидский дворец был месопотамского происхождения и отражал старые иранские традиции «на фоне сасанидских влияний, пережитков византийских и сиро-коптских» (стр. 28). Типичный для Самарры и Фусṭāṭа план дома и зал в виде буквы Т автор отмечает и позже, в остатках фāṭимидского дворца на месте маристана Ḳалаӯна (стр. 31, 1; рис. 29). Правильность взглядов автора блестяще подтверждается теперь благодаря работам второй экспедиции в Ктезифоне в 1931—1932 г., где найдены помещения того же плана в сассанидских виллах (см. рецензию В. А. Крачковской в «Библиографии Востока» №№ 2—4, стр. 118—120).

Внутренняя декорация жилищ ṭӯлӯнидского периода, как было установлено раскопками, сохранила штукатурную отделку самаррского стиля (стр. 30—31). Представление о дворцах Фāṭимидов по прежнему базируется в основном на письменных источниках, восточных и западных (стр. 34 сл. Вильгельм Тирский); однако M. Herz проследил в раскопках маристана Ḳалаӯна части западного дворца (стр. 32—33; рис. 29), с центральным двором, Т-образным залом, боковыми ивāнами и проточной водой.

К периоду перехода от фāṭимидов к аййӯбидам автор относит (стр. 33 сл.) замену центрального открытого двора залом, вокруг которого продолжают группироваться те же основные элементы жилища. При аййӯбидах и первых мамлюках (гл. III, стр. 37 сл.) дворцы и постройки официального характера приняли внушительный вид, пропорции их грандиозны, и чувствуется культурный обмен с крестоносцами, начиная с Саладина (стр. 42). Некоторые удивительные сооружения этой эпохи еще видели французы - участники экспедиции Наполеона. Их энтузиазм и усидчивость сохранили нам ценнейшие планы и детали теперь снесенных построек (Jomard, Marcel; Диван Иосифа). Беспокойное время сказалось на внешности дворцов должностных лиц, подступ к которым сильно укреплялся (Pl. B a — машикули над воротами дома султана Аз-Зāхир Бейбарса).

С этим периодом мы, в сущности, подходим к тем памятникам, которые преимущественно создают облик современного Каира, если оставить в стороне его европеизованные кварталы. Вырабатывается тип высокого, многоэтажного дома VII—VIII вв. хиджры (XIII—XIV в. н. э.). Он сообщается с улицей воротами. Внутри традиционный центральный парадный зал; приемная терраса маḳʼад открыта на внутренний двор. Богатство и красота отделки покоев, мозаика полов, фонтанов и дворовой облицовки, резное и точеное дерево, инкрустация, штук, изразцы и роспись комбинируются смело и гармонично.

Турецкий период (XVI—XVIII вв. н. э., гл. IV) стабилизует архитектурные формы предшествующего периода, доводя их до предельного развития и перенося центр внимания с приемных покоев на помещения гарема (стр. 49 сл.). Наконец, в XIX в. с завоеванием Мухаммеда ʿАлӣ архитектурный канон подпадает под сильное влияние Турции (стр. 63 сл.). В XX в. вид города быстро меняется, исчезают целые кварталы,

возникают новые, но о каком-либо едином архитектурном плане жилища говорить не приходится (стр. 66).

В своей работе автор комбинирует солидную библиографическую документацию (Description de l'Égypte, работы Prisse d'Avennes и P. Coste, гл. V) с оригинальными материалами. За введением и интересным содержанием пяти основных глав следует номенклатура 63 дворцов и старинных домов Каира, сгруппированная по кварталам (стр. 75—92), с очень ценными дополнительными замечаниями и великолепными таблицами позади текста (таблицы I—XLVIII). Это, конечно, исключает возможность расположить их здесь в хронологическом порядке.

Для близкого ознакомления с гражданской архитектурой Каира настоящее издание дает первоклассный материал. Культовые сооружения Каира (мечети, ханаки, мавзолеи, мадрасы) издавались довольно часто, и им уделено изо всей архитектуры мусульманского Каира максимальное внимание; также остатки каирских укреплений (цитадель, стены, ворота) изучались достаточно глубоко; но специального исследования гражданской архитектуры до сих пор не было, и настоящая монография, знакомя с нею широкие круги, а вместе с тем фиксируя то, что с годами неизбежно исчезнет, оказывает незаменимую услугу.

В. А. Крачковская.

Palestine Government. Opening of Haifa Harbour, 31st October 1933. (Jerusalem 1933). 26 p. 2 k.

Город Хайфа расположен у подножья горы Кармел на южном берегу Аккского залива, единственного естественного залива на палестинском побережьи. Хайфа является административным центром Северного округа, Управления пошлин, акциза и торговли, а также палестинских железных дорог, непосредственно связанных с Египтом. Через Хиджазскую железную дорогу Хайфа сообщается с Трансиорданьем и Сирией, а сеть хороших дорог связывает ее с Сирией и со всеми частями Палестины.

Население города за последнее десятилетие возросло с 24 000 до 50 000. Возник ряд промышленных предприятий, включая мукомольные, цементные, мыловаренные заводы, папиросные фабрики. Морской товарооборот значительно увеличился и данные по экспорту показывают постоянный рост. Хайфа является также одним из конечных пунктов строящегося Мосульского нефтепровода. Пока суда снабжаются из специальных бассейнов для хранения нефти общей вместимостью в 9 млн. галлонов.

При всем том до последнего времени у Хайфы был и крупный недостаток — отсутствие гавани. Из-за мелкого дна морские суда, посещавшие Хайфу, должны были бросать якорь на расстоянии не меньше километра от города, откуда пассажиры и груз на легких судёнышках переправлялись на берег. Незащищенность залива с севера и запада приводила к тому, что во время штормов прерывались всякие морские сношения, что было связано с большими материальными убытками. Все эти соображения, как равно и причины военно-стратегического характера, о которых речь будет ниже, привели к решению Палестинского правительства превратить Хайфу в оборудованный по последнему слову техники порт, призванный стать одним из узловых пунктов на Ближнем Востоке. Изыскательные работы, нача-

тые в 1922 г., равно как и последующие — проектирование и строительство — производились под руководством фирмы инженеров-консультантов Рендер, Полмер и Тритгон в Лондоне. Строительство субсидировалось из займа в 1 250 000 ф. ст., полученного Палестиной от Английского правительства в 1926 г. Предварительные работы начались в апреле 1929 г. В Атлите, в 17 километрах на юг от Хайфы, были устроены каменоломни, предназначенные для снабжения строительства каменными глыбами. Всего здесь было сдвинуто до 1 300 000 куб. метров. Несколько месяцев прошло в установке механизмов и машин. Наконец, в октябре того же года было приступлено к основным работам по возведению двух волнорезов-молов и углублению дна. Главный мол — северный, потребовал 760 000 куб. м. глыб, весом от 15 тонн на открытой стороне до 5 кг для внутреннего заполнения мола выше уровня волн. Длина его — 2210 м, в воду он уходит на 12 м вглубь. Для устройства бетонного покроя, парапета и фундамента палов (железных столбов для закрепления канатов) было истрачено 12 000 куб. м бетона; бетонный покрой одновременно служит дорожкой к палам, которых всего имеется 29 с нагрузкой от 150—250 т. Второй мол (восточный) имеет в длину 765 м и содержит в себе 149 000 куб. м каменных глыб разных размеров, весом до 2 т на открытой стороне. На нем 15 палов, сходных по конструкции с таковыми на главном моле. Дно залива на протяжении 90 акров было ублублено до 11.3 м ниже уровня моря, на 65 акрах глубина достигла 9.4 м, а у восточного мола на пространстве 25 акров дно было доведено до 10.6 м. Извлеченный из моря материал был использован для образования новой суши в 90 акров, предназначенной для портовых сооружений, а также для расширения торгового квартала. Основные работы были закончены 1 августа 1933 г. официальное же открытие порта состоялось 31 октября. По этому случаю был издан альбом, который должен дать представление о вновь построенной гавани. Текста всего две страницы с незначительными данными о городе и гавани. Два хорошо исполненных снимка дают общий вид города до и после сооружения гавани. Непосредственно за этим следует план Хайфской гавани в масштабе 1 : 15 000, изданный под руководством Survey of Palestine; тот же Survey исполнил и вторую карту: планирование квартала на отвоеванной у моря территории (масштаб 1 : 5 000). Из остальных снимков особенно интересен двойной пакгауз в 116 м длины и 36 + 36 м ширины, верфь для океанских пароходов, общий вид производства бетонных блоков для верфи.

После переоборудования Хайфа стала самым большим портом в восточной части Средиземного моря, равным Марсельской гавани. Огромное значение новый порт приобретает с военной точки зрения, поскольку часть его специально оборудована в качестве базы британского флота на Средиземном море. Достаточно указать, что здесь может укрыться более сорока военных кораблей. Одновременно строится вблизи порта огромный военный аэродром, что в связи с проектируемой железной дорогой Хайфа — Багдад превратит Хайфу во второй Сингапур, если не Гибралтар.

7 I 1933.

Я. Виленчик.

Johnson, Amandus. Mbundu (kimbundu)-English-Portuguese Dictionary, with Grammar and Syntax. (In ten installments)[1] Philadelphia (1930—1931). The International Printing Company.

Пока вышла только первая часть словаря, рассчитанного на 10 таких выпусков. Словарь этот по замыслу автора должен быть не только словарем (dictionary) в узком смысле слова, но, скорее, своего рода энциклопедией — так, напр., при словах mukixi, kimbanda и т. д. будут приведены не только переводы слов, но и полное изложение религиозных концепций и обрядов, связанных с обязанностями колдуна, танцами и т. д. Словом, он задуман по плану словарей некоторых западноафриканских языков, каковы, напр. Bentley, The dictionary of the Kongo Language или Bittremieux, Mayombsch Idiotikon.

Однако в первом выпуске (от А до Во) нет еще примеров такого подробного толкования слова. Многие, но не все, слова поясняются примерами их употребления и кроме того сопровождаются указанием на синонимы или иные соответствующие данному словоупотреблению обороты речи. Префикс infinitiv'a ku-, префиксы множ. числа ma- и ji- всюду отброшены, как это и должно быть сделано при надлежащей трактовке языка группы банту, но, что замечательно, другие префиксы (ка-, lu- и др.) не отделены от слова и, таким образом, словарь на соответствующие буквы должен будет сильно разрастись. Эта «непоследовательность» в обращении с префиксами объясняется особыми взглядами автора на построение грамматики языка. В этом отношении именно первый выпуск словаря, содержащий во введении — Grammar and Syntax (на 88 стр.), особенно любопытен. Этот краткий очерк грамматики сделан автором на основании его большой «Mbundu Grammar», находящейся еще в рукописи, и, как предупреждает сам автор, все «теоретические дискуссии о происхождении и развитии (грамм. форм) по большей части опущены». Вместо установленной работами Bleek, Meinhof'a и др. исследователей, классификации имен существительных по классам — соответственно префиксам единственного и множественного чисел — Johnson делит их на «изменяемые» и «неизменяемые». Очевидно классификация, предложенная автором, основывается исключительно на нормах яз. мбунду, где большое значение имеют префиксы множественного числа, не заменяющие, как обычно, префиксов единственного числа, напр., muxi — mixi, а наоборот, дополняющие их: напр. lukwaku — malukwaku и т. д. Между тем самый принцип классификации имен существительных (не для учебных целей — где допустимо максимальное упрощение, вроде определения одного класса — множественным числом другого и т. п.) в яз. банту не может быть установлен на основе рассмотрения одного какого-нибудь языка этой группы. Всякие попытки классификации, исходящие исключительно из норм или яз. мбунду, или только яз. зулу и т. п., не могут считаться сколько-нибудь серьезными и могут быть оправданы лишь недостаточным знакомством авторов их с языковедными работами в области изучения банту. Однако невозможно останавливаться подробно ни на изложении, ни на критике взглядов автора, в виду того, что теоретические обоснования его воззрений им еще не опубликованы. Надо сказать, однако, что предлагаемая им система распределения имен существительных

[1] Мбунду — язык западной группы Банту. Основной язык населения португальской колонии Анголы.

на две группы не всегда применима. Так, inzo (дом), которое должно относиться, так же как sabu, xitu и др., к группе имен существительных, образующих мн. число при помощи префикса ji, т. е. по примеру jisabu, jixitu и т. п., должно быть jinzo, имеет на самом деле формой множественного числа manzo. Это видно из примера (на стр. 54), где читаем mal'ama matungu mango monene — (эти люди построили большие дома). Однако, inzo, по Джонсону, не должно иметь во множественном числе префикса ma, так как «к тому классу (т. е. к plur. ma) принадлежат слова начинающиеся в единственном числе на ku, lu-, tu-, u- и w-» (стр. 28). Соответственно с этим и образование прилагательных, зависящих от inzo, не подходит под рубрики, установленные Джонсоном (напр., inzo yonene, ср. также mzugu yonene и др.). Все сказанное относится также к menya вода (напр., menya ma tema), которая сама по себе относится к pluralia tantum и не подходит к классификации Джонсона. Большой интерес представляет собою образование рода в названиях животных. При отсутствии грамматического рода это достигается прибавлением особых слов «самец» или «самка», но существуют различные группы этих обозначений и конструкции при их образовании.

Для определения женского рода всех животных и птиц употребляется mukaji-, так: mbudi ya mukaji — коза, sanji ya mukaji — кура; соответственно с этим мужской род будет обозначен при помощи ndumbe — для животных и dikolombolo — для птиц; так mbudi ya ndumbe — козел, sanji ya dikolombolo — петух. Из всех животных выделены мелкие антилопы, которые обозначаются иным способом. Мужской род антилоп определяется словом mbingolo, женский — dibanda, причем самый вид этих антилоп является определением к этим словам — так mbingolo ya soko — антилопа, соко самец а dibanda dya soko — антилопа соко самка. Интересны также различные оттенки в образовании так наз. родительного падежа — mubika wa muhatu отлич. от mubika a muhatu (раб женщина = рабыня или раб женщины).

Глагольная система изложена так же, как и номинальная, своеобразно, но аргументации, обосновывающей ее, также нет никакой. Для разбора ее также остается ждать выхода в свет полного издания Mbundu Grammar.

Д. Ольдероге.

Gore, The Rev. Canon E. C., of the Church Missionary Society. **A Zande Grammar.** London, The Sheldon Press, S. A.

«Современное состояние построения грамматики языков банту в крайней степени неудовлетворительно. До сих пор почти никто не обращал внимания на то, что грамматика банту требует иной трактовки, отличной от английского, французского, немецкого или латинского образца». «Все исследователи признают классы имен существительных, согласования, производные глагольные формы и другие очевидные отклонения от привычных *им* грамматических систем; но одновременно с тем *они* серьезно трактуют о падежах, степенях сравнения, причастиях, аористах, и о многих других явлениях, которые не существуют в языках банту».

Эти слова одного из крупнейших знатоков языков Южной Африки Cl. M. Doke приложимы не только к изучению банту, но, пожалуй, еще, в большей степени они могут быть отнесены к ис-

следованиям в области суданских и хамитских языков. Достаточно указать, напр., на работу Klingenheben'a о системе глагола в яз. хауса, где последний доказывает несостоятельность существующей и прочно установившейся во всех грамматиках хауса системы глагольных спряжений по временным категориям. Эти категории по мнению Klingenheben,а для Хауса не существуют, и вся система соответственно с этим должна быть построена совершенно иначе — с учетом видовых, а не временных различий.[1]

Если работы подобного типа еще не проделаны в области исследования сравнительно хорошо изученных языков хауса или банту, то еще большие задачи стоят перед исследователем суданских языков.

В этом отношении особенно интересна недавно появившаяся грамматика занде, составленная английским миссионером Gore. Язык занде распространен в северной части бельгийского Конго и в юго-западных областях англо-египетского Судана и, наряду с бангала, — является наиболее значительным языком Центральной Африки. На этом языке говорят не только азанде, но и целый ряд других племен, в значительной части утративших свои племенные языки и принявших занде. До последнего времени не существовало никаких работ, посвященных этому языку за исключением кратких словариков и разговорников узкопрактического значения. Таким образом язык занде оставался вполне неизвестным вплоть до 1921 г., когда Lagae и Vanden Plas издали записи текстов на этом языке и снабдили их кратким грамматическим очерком в качестве введения.[1] Таким образом Gore является в полном смысле слова пионером, и его грамматика вводит этот язык в лингвистический обиход и дает возможность для работ в области сравнительного исследования языков Африки. Язык занде представляет исключительный интерес в этом отношении, так как он находится на самой границе соприкосновения суданских языков с языками группы банту. Уже то немногое, что было известно о словарном запасе языка занде, дало возможность H. Baumann'у[2] сближать занде с западно-суданскими языками группы Gurma-Gurunsi, на основании сравнения слов. В настоящее время положение занде среди других языков может быть уяснено в значительно большей степени.

Наиболее интересным открытием, сделанным Gore, является установление им существования четырех родов имен существительных. Он насчитывает — мужской, женский, животный и нейтральный роды. К первым двум родам относятся имена существительные, обозначающие людей, к последнему — «нейтральному» относятся самые разнообразные имена существительные и нет никакой возможности определить какое-либо общее им всем значение. Наиболее замечателен третий род — Animal Gender — род животных, как называет его Gore. Впрочем, название это было, очевидно, подсказано ему туземцами, так как они все имена существительные, относящиеся к этому роду, определяют сами как «Agbiro» — «насекомые».

К классу животных или, употребляя туземный термин — классу «насекомых», относятся прежде всего животные,

[1] A. Klingenheben. Die Tempora Wéstafrikas und die Semitischen Tempora. Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen. Bd. XIX. Heft 4, стр. 241—268.

[1] Lagae of Vanden Plas. La Lanque des Azande. Bibliothéque Congo. Nr. 6, 1921. Bruxelles.

[2] H. Baumann. Die materielle kultur der Araude u. Mangbetu. Bässler-Archiv, 1927, Bd. XI.

птицы и насекомые — напр., собака, сова, термиты и т. д. Однако этим не исчерпывается содержание класса, к нему относятся также — луна, звезда, гром и радуга. Сам Gore не дает этому никаких объяснений, однако вероятно, что эти небесные светила и явления имеют непосредственную связь с животным миром. Известно, напр., что радуга у многих народов Африки представляется в виде змеи, в том числе и сами азанде, как сообщает об этом Weissenborn,[1] рассказывают, что радуга — это большой змей.

Кроме того, к тому же роду относятся названия некоторых орудий, и, что особенно интересно, группа орудий, предназначенных для охоты — бумеранг, силки, сети, веревки и т. п. Названия музыкальных инструментов относятся также к этому роду — это также необходимо отметить, но, к сожалению, воззрения туземцев, связанные с музыкой, слишком мало известны.

Наконец, к этому же классу относятся также небольшая группа слов различного значения и некоторые заимствованные слова из европейских и турецкого языков.

Интересно, что отнесение заимствованных слов к классу животных обычно для некоторых языков банту, напр., особенно богатый такими заимствованиями суахели причисляет все иноземные слова к классу ń (ny) (классу животных) и т. п.

В существовании различных родов мы имеем ту же самую грамматическую особенность, что и в классах, имен существительных в языках банту. Существует, на первый взгляд, некоторое сходство, позволяющее, напр., первые два рода сближать с классом 1 и 2 имен существительных банту, а Animal Gender сблизить с 9-м классом,[1] тем более что прототипом префикса *ny-* (*ini-*) этого класса, по гипотезе Мейнхофа, является inyama, nyama «животное» — слово обычное в языках группы банту и существующие также в яз. занде, где животное — «nya».

Однако при этом внешнем сходстве существуют глубокие различия. Прежде всего в языке занде грамматический род различается по личным местоимениям 3 лица единственного и множественного чисел (Subj. и Obj.), тогда как в группе банту, так же как и в сходных с ними так наз. «классовых языках» Западного Судана, различие это идет по линии именных префиксов (resp. суффиксов).

Кроме того, языкам банту чуждо различение мужского и женского родов. Таким образом в яз. зулу, в предложении: watesafika wapuma Ulangalasenzantsi, wati: «Woza lapa, mntanami» — «когда она пришла, Улангаласензанци вышел и сказал: «пойди сюда, мое дитя», остается неизвестным: кто пришел — он или она, неизвестно Улунгаласензанци — мужчина или женщина и неизвестно так же, зовет ли он мальчика или девочку. Для определения всего этого нужно знать все обстоятельства, среди которых происходит действие. Так же точно в Суахели — anamwona равно возможно понять: «он видит его» — или «она видит его» и т. д., все 4 возможные комбинации. Между тем азанде, благодаря существованию личных местоимений мужского и женского родов, точно проводит это различие, однако лишь в отношении одних только людей. В этом занде напоминает английский язык с его различением he, she для людей и it для животных без различия пола. В языке занде образование мно-

[1] Tierkult in Afrika (1905), JAE XVII.

[1] Обозначая классы по общепринятой классификации Meinhof'a.

жеств. числа имен существительных при помощи префикса а- сходно с другими суданскими языками. Напр., занде: de (женщина) — мн. ч. ade. Ср. Банда — yase (женщина) — мн. ч. ʿyase. Или в образовании множественного числа от собственных имен Ngindo (один из рода Ngindo), мн. ч. Angindo. Банда — Ende (один из рода Ende), мн. ч. Aende.

Все изложение образования глагольных форм нуждается, повидимому, в дальнейшей работе и разъяснении.

«Глагол — наиболее важная часть речи в языке занде», — начинает Gore изложение системы спряжения. Согласно ему, глагол спрягается соответственно категориям времени, и спряжение его распадается на две группы. Первая группа времен имеет в своей основе форму неопределенного наклонения — *ka* manga (to) do — и имеет три времени — настоящее (Present Continuous), прошедшее несовершенное и будущее.

Внимательное ознакомление с грамматикой и текстами записей позволяет усомниться в правильности этой схемы. Дело в том, что форма прошедшего несовершенного и форма будущего времени совпадают — обе звучат совершенно одинаково — mi a manga, так что нет никакого повода разделять единую форму на две части. Повидимому, мы имеем в данном случае категории вида, а не времени, и таким образом различаются действие, совершающееся в наст. время, сейчас длящееся (= Present Continuous) и действие незаконченное, безотносительно ко времени, которое таким образом может обозначать (в переводе на временные категории европейских языков) одновременно и прошедшее и будущее — подобно семитическому Imperfect'у. Образование первой формы — так наз. Present Continuous — mi na manga (я делаю) хотелось бы объяснить на подобие аналогичной по значению формы в языках банту: Ni na fanya (я делаю). Эта последняя форма образована при помощи *na* союза «с» — таким образом в переводе буквально означает — «я с деланием» = я делаю. Формагив *na* автор никак не разъясняет, однако *na* (или *ni*) имеет значение «с» совершенно так же, как в банту. Таким образом, напр., mo ye na bande na ngbaku, т. е. принеси (ты) молоток и долото, точнее — ты иди *с* молотком, *с* долотом, где глагол приносить передан через — «итти с», явление обычное в суданских языках. Таким образом глагольная форма mi na manga может иметь значение «я с деланием». Что касается — manga в его интерпретации как неопределенного наклонения — в виде (ка) manga = (to) do, следует видеть в этом дань привычным европейским представлениям о необходимости иметь основу спряжения в infinitiv'е.

Частица *ka*, входящая в состав этой формы, имеет очень сложное значение и широко применяется в целом ряде форм с основным значением «возможность» или «достаточность» какого-либо действия. Нет никакого основания, таким образом, выделять Infinitive Mood — *ka* manga, отделяя его от Verbal Noun — manga. Вторая форма действительно является одним из основных элементов целого ряда глагольных форм, а первая лишь результат научного схематизирования. То, что было сказано о «временах» mi na manga и mi a manga, может быть отнесено также ко всей схеме, где совпадение форм необычайно велико. Напр., mi na a gumba — имеет значение Past Imperfect и Distante Future и Present Continuous; Mi a gumba — означает одновременно Future, Distante Future, Frequentative Future, Past Imperfect,

Present Indefinite, Present Frequentative, Past.

Эти примеры наглядно показывают, что схема, составленная Gore по европейскому образцу, не подходит для глагола яз. занде.

Рассмотрение IX главы (the verb «to be») показывает ясно, что обоих глаголов, являющихся основными для европейского мышления — «быть» и «иметь» — в языке занде нет. «Быть» передается при помощи неизменяемых частиц du, nga, ngia; «иметь» при помощи du со следующим за ним de, означающим «рука»; таким образом, «он имеет нож» = «нож у него в руке» — способ выражения обычный для большинства языков Африки вплоть до берберского. Соответственно с этим странно видеть парадигмы спряжения глагола быть по бесчисленным временам и наклонениям.

Параграфы 22—24, посвященные изложению падежей, также убеждают, что в языке занде, впрочем, как и во всех суданских языках и языке банда, падежи отсутствуют. Понятия, соответствующие падежам европейских языков, передаются синтаксически при помощи определенной расстановки слов в предложении (The Nominative stands at the beginning of the sentence (p. 24); The Accusative follows the Verb which governs it, etc.), причем обычный порядок слов следующий: субъект — глагол — объект. Интересны способы обозначения родительного падежа — они различны в зависимости от характера отношений; напр., различается: Gene Gangura — «тропинка Гангуры», т. е. тропа, ведущая к деревне, в которой живет Гангура, и Ga Gangura Gene то же — «тропа Гангуры» — но принадлежащая ему. Этот способ различения двух видов взаимоотношений напоминает, хотя, повидимому, вполне точного соответствия и нет, аналогичные конструкции в яз. мандинго, отмеченные Delafosse.[1] Мандинго может сказать a-ta kursi — «штаны его (принадлежащие такому-то)», но сказать таким же образом «отец такого-то» нельзя — для мандинго это будет нелепостью, ибо отец не может принадлежать сыну. В последнем случае должен быть употреблен иной способ выражения.

Очень интересна система счета азанде — она поражает своей архаичностью. В основе ее лежит пять, так что шесть = 5 + 1, семь = 5 + 2 и т. д. Для десяти и пятнадцати существуют особые числительные. Двадцать не имеет определенного слова для его обозначения, так как в зависимости от того, что считают, употребляются соответствующие личные местоимения: напр., если ведется счет людям — то говорят boro ru rani, т. е. буквально — человек устанавливает нас («stands us») (личное местоимение мужского рода), или boro ru yo — человек устанавливает их. При счете животных употребляется местоимение животного рода — boro ru ra. Если же считают разнообразные предметы — то приходится употребить местоимение нейтрального рода — boro ru e; счет свыше двадцати — имеет следующий вид: 21 — boro ru e zi be sa «человек устанавливает его, возьми от руки один», или — «человек устанавливает его, возьми от человека здесь один», или — «человек устанавливает его, считай дальше с другой стороны один». Таким образом счет ведется дальше, причем всякий раз слова изменяются в зависимости от предметов счета и числа лиц, присутствующих при этом. Счет ведется по пальцам рук и ног, когда сосчитан один чело-

[1] Bull de la Soc. ling. (Paris) XVIII (1913) p. 343.

век, счет продолжается на другом — счетчик считает пальцы и т. д. Таким образом всякое число, большее десяти, определяется целым длинным и сложным предложением — так напр., 33 — boro ru e zi be boro yo bawe bati sende yo biata, и следует иметь в виду, что в разных случаях оно будет иметь иной вид в зависимости от личных местоимений и одного из трех оборотов речи (таких комбинаций может быть minimum 9). С этим счетом связан целый ряд жестов, употребляющихся для чисел, кратных пяти. Хлопание в ладоши — 10, двумя руками по одной ноге — 15, одной рукой по одной, а затем по другой ноге — 20, то же, повторенное еще один раз = 40, повторенное подряд три раза = 60 и т. д. Если азанде хочет сообщить об очень большом числе, он много раз хлопает ладонями по своим ногам, «напоминая петуха, который готовится к полету».

Способ счета азанде сильно отличается от того, что известно о числительных соседних с ними суданских племен, не говоря уже о системе счета у банту, но имеет со всеми ими то общее, что он основан на ручном счете и в том, что в соответствии с этим вся его система основана на пяти. Достойно указания то, что пять обозначается числительным от слова «рука». Если возможно сделать предположение (пока не подкрепляя его более основательными доказательствами), то я бы сказал, что быть может в системе счета Азанде сохраняются следы еще более древней, чем пятиричная системы счета. Хотелось бы видеть в названиях для числительных указания на существовавшую некогда систему счета только до трех, встречающуюся и поныне в бушменских говорах и вскрываемую на основании пережитков в языках банту. Доводом в пользу этого может служить то, что числительные от 3 до 5 имеют сходную форму: так, 1 — sa, 2 — ue, 3 — biata, 4 — biama, 5 — bisue. Быть может bisue действительно заключает в себе ue — 2, представляя собой, таким образом, 3 + 2?

Надо еще указать на то, что глагол в языке занде всегда оканчивается на гласный *a* — явление, характерное и для всех языков банту. Этого обстоятельства не отмечает Gore, вероятно, потому, что он к глаголам причислял частицу du, считая ее спрягаемым глаголом быть. Сходно с языками банту также и образование производных глагольных форм. Особенно любопытно, что каузативная форма образуется при помощи суффикса — *sa*, напр., bata — batasa; nyaka — nyakasa и т. п. Здесь сходны не только способ образования (суффиксация), но и сам суффикс — *sa* одинаков по своей форме с соответствующим ему по значению суффиксом — *sa* в языке банту.

Говоря здесь о соотношениях языка занде с соседними языками, я указывал преимущественно на сближения с языком банту. Именно эта сторона придает грамматике Gore особый интерес для африканского языкознания. Она дает много нового ценного материала для уяснения вопросов об отношении суданских «группирующих» (употребляя термин, защищаемый Meriggi) языков к языкам агглютинативного строя — банту. Не стоит повторять, конечно, — это было уже сказано выше, — что работа Gore впервые знакомит исследователей с интереснейшим языком, языком народа, сыгравшего большую роль в истории Центральной Африки, в этом ее исключительная ценность.

Д. Ольдерогге.

Raschid, Dr. Schevket. Die türkische Landwirtschaft als Grundlage der türkischen Volkswirtschaft. Berlin und Leipzig. 1932 г., стр. 202, с 2 картами.

Рецензируемая работа представляет несомненный интерес благодаря во-первых, установкам автора и, во-вторых, его соображениям по ряду конкретных вопросов, касающихся аграрных отношений и аграрной политики современной Турции.

В предисловии к своей работе dr. Schevket Raschid дает близкую к истине критику существующей иностранной и турецкой литературы о Турции. Он отмечает односторонность большей части европейской литературы, в которой Турция рассматривается как область для колонизации. По его, несомненно, справедливым словам, европейцы, изучавшие Турцию, посещали, главным образом, Стамбул и прибрежные города и по этим городам судили о всей Турции. К тому же, они сталкивались там больше с нетурецким элементом, чем с самими турками.

Что касается турецкой литературы, то она, говорит автор, главным образом, посвящена вопросам истории, права, религии и литературы, и очень мало вопросам экономики, что также верно.

В результате автор приходит к правильному выводу о необходимости критической переработки всей старой литературы о Турции.

Что касается его собственной работы, то в ней автор учел, по его словам, существующую по изучаемому им вопросу литературу, особенно немецкую, которой автор дает более удовлетворительную оценку, чем литературе на других европейских языках. Одновременно автор, выросший по его собственным словам среди крестьян, опирался на свои личные наблюдения. Он заявляет, что вследствие этого он по основным вопросам пришел к самостоятельным выводам. Таким образом автор претендует на оригинальность своих основных выводов.

Однако концепция, с которой выступает автор, как мы это покажем ниже, особой оригинальностью не отличается, хотя в современной турецкой литературе она встречается редко. Чаще всего ее высказывают европейские буржуазные авторы, критикуемые Schevket Raschid'ом за одностороность, отсутствие глубины и колонизаторский подход при изучении Турции.

Прежде чем перейти к рассмотрению основной концепции автора, мы кратко остановимся на данном им вступительном историческом анализе.

Schevket Raschid правильно отмечает, что отсталость Турции в экономическом отношении является следствием определенного характера ее исторического развития. Поэтому для того, чтобы понять современное состояние аграрного вопроса в Турции, автор считает необходимым предпослать исторический обзор.

Мы пройдем мимо указания автора на то, что завоевание Анатолии туркменами диктовалось их стремлением к распространению ислама, недостатком земель и «империалистичеекими устремлениями молодого сельджукского государства».

Не будем мы останавливаться также на его словах о том, что период расцвета Оттоманской империи объясняется характером туркмен, в основе которого лежит «стремление к господству». Основными особенностями туркмен, говорит он, являются храбрость, дисциплина, военная организация, которые еще в ранние времена привели к полному единству. Вот эти особенности характера туркмен, по словам автора, сделали их спо-

собными «завоевывать земли, основать огромное государство и подчинить себе народы».

(Этими же душевными качествами анатолийцев, по его мнению, объясняется и их победа над империалистами в кемалистской революции.)

Наш читатель, вероятно, согласится с нами, что нет смысла заняться подробным рассмотрением мысли автора о том, что нельзя упустить из виду и географичекую среду, так как она сильно повлияла на душу ее жителей.

Мы не считаем необходимым останавливаться на разборе приведенных положений, потому что их элементарная ошибочность для советского читателя достаточно ясна.

Мы отметим лишь самое основное упущение, сделанное автором в этой главе, которое и является вместе с тем его крупной ошибкой, в значительной степени определившей ряд дальнейших его ошибок.

Дав довольно подробное историческое введение, автор забыл указать те главные моменты, которые определили послевоенное положение аграрного вопроса в Турции — это закабаление Турции иностранным капиталом и феодальным режимом, вследствие чего были законсервированы феодальные пережитки в стране, в особенности в сельском хозяйстве. Не рассмотрев эти моменты, автор не определил особенностей характера исторического развития Турции и поэтому он не создал себе предпосылок для понимания содержания аграрного вопроса в Турции до революции и после нее. Поэтому или по какой-либо другой причине, автор построил концепцию, которая привела его в лагерь врагов Турции, борющейся за национальную независимость. Разберем, по необходимости кратко, эту концепцию.

По богатству ископаемых, таящихся в ее недрах, говорит Schevket Raschid — Турция может быть индустриальной страной; по своему географическому положению, длине береговой линии — она может быть торговой страной, но ей не хватает образования и техники, путей сообщения, капитала и кредита.

Поэтому автор считает, что стремления создать свою собственную промышленность не достигнут цели, потому что:

1. Турция не в состоянии предоставить необходимого для индустриализации капитала.

2. Нет предпринимательского духа у турок, который не может появиться сразу.

3. В Турции нет квалифицированной рабочей силы, подготовка которой требует планомерной просветительной работы.

4. Преобладающее сельскохозяйственное население не может вдруг стать промышленным.

5. Созданная на слабой основе промышленность не выдержит конкуренции с развитой европейской и американской промышленностью.

Раз так, раз турецкая промышленность не может быть создана, а та, которая будет создана, обречена на гибель в конкуренции с европейской и американской промышленностью, то не ясно ли, что все попытки построить собственную индустрию являются потерей времени, сил и средств?

Автор к такому выводу и приходит и заявляет: Турция не может терять времени и не может себе позволить делать бесполезные и дорого стоящие опыты (стр. 44).

Из концепции автора вывод этот вытекает, понятно, с неизбежной последовательностью.

В каком же направлении должно развиваться турецкое народное хозяйство, в каком направлении должна его развивать экономическая политика турецкого правительства? На этот вопрос автор, опять-таки с неизбежной логической последовательностью, отвечает: Турция в экономическом отношении может быть только сельскохозяйственной страной. Качество почвы и обилие годной для обработки площади облегчают ей возможность получить массу сельскохозяйственных продуктов. Основываясь на этом, Турция может поставлять сельскохозяйственное сырье промышленным странам и тем самым выравнять свой торговый баланс.

Вот концепция автора. Оригинальна ли она? Отнюдь нет. Она высказывалась неоднократно теми самыми авторами, работы которых Schevket Raschid считает необходимым критически переработать, так как они проникнуты колонизаторским подходом к Турции. Действительно, отражая интересы империалистических групп, стремящихся экономически и политически вновь поработить Турцию, эти авторы выдвигают концепцию о том, что последняя должна остаться аграрной страной, вывозящей свои продукты на европейские рынки, т. е. они хотят вновь превратить Турцию в аграрносырьевой придаток империалистических государств, в полуколонию.

Мы не можем здесь делать длительных экскурсий в иностранную литературу, но для доказательства приведем только один пример. Небезызвестный доктор Мюллер, бывший директор Рейхсбанка, в своем докладе турецкому правительству по вопросу об организации государственного банка в Турции, еще в 1929 г. писал, что «в то время как сельскохозяйственное производство и промышленность, которая от него зависит, далеки от того, чтобы достигнуть состояния желательного усовершенствования, и отсутствуют рынки для размещения излишков продукции, делаются усилия создать некоторые новые отрасли, не имеющие связи с естественными условиями страны».

Он же писал, перефразируя доклад финансовой комисии Лиги Нации о Венгрии:

«Сообразно тенденциям и естественным условиям Турции реализация как можно большего количества продукции и необходимость обеспечить внешние рынки для сбыта этой продукции является настоятельной необходимостью».[1] Производить и экспортировать — вот его лозунг, который дополняется другим лозунгом — не надо собственной промышленности, из чего Мюллер делал совершенно логичный вывод, рекомендуя турецкому правительству «облегчение и уменьшение ограничений и запрещений, вдохновленных принципами, изложенными выше (т. е. политикой поощрения собственной промышленности. *А. Н.*), дабы облегчить заключение торговых договоров и поощрить таким образом экспорт». Этот вывод логически вытекает и из концепции Schevket Raschid'а, и если он его не делает, то либо потому, что он не додумал до конца своих собственных положений, либо потому, что боится его делать.

Как видим, концепция Schevket Raschid'а совсем не оригинальна, а высказана задолго до него немецкими империалистами, да и не только немецкими. Видно не случайно книга автора издана в Германии.[2]

---

1 L'Économiste d'Orient за 1930 г.

2 Вероятно, автор получил свое специальное образование в Германии и наряду с этим проникся империалистическими установками своих учителей. От такого «образования» турецкий народ кроме вреда конечно, ничего не получит.

Как известно, не далее как в 1933 г. на лондонской мировой экономической конференции делегат фашистской Германии Поссе публично протестовал провив индустриализации Турции. Schevket Raschid поет в один голос с Мюллерами и Поссе не только Германии, но и всех империалистических государств.

Верно ли утверждение автора, что то, что делалось до сих пор в области промышленного стоительства в Турции, лишь бесполезные и дорого стоящие опыты, напрасная трата времени, сил и средств?

Нет, наверно! Импорт хлопчатобумажных тканей сократился с 20.5 млн. кило в 1923 г. до 13.4 млн. в 1932 г. и в значительной степени вследствие роста своей собственной текстильной промышленности; импорт шерстяных тканей сократился с 1.84 млн. кг в 1927 г. до 452 000 кг. в 1932 г.; в то же время производство этих тканей выросло с 576.7 тыс. кг. в 1927 г. до 1695 тыс. кг в 1932 г. Цементная промышленность возросла настолько, что в состоянии полностью удовлетворить потребности страны в цементе, и т. д. Рост собственной промышленности, вызывая и рост потребления своего собственного сырья и сокращение импорта, является наиболее верным путем обеспечения активности торгового баланса, за который так ратует автор. В связи с этим неверно утверждение автора на стр. 174, что промышленность Турции не существует как потребитель сельскохозяйственного сырья.

Мы отнюдь не склонны переоценивать пока довольно скромное развитие турецкой промышленности, но необходимо опровергнуть несоответствующие действительности выводы автора, в основе которых лежит его империалистическая концепция.

Надо при этом отметить, что есть страна, единственная страна, которая искренне приходит Турции на помощь в деле развития ее промышленности — это СССР. Эта помощь реально существует, она уже приносит конкретные плоды и Турции, борющейся за свою национальную независимость, она обеспечена и впредь. Идя же по пути, предлагаемому автором, можно лишь потерять эту свободу, но отнюдь не укрепить ее.

Как мы указали в начале нашей рецензии, в работе Schevket Raschid'a содержится ряд соображений по многим конкретным вопросам, представляющих интерес, так как эти соображения высказаны в результате конкретного и близкого знакомства с вопросом. Они касаются, главным образом, вопросов механизации сельского хозяйства, сельскохозяйственного образования, сельскохозяйственного кредита и др. Автор рисует теневые стороны существующей практики в этих областях. Он приводит также не лишенные основания соображения о неправильности и преувеличенности статистических данных о количестве рабочего скота. Так, например, на основе личного опыта автор утверждает, что в Смирнском районе 1 голова рабочего скота приходится на 4—5 га посева, между тем, как по официальным статистическим данным переписи 1927 г. 1 голова рабочего скота приходится всего лишь примерно на 1.35 га.

Разбирая подробно современное сельское хозяйство в Турции и анализируя причины его низкого уровня, автор почти совершенно не касается существующих производственных отношений и гибельности сохранения феодальных пережитков для турецкого сельского хозяйства. Организующие факторы в сельском хозяйстве у него, во-первых, капитал и кредит, во-вторых, транспорт, в третьих, сбыт. Эти факторы, по мнению автора, яв-

ляются направляющими и определяющими подъем страны.

Мудрено ли после этого, что автор не нашел подлинных причин отсталости турецкого сельского хозяйства?

Вся аграрная проблема состоит, по автору, из одного вопроса: достать капитал для обеспечения планомерного роста сельского хозяйства, для чего он предлагает одно «кардинальное» средство — увеличить сбыт. «Действительность такова, что до тех пор, пока, прежде всего, условия сбыта остаются такими же, каковы они есть, рост продукции является чистой утопией», — пишет он (стр. 178). Все усилия надо концентрировать на трех вопросах — образование, транспорт, сбыт (стр. 198). Автор считает, что как только крестьянину будет дана возможность более рентабельного сбыта своей продукции, он добьется роста ее и с примитивными орудиями труда.

Для достижения этой цели он выдвигает рецепт, предложенный вышеуказанным Мюллером, сводящийся к тому, чтобы склонить голову перед иностранным капиталом. Чрезвычайно сомнительно, чтобы его применение обеспечило рост сбыта турецкой сельскохозяйственной продукции, но что оно повлекло бы за собой потерю Турцией национальной независимости, это несомненно.

Автор говорит в своей книге, что центральная фигура Турции это — крестьянин. Он даже посвящает свою книгу турецким крестьянам. Но навряд ли последние с благодарностью примут от автора его подарок. Они его отвергнут, потому что своей концепцией, своими практическими предложениями он тащит их вновь под ярмо империалистического рабства.

А. Новичев

Belpaire B. Le taoïsme et Li T'ai Po. (Mélanges chinois et bouddhiques, publiés par l'Institut Belge des Hautes Etudes Chinoises, premier volume 1931—1932 Bruxelles, Juillet 1932, p. 1—14).

Ряд причин не дает нам возможности пройти мимо этой статьи. Во-первых, она помещена в журнале, который и по внешнему виду, и по представленным в нем силам, может быть сочтен лишь очень серьезным. В нем находятся статьи таких корифеев востоковедения, как акад. П. Пеллио, А. Масперо, Л. де-ля Валле-Пуссен, Более того, на страницах этого журнала А. Масперо выступает со статьей о Цзо-чжуань, выпуская ее после выхода в свет работы Б. Карльгрена, с которым А. Масперо приходится встречаться в научном споре уже не в первый раз. Во-вторых, материалы в этом журнале расположены не в алфавитном порядке и не в порядке важности статей, а рассматриваемая статья помещена первой. Стало быть, в ней мы вправе ожидать весьма серьезную работу, посвященную отношениям между даосизмом — крупнейшей религиозно-философской системой Китая, и Ли Тай-бо — известнейшим поэтом Китая. Не говоря уже о том, что Ли Тай-бо владел сложнейшим поэтическим мастерством, что его техника стоит на высотах китайской поэзии и что благодаря этому решение всякого вопроса, связанного с его творчеством, представляет особую трудность — мы не можем пройти мимо того, что и даосизм ко времени этого поэта был явлением чрезвычайно сложным. К тому времени он уже имел за собою века зарождения, расцвета и начало упадка. Он уже испытал на себе влияния и буддизма, и, может быть, даже манихейства. Поэтому в статье «Даосизм и Ли Тай-бо» мы действительно вправе ожидать постановки и решения

сложной и трудной проблемы. Конечно, можно лишь приветствовать появление такой работы, ибо, как это уже доказывалось некоторыми китайскими учеными, решение проблемы даосизма — это один из важнейших ключей к пониманию китайской культуры. Мы тем более вправе ожидать это потому, что автор обнаруживает основательное знание европейской литературы по данному вопросу.

Для каждого из нас, конечно, ясно, что мы не можем ожидать от буржуазного исследователя, каковым является Б. Бельпер, анализа фактов на основе марксистской методологии. Но мы безусловно вправе требовать от него полной синологической техники. Однако, вряд ли можно считать допустимым то, что автор не указывает точно каким изданием он пользовался при переводе Ли Тай-бо. Назвать это издание только «l'édition chinoise» — это почти анекдотическая неточность. Разве же мало есть китайских изданий Ли Тай-бо? Пагинация в них совершенно различна, и автор принуждает читателя непроизводительно тратить время на поиски наугад переводимых текстов. Если это и допустимо в популяризационном издании, рассчитанном на не-специалиста, то вряд ли это приемлемо на страницах научного журнала. А именно французские китаеведы обычно отличаются большой точностью документации.

Наибольшую часть статьи занимают переводы Ли Тай-бо. Они безусловно свидетельствуют о том, что автор вполне владеет китайским текстом. К сожалению, они выполнены прозой и не обладают тем точным аппаратом, которым снабжал свой перевод данного поэта Э. фон Цах, перевод, кстати сказать, известный Б. Бельпер. Не лучше дело обстоит и по части даосизма. Повидимому, главный источник автора — это произведения о. Л. Вигер. Но он, несмотря на его большой стаж и признание его в синологии, далеко не всегда авторитетен. Достаточно вспомнить его оценку Ван Би в его le Canon Taoïste, где он говорит, что Ван Би «умер раньше, чем научился мыслить». Однако даже одному аспиранту института востоковедения А. А. Петрову удалось доказать, что Ван Би принадлежит к самым интересным и значительным философам Китая. Кроме того, при сличении le Canon Taoï'ste с оригиналом Дао-цзан ясно, что о. Л. Вигер писал о Дао-цзане, не имея полного представления о нем, ибо в целом ряде мест определения о. Л. Вигер не имеют ничего общего с тем, о чем говорят тексты Дао-цзана. Не обладают достаточной точностью и переводы даосских классиков, сделанные о. Л. Вигер, на которых, в конечном счете, базируется знание даосизма Б. Бельпер. Но даже и без большой проницательности можно заметить, что почти все трудные места в переводе Ле-цзы и Чжуан-цзы о. Л. Вигер не переводит, а лишь пересказывает. Поэтому и суждения о. Л. Вигер о даосизме вряд ли можно считать правильными. Но ведь научная литература о даосизме не ограничивается им одним. Ведь есть целый ряд работ по истории даосизма на китайском, и особенно на японском языке, которые отличаются и большой точностью, и громадным материалом. В этом отношении особенно можно рекомендовать труды таких китаеведов, как Коянаги, Цумаки, Токива и Цуда.

Далее, если автор владеет китайским текстом (а это несомненно), то совершенно непонятно, почему он не обратил внимания на такого важнейшего даосского писателя, как Гэ Хун! Ведь именно у него вся даосская образность,

которая так важна автору, выступает в самом развернутом виде. Если бы автор принял во внимание то, что можно найти у Гэ Хуна, то несомненно он пришел бы к совершенно иным выводам и не придавал бы столь большого значения элементам даосизма у Ли Тай-бо, особенно же о значимости даосских высказываний Ли с точки зрения их философской ценности. Вместо этого автор повторяет столь же привычное, сколь и неверное суждение о том, что древний даосизм Лао-цзы и Чжуан-цзы — это «чистый и философский» даосизм, а средневековый даосизм — это лишь сомнительная фантастика. Достаточно было бы автору более глубоко и по оригинальному тексту ознакомиться с ранними даосами Ле-цзы и Чжуан-цзы, чтобы и у них найти те же магические элементы, что и в средневековом даосизме. И с другой стороны: если бы Б. Бельпер принял во внимание такие тексты, как, напр. главы I, II, IX и X из произведения Гэ Хуна «Бао-пу-цзы», не говоря уже о целом ряде других даосов, — то он узнал бы, что и в средневековом даосизме было не мало сложной и очень сложной философии.

Единственное место, где автор пытается объяснить, почему у Ли Тай-бо могли появиться даосские настроения, это то, где он говорит: «Важное место, отведенное даосизму у Ли Тай-бо, придворного поэта, объясняется возобновлением культа Лао-цзы при основателе и при известных суверенах Танской династии» (стр. 12). Вряд ли может удовлетворить кого бы то ни было такое пояснение. Ведь при дворе тех же покровителей даосизма были и другие поэты, не уступающие талантом Ли Тай-бо. Ведь был же, напр., Ду Фу, но у него мы тщетно бы искали даже такое эстетическое любование даосскими образами, какое мы находим у Ли. Очевидно, что отнесение Ли Тай-бо к плеяде придворных поэтов еще ничего не доказывает и ничего не поясняет. Нужен более тонкий анализ. Анализ слоев китайского общества при Ли Тай-бо, анализ их интересов, анализ того, как Ли представляет интересы того или иного слоя китайского общеста. К сожалению, эти вопросы не заинтересовали нашего втора. И даосизм, и поэта он рассматривает вне их связи с их окружением, вне их движения и развития. Поэтому и сопоставление поэта и идеологии получается совершенно внешним и случайным. И не совсем понятно, зачем написана эта статья. Ведь причины появления у Ли Тай-бо даосских элементов не вскрыты, а указание на их наличие у поэта излишне, так как это известно решительно всем китаеведам. Если трудно ответить на вопрос о том, зачем написана данная статья, то, пожалуй, легче будет сказать — почему написана она.

Основной тон данной работы ярче всего выражен в концовке: «Его (Ли Тай-бо) грусть от расставания с миром, в котором он столько наслаждался, делает его близким нам, ибо это глубоко человеческая грусть». Но так ли уж всему человечеству свойственна эта грусть? Разве не народами измеряются люди, которым чужда «грусть расставания с миром»? Эти слова Б. Бельпер чреваты глубоким смыслом. В них чувствуется то настроение западно-европейской науки, которое все чаще и чаще начинает в ней звучать. Это «грусть расставания с миром» принадлежит капиталистическому строю. Когда победившая Французская буржуазия на баррикадах Парижа провозгласила свою идеологию, то и она считала ее общечеловеческой. Права человека и гражданина были задуманы

для всего человечества. Б. Бельпер, отдаваясь настроению заката (Европы?), тоже считает его общечеловеческим. Это весьма показательно! Но в противоположность этому нам хотелось бы еще раз услышать более бодрые ноты от нашего автора.

Совершенно ясно, что Б. Бельпер в состоянии дать и более ценные работы по истории даосизма, ибо он обладает и умением читать китайский текст и интересом к истории даосизма. Мы бы горячо посоветовали французскому синологу пойти по пути А. Масперо и, обратив более глубокое внимание на работы японских китаеведов, не упускать из виду те ценнейшие материалы, которыми мы теперь располагаем благодаря изданию даосского канона. От китаеведа, рекомендованного большим и серьезным журналом, мы вправе ожидать не менее серьезные и большие работы.

29 I 1934.

Ю. Щуцкий.

Грумм-Гржимайло, Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. Известия Государственного Географического общества, т. LXV, вып. 5, 1933, стр. 437—454,

Несмотря на громадное количество работ, посвященных природе Центральной Азии, мы до сих пор не имеем ни единой хорошей монографии по ее климату. Между тем климат, как один из факторов развития народного хозяйства, как в историческом разрезе, так и с точки зрения современного хозяйственного строительства, несомненно, заслуживал бы большего внимания.

Вот почему любая работа, посвященная синтезу уже имеющихся разрозненных сведений по климату Центральной Азии, представляет всегда крупный интерес.

Настоящая статья Г. Е. Грумм-Гржимайло, в основу которой положены исследования, опубликованные им уже раньше в многочисленных трудах о природе и истории человеческого общества в Центральной Азии, вновь вызывает к жизни дискуссионный вопрос о причинах высыхания в Азии. Автор, суммируя большой материал, доказывает, что в течение исторического процесса за 3000 лет территория к югу от Сибири, к востоку от Каспийского моря, к северу от Иранского и Тибетского нагорий и к западу от Тихого океана подвергалась постоянному и интенсивному высыханию, которое вызвало в ней за это время рост пустынь за счет культурных земель. Положение это вряд ли может быть оспариваемо, так как многочисленные свидетельства этому представляют развалины городов и оросительных сооружений, разбросанные на протяжении всей этой территории, и в громадном количестве случаев находящиеся в районах, недоступных ныне сельскохозяйственной эксплоатации без применения высокой техники. Автор безусловно прав, указывая, что «главную роль в изменении природы сыграл в ней человек» (стр. 443). Прав он и в своих выводах, что не грандиозные войны, как, напр., походы монголов в XIII в., явились тому причиною. Конечно, основой всех этих изменений служила хозяйственная деятельность человека, постепенно истребившего леса по окраинам Центральной Азии, высушившего болота, дренировавшего почву каналами, дорогами и пр. Это привело к уменьшению влажности и усилению колебаний температуры и воздушных течений, благодаря чему прогрессировал процесс распада горных пород и создавались массы песка,

покрывавшие все большие и большие пространства. Данные, приводимые автором в этом отношении чрезвычайно убедительны. Однако им совершенно не затронут такой фактор хозяйственной деятельности человека, как, напр., вытравливание скотом растительности, закрепляющей почву, черезчур глубокая вспашка, обнажающая пески — явления широко известные. Не коснулся он также вопроса о прогрессивном засолении почв, отмеченном в работах Почвенного института Академии Наук СССР на территории Монгольской народной республики.

Вместе с тем нельзя не отметить, что ряд выводов автора, касающихся социальной и политической истории населения Центральной Азии, выводов связанных с представлением о чрезмерно быстром процессе высыхания, является весьма сомнительным. Так, напр., он неоднократно настаивает на тезисе о «значительной убыли населения в историческую эпоху» (стр. 447, 448 и др.), основываясь на не всегда правильно использованных статистических материалах. Считая, что население Восточной Монголии (повидимому, Барга, Жэхэ и Чахар) в XVII в. доходило до 150 тысяч, он на основе статистики Монгольской народной республики полагает, что с тех пор количество не должно было уменьшиться, упуская при этом из виду всю колоссальную китайскую колонизацию этих провинций. Касаясь же статистики населения Внешней Монголии, автор опирается на сомнительные китайские сообщения, что в VI—VIII вв. турки могли выставить 400 тысяч войск. Далее, он принимает известное сообщение о количестве войск в 100—125 тысяч, оставленных после смерти Чингиса в уделе Тулуя только для территории к северу от Хэрулюна и к востоку от Орхона, основываясь на своем личном заключении, что это могли быть лишь те войска, на верность которых Чингис мог бы положиться. Поэтому автор твердо убежден в убыли населения МНР, достигающего в настоящее время около 700 тысяч. Нас не могут удовлетворить подобные рассуждения хотя бы потому, что монголы за последнее тысячелетие перешли к значительно более высоко развитому способу производства. Исторические данные тоже говорят о росте населения, правда, медленном, что объясняется застойностью, свойственной феодальному способу производства. К сожалению, автор очень мало учитывает социальный момент вообще, что доказывает выражение — «переселенцы в пределы Сибири не были беглецами от княжеского гнета, а вынуждены были покинуть Халху по причинам стихийного характера, это явствует между прочим из того факта, что во главе этих переселенцев стояли иногда их сайты (т. е. князья, вожди. *В. К.*)» (стр. 448—449).

Такая характеристика исторических событий XVII в. в корне противоречит не только современной концепции монгольской истории, но даже старой, дореволюционной.

Не менее странной представляется и другая концепция автора, характеризуемая двумя его высказываниями, которые я здесь и привожу. «Очевидно, вся Средняя Азия в то отдаленное время жила жизнью, и близко не напоминающею современную. За протекшие века все в ней опустилось. Морально опустился в ней человек, утратила многие из своих производительных сил природа, и саван пустыни все более и более застилает ушедшее от нас ее прошлое» (стр. 452).

Другое: «Естественный подбор у человечества вызывался не только вымиранием менее совершенных и более слабых, но также и вымиранием более

сильного, деятельного, победоносного элемента; он мог гибнуть именно в силу своей большей деятельности и отваги и этим самым давать большую возможность размножения элементам сравнительно пассивным. Так вымерли древние типы греков, римлян, германцев, славян, уступив свое место другим типам арианизированных народностей, так вымерли и коренные монголы» (стр. 454, прим. 22). Таким образом здесь проводится теория закономерной деградации человечества, неизбежно ведущей по пути регрессии к его окончательному уничтожению. Корни этой теории Г. Е. Грумм-Гржимайло покоятся на его утверждении о существовании в Восточной Азии белокурой и светлоглазой народности великанов-динлинов, исчезнувших под натиском черноволосых и черноглазых племен, утверждении, по существу говоря, принадлежащем ему одному. Сущность этой гипотезы, высказываемой им и в ряде других работ, глубоко реакционна, так как это не что иное, как развитие на восточном материале той расовой теории, которая является орудием фашистской пропаганды в Германии и Японии.

Остается только пожалеть, что Г. Е. Грумм-Гржимайло, крупнейший из современных наших географов Центральной Азии, в области естественно-исторических исследований проделавший колоссальную работу с поразительными результатами, до сих пор продолжает придерживаться отвергнутых советской наукой концепций в тех случаях, когда он затрагивает вопросы развития человеческого общества.

3 I 1934.

В. Казакевич.

Lessing, F. Führer durch die Ausstellung Mongolisches Volksleben im Staatlichen Museum für Völkerkunde. Berlin, 1933, 16 S.

Как показывает само название, брошюра является не чем иным, как путеводителем по выставке, посвященной вопросам монгольской этнографии. Однако на самом деле — это небольшая статья, содержащая в самом сжатом виде характеристику Монголии в широком смысле этого слова. Автору, в течение 2 лет работавшему в составе последней экспедиции Свена Хедина, знаком лишь материал по Внутренней Монголии и, конечно, только в этом разрезе нужно принимать как самую выставку, так и эту статью. Она делится на следующие разделы: введение, название и история, культура, особенности характера, жилище монголов, одежда, кое-что об обычаях, религия. Последний раздел делится еще на четыре подраздела: ритуал, танец масок («цам». *В. К.*), погребение, старая вера (шаманизм. *В. К.*). Это перечисление в достаточной степени говорит за содержание работы, являющейся в высшей степени поверхностной даже для специфического посетителя западных музеев. Автору мало знакомы или совсем незнакомы труды по монголоведению, что видно из утверждений о том, что «основными исследователями монголов являются французы и англичане» (стр. 3), что «Внешняя Монголия представляет собой одну из советских республик» (стр. 5), что «большинство племен как Внутренней, так и Внешней Монголии оставили уже кочевой образ жизни» (стр. 6) и т. д. Калмыков автор идентифицирует с торгутами (стр. 5), утверждает, что «свойства характера монголов у разных племен различны» (!) (стр. 6) и т. п.

Появление такой работы все же нужно рассматривать как растущее

проявление интереса к вопросу о монголах тем более, что автор великолепно учитывает значение Внутренней Монголии как плацдарма японской военной экспансии.

5 X 1933.

В. Казакевич.

Smedt, A. de, C. I. C. M. et **Mostaert, A.,** C. I. C. M. **Dictionnaire Monguor-Français** par—. Le Dialecte Monguor parlé par les mongols du Kansou Occidental. III-e partie. Publications de l'Université Catholique de Pékin. Pei-p'ing. Impr. de l'Université Catholique, 1933. XIV+521 pp. in 8°. [Исключительное право распространения принадлежит The French Book Store, Pei-p'ing.]

Из языков монгольской группы языки монгольских народностей провинции Гань-су принадлежат к наименее изученным. Между тем, языки эти представляют собой для исследователей совершенно исключительный интерес, так как они отличаются целым рядом специфических черт, совершенно чуждых языкам, до настоящего времени изученным. В общем, языки монгольской группы могут быть, как известно, разделены на две подгруппы: к одной принадлежат языки халха-монголов, бурят-монголов, ойратов, чахар, ордосцев, уратов, харачин и некоторых других, а ко второй — языки племен, разрозненно живущих за пределами этой почти сплошной территории названных народностей, как напр., дагуров, хара-югуров и др., из которых многие нам даже по названию неизвестны. В то время как языки первой категории в настоящее время могут считаться изученными вполне удовлетворительно, языки второй категории почти совершенно не известны. Кроме того следует отметить, что языки первой подгруппы (халха-монгольский и др.) имеют столь много общего между собой, что детальное изучение некоторых отдельных языков или наречий входящих в нее, почти ничего не дает принципиально нового по сравнению с тем, что нам уже известно.

Не таковы языки второй подгруппы: для них характерны наиболее сильные отличия не только от языков первой группы, но и друг от друга. Особенно следует обратить внимание на то обстоятельство, что как раз эти языки сохранили нам множество архаичных черт, воспроизводящих часто картину древнейшего состояния языков монгольской группы, что не удивительно, ибо языки этой группы принадлежат реликтовым монгольским племенам, издревле живущим замкнуто в иноплеменном окружении и стоящим на невысоком уровне культурного развития.

Очень ярким представителем этой подгруппы монгольских языков является язык монгоров, обитающих на северо-востоке от города Си-нин в Алима ханшар на Нарин гор'е и изученный авторами интересующего нас труда A. Mostaert и A. de Smedt, уже прежде выступавшими с работой по фонетике этого языка (Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansu Occidental. Anthropos, XXIV—XXV, correct. XXVI, p. 253), представляющей собою наряду с работой A. Mostaert о наречии ордосских монголов (Anthropos, XXII) одну из лучших работ в области монгольского языкознания за последние двадцать пять лет.

Можно не разъяснять того, какое громадное значение имеет изданный теперь словарь монгорского языка, так как это, вообще, первый научно составленный словарь одного из живых языков монгольской группы. Этот образцовый труд не имеет предшественников

и, являясь первым и притом блестяще оправдавшимся опытом, он обязывает к тому, чтобы словарная работа не прекращалась и была распространена в частности на бурят-монгольский и халха-монгольский языки, по которым мы располагаем теперь очень богатыми, но пока еще очень мало обработанными и освоенными материалами.

Словарь монгорского языка заслуживает серьезного внимания не только по той причине, что это первый словарь одного из живых языков монгольской группы, но еще и по той причине, что язык монгоров чрезвычайно интересен для историка монгольских языков. Так, напр., он сохранил много архаичных черт в области фонетики, ср. сохранение *f* в начале многих слов (напр., *fulān* «красный»).

Особенно интересны многочисленные архаичные словарные элементы, как *yān* «что», *t'aǥū* «курица», *ǥaᴅar* «узда» и т. д., которым в ряде памятников живых монгольских языков XIII—XIV вв. соответствуют *yan*, *taγawut*, *qadār*. Чтобы продемонстрировать архаичность словарного запаса монгорского языка, приведем еще слово *ts'uorɢuō* «долина с речкой посредине» = Юань-чао-би-ши *ǰölke* id. = бурятск. Боханск. *ꝫȯlxȯ* «середина реки, течение посреди реки, хребет реки», бурятск. Западн. (все говоры) *ꝫȯlxȯ* ~ *ꝫülxe* «река Лена».

Словарь составлен весьма тщательно. Под каждым словом приводятся примеры использования. Кроме того, слова снабжены указаниями на соответствия в других монгольских языках и в письменном языке в особенности. Слова иноязычного происхождения, среди которых особенно много тибетских и китайских, отождествлены с их прототипами в соответствующих языках.

Все это сообщает словарю весьма солидный вид и делает его незаменимым справочником для каждого, кто изучает языки монгольских народностей.

Н. Поппе.

П. Е. Скачков. Внутренняя Монголия. Экономико-географический очерк. (Труды Исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, вып. X), Москва. 1933, 151 стр. Цена 2 р. 90 к.

Рецензируемое издание представляет собой весьма отрадное явление на фронте востоковедения. Без всякого преувеличения можно отметить, что эта работа — единственная серьезная попытка дать экономико-географический обзор колоссальной территории Внутренней Монголии, опыт, на основе которого можно строить дальнейшее изучение в данной области. В отличие от ряда статей, появившихся за последнее десятилетие и рассматривавших Внутреннюю Монголию или с точки зрения какого-либо узкого интереса, или в какой либо отдельной ее части, книжка П. Е. Скачкова дает цельное представление об этой территории и построена на долгой подготовительной работе.

Содержание ее распадается на восемь глав: 1. Территория и население Внутренней Монголии; 2. Краткий исторический очерк колонизации Внутренней Монголии; 3. Административно-политический строй; 4. Характеристика современного экономического положения; 5. Торговля и городские центры; 6. Пути сообщения и транспорт; 7. Империализм во Внутренней Монголии; 8. Краткий очерк национально-освободительного движения. К этим главам присоединена еще основательная библиография из 175 названий. Наиболее удавшимися частями, несомненно, нужно признать те, в кото-

рых затрагиваются чисто экономические вопросы и характеризуется процесс китайской колонизации. Впервые этот процесс, интересовавший большое количество авторов разных политических направлений, получил широкое и детальное освещение, результатом которого является вывод, что монгольским национальностям, входящим в состав Китая, грозит политическое уничтожение в течение нескольких десятков лет, если не произойдет коренного изменения современной политико-экономической ситуации. Ряд новейших данных внесен автором в части, касающейся путей сообщения и городских центров, испытавших за последнее время крупнейшие изменения. Впервые дана характеристика современного китайского территориального деления Внутренней Монголии, являвшегося всегда больным местом в географии Китая. Удачно подобран статистический материал, несмотря на общеизвестную неудовлетворительную постановку статистики в Китае. Можно было бы отметить и ряд других мелких и крупных достоинств этой книги, но я предпочту остановиться на недостатках ее, так как появление таких работ прежде всего вызывает желание стремиться к их улучшению.

Прежде всего поражает схематичность всего изложения. Книга, большей частью не дает развернутой картины отдельных положений, и автор, повидимому, довольствуется их конспектированием, хотя приводимые им материалы позволяют значительно более широко и ярко иллюстрировать отдельные положения. При всех достоинствах самого изложения чувствуется недостаточное внимание к вопросам социологического анализа чрезвычайно сложных отношений отдельных классов и политических группировок. Привлечение только китайских, японских и европейских материалов, без внимания к монгольским, сделало всю работу односторонней. Так, совершенно не освещено монгольское территориальное деление, исторически сложившееся еще в отдаленную эпоху; смазаны различия в хозяйстве отдельных монгольских племен и тем самым на один уровень поставлены и ордосцы и харачины. Этим же объясняются чрезвычайно существенные пробелы в описании северной части провинций Чахар и Суйюань, а также внутреннего Ордоса. Так как центр тяжести всего изложения падает на колонизованную земледельческую полосу Внутренней Монголии, то скотоводство по сравнению с земледелием охарактеризовано слабо. Отсутствие монголоведных интересов у автора приводит также к тому, что им почти что совершенно не затронута ламайская церковь, несмотря на громадный удельный вес буддийских монастырей Внутренней Монголии, в частности провинции Суйюань, явившихся рассадником ламаизма на территории всей Монголии вообще.

С историческим очерком Внутренней Монголии тоже не во всех случаях можно согласиться. Автор, в общем, придерживается общераспространенной среди историков Дальнего Востока точки зрения, что территория Собственного Китая, с одной стороны, и северные степи с другой, должны рассматриваться как области с совершенно самостоятельными процессами развития. Такая концепция, отрицая единое хозяйственное развитие Китая и Монголии, неизбежно ведет к пресловутой теории «культурных кругов» и стыдливо умалчивает о теснейшем взаимодействии этих территорий, начиная с эпохи Чжоу. Поэтому совершенно неверным является тезис, что «Появление монголов на территории Внутренней Монголии относится ко вре-

мени захвата Китая монголами, т. е. к XIV веку» (стр. 14). Не говоря уже о том, что завоевание Китая монголами относится к XIII в., само появление монгольских племен к югу от Гоби, или, вернее, не появление их, а постепенный процесс смены турецких племен монгольскими, нужно относить ко времени не позже X—XI вв. Нельзя согласиться также и с трактовкой монгольских набегов исключительно как «борьбой за торговые пути» (стр. 14—15). Генезис борьбы кочевников с оседлым населением Китая нужно относить еще к тому древнему периоду исторического развития Центральной Азии, когда произошло «первое великое разделение труда», блестяще охарактеризованное Энгельсом. В дальнейшем эта борьба поддерживалась развитием классовых противоречий и примитивностью форм обмена с Китаем, обмена, грандиозные рамки которого нам известны уже в эпоху Старшей Хань.

Весьма примитивным объяснением падения монгольской империи нужно считать также фразу: «Чахарский князь Ликдан вместе с тем пытался заставить мелких феодалов признать его ханом всех южных монголов, что вызвало сопротивление со стороны удельных князей и переход их на сторону манджур (стр. 17). Прежде всего следовало бы отметить, что Легдан-хан не «пытался заставить признать себя ханом», а на самом деле был последним монгольским великим ханом (императором), чахары же составляли его родовой удел и гвардию. Вассалы его, предавая национальные монгольские интересы, соблазненные богатыми посулами манджур, сами положили начало закабалению всей Монголии под игом династии Дай-цин.

Можно было бы сделать еще ряд различных замечаний, но это заставило бы меня выйти из рамок данной рецензии. Поэтому ограничусь лишь некоторыми.

На стр. 34 автор почему-то считает представителями феодального класса (sic) только тусалакчи (старших чиновников) и тайджи (дворян), оставляя в стороне всех остальных представителей бюрократического аппарата, ни происхождением, ни своей эксплоататорской ролью не отличающихся от вышеупомянутых. Касаясь формы плуга, принятой в Монголии и Китае (стр. 5), автор не останавливается на причинах, вызвавших существование именно такой формы этого орудия и довольствуется лишь упоминанием о его примитивности. Сообщая на стр. 87 цифровые сведения об импорте в г. Калган в 1923 г., автор отмечает, что на долю автомобилей и частей к ним падает только 52 000 мекс. долларов.. Между тем по моим личным наблюдениям и по данным монгольской таможни в Уланбатр-хото за 1923 г. было ввезено через Калган в одну лишь Монгольскую народную республику не менее 50 автомобилей, что при средней стоимости каждого в 3000 м. д. составляет около 150 000 м. д. Повидимому, все эти данные требуют дополнительной проверки. Крупной ошибкой является отнесение районов Йегудзер и Дариганга к северной части провинции Чахар (стр. 101), в то время как они входят в Восточный и Восточно-Гобийский аймаки МНР. Непонятно также исключение из очерка Алашани, по всем монгольским данным всегда включавшейся в территорию Внутренней Монголии, с которой она и экономически тесно связана.

Большим пробелом в обширной библиографии, приложенной к книге, нужно считать отсутствие упоминания ряда трудов Б. Владимирцова, Г. Гомбоева, А. Позднеева, Baddley, Bretschneider, Par-

ker, Schmidt и др. Этот факт нужно отнести исключительно за счет китаеведческой ориентации автора, личные наблюдения которого и знание языка должны были лучше всего обеспечить именно эту сторону книги. Однако транскрипция монгольских терминов вполне удовлетворительна за малыми отклонениями.

Приветствуя появление в свет этого труда, можно лишь выразить удивление, почему НИАНКП выпустила ее в таком скромном тираже (2500 экз.) и не снабдила хотя бы схематической картой. Отсутствие последней очень затрудняет усвоение книги лицами, мало знакомыми с географией Северного Китая.

6 III 1934.

В. Казакевич.

Василевич. Г. М. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектологический словарь. С приложением введения и карты распространения диалектов. Составила ——. Гос. педагогич. изд-во. Ленинградское отд. 1934. XXII + 244 стр. с 1 картой. 16⁰.

Тунгусское (эвенкийское) языкознание за последние годы, в связи с проведенными мероприятиятиями в области создания эвенкийской письменности сделало большие успехи. Естественно, что они выражаются, главным образом, в издании многочисленных букварей и книг на эвенкийском языке, предназначенных для самих эвенкийцев, хотя и в области теоретической мы теперь тоже имеем уже ряд полезных исследований. Предлагаемый вниманию читателя словарь относится как раз к последней категории. Словарь содержит свыше 3000 слов, что является довольно значительным количеством, если иметь в виду очень малую изученность эвенкийского языка в прошлом. Он охватывает диалекты ербогоченский, катангский, сымский, нижненекский и верхне-некский.

К научным достижениям этого словаря принадлежит значительная точность транскрипции. Транскрипция изобилует разными дополнительными знаками, отсутствующими в официальном алфавите. Автор пользуется знаками долготы и ударения и различает задние и передние *и* и *ἰ*, которые не различаются в эвенкийской письменности.

К словарю приложен фонетический очерк и список суффиксов словоизменения и словообразования. Краткая характеристика диалектов, даваемая во введении, является ценным вкладом в изучение этих мало известных диалектов.

Н. Поппе.

АННОТАЦИИ НА КНИГИ

ЛИТЕРАТУРА ПО АРАБСКИМ СТРАНАМ

Armstrong, H. C. Lord of Arabia. (London 1934) 8⁰.

Характеристика Ибн-Сауда, короля Саудии (Хеджаза-Неджда), на основе данных, собранных автором во время посещения им резиденции Ибн-Сауда.

ʿabbūd Saʿīd. Kitāb at-ṭurfa al-bāhiža fil-amṯāl wal-ḥikam al-ʿarabīja ad-dāriža žamaʿhu wa waqaf ʿalā ṭabʿihi al-qass Saʿīd ʿabbūd Ašqar. (Al-quds, 1933) 2 + 262 + V p.

Книга, вышедшая в виде приложения к XXXVI тому Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen (Berlin 1933), включает в себе 5000 арабских пословиц из Палестины, записанных в вокализованной арабской транскрипции с пояснениями на литературно-арабском языке. Издана в ближайшем сотрудничестве с G. Kampffmeyer'om и M. Thilo.

al-ʿārif ʿārif. Kitāb al-qaḍā' bain al-badw. (al-Quds 1933) 254 p. ill.

Этюд о правовых воззрениях и юридической практике бедуинов района Bīr as-sabʿ (южн. Палестина). Сод.: Бедуины Bīr as-sabʿ'а. Правосудие у бедуинов. Убийство. Кражи. Женщина у бедуинов. Животные. Кочевая жизнь. Торговля и хозяйство. Медицина у бедуинов. Мировоззрение бедуинов. В приложении даются статистические таблицы о численности населения отдельных племен и поселений. После работ ʿomar'а al-Barγūtī этот этюд является новым вкладом в деле изучения бедуинов, притом со стороны последних.

Badawī Fu'ād. Mažmaʿ al-luγa al-ʿarabīja al-malikī. || Alif-Bā' 14 (Damas 13. 4. 1934) № 3984.

Интервью с Anastās Mārī al-Karmalī о предстоящей работе Каирской лингвистической академии, членом которой он состоит. al-Karmalī считает возможным параллельное существование трех видов арабского языка и литератур на них: общеарабского (строголитературного), народных диалектов и промежуточных школьных языков, имеющих в каждой стране свои особенности.

Canaan Dr. T. The Palestinian Arab House, its architecture and folklore. (Jerusalem 1933) IV + 107 p. 25 ill.

Подробное описание палестинского жилища: городского дома, деревенской избы, бедуинского шатра с иллюстрациями и планами. Повсюду приводится арабская терминология, равно как и связанные с постройкой дома поверия и обычаи. Ср. G. Dalman || ZDMG 87/12 (1934) 253—4.

Cantineau J. Enquête préliminaire sur le dialecte arabe du Haurân || Bull. de la Société de Lingu. de Paris 34, 2 (1933) 171—85.

Предварительные данные по фонетике хауранских крестьянских диалектов, в частности для освещения вопроса об отражении k̄ и q̣. Материал собран в Хауране в течение пяти дней (25 2.—1 .3. 1933) весьма тщательным образом. Автор рассматривает свою работу как новый (после Bergsträsser'а) шаг к составлению лингвистического атласа Сирии и Палестины.

Clauss Dr. Ludwig Ferdinand. Als Beduine unter Beduinen. (Freiburg i. B. 1932) 114 p. 26 ill.

Описание четырехлетнего пребывания среди бедуинов племени Banī Ṣaxr в Аммане (Заиорданье). Главное внимание уделяется этнографии и фольклору. Автор изо всех сил старается уверить читателя, что он любит Восток и арабов, но трудно найти страницу, где он бы их не ругал. Единственным достойным, по его мнению, человеком оказался бедуинский шейх-феодал Митгалпаша, которого сам Clauss называет «великим убийцей» (стр. 41). Это, однако, не помешало ему заключить с ним союз и дружбу. Ср. P. Kahle || ZDMG 87/12 (1933) 86—8.

Crowfoot Grace Mary, **Baldensperger** Louise. From Cedar to Hyssop. A Study in the folklore of plants in Palestine. (London 1932) VIII + 196 p. ill.

Растения в палестинском фольклоре. Материал собран главным образом в окрестностях Arṭas у Вифлеема. Ср. ha-Re'ūvēnī || QS 10 (1933/4) 464—7.

Epštajn Elījāhu. Habbədāwīm, ḥajjēhæm u-minhāgēhæm. (Tel-Aviv 1933) 119 p. K. ill.

Автор не считает свою книгу исчерпывающей монографией о бедуинах. Это лишь попытка в общих чертах обрисовать нынешнюю жизнь бедуинов на основании материалов, собранных автором во время его скитаний по сирийской пустыне и восточному Заиорданью.

Fāris Bišr. At-taždīd fil-luγa al-ʿarabīja. || Hilāl 42 (11. 1933) 108—13.

Заимствования и новообразования в литературном арабском языке.

Goitein F. Jemenica. Sprichwörter und Redensarten aus Zentral-Jemen, mit zahlreichen Sach-und Worterläuterungen. (Leipzig — Jerusalem 1934) XXIII + 194 p.

1432 арабские пословицы и поговорки, употребляемые йеменскими евреями в Палестине.

Во избежание палестинского влияния автор, уже много лет живущий в Палестине и находящийся в постоянной связи с еврейскими иммигрантами из Иемена, включил в свой сборник лишь такие пословицы, которые были известны, по крайней мере, двум иеменитам. Пословицы расположены в порядке алфавита корней первых слов, переданы в латинской транскрипции с немецким переводом и пояснениями. Последние дают много сведений о быте и жизни жителей центрального Иемена как евреев, так и арабов. На стр. IV дана библиография, в конце имеется индекс предметов.

Кроме Mittwoch'a и Landberg'a работа Goitein'a почти единственное, весьма значительное притом собрание материалов по иеменскому диалекту.

Gruvel A. Les États de Syrie. Richesses marines et fluviales. Exploitation actuelle. Avenir. (Paris 1931) 453 p. ill. K. 1 : 168 350. [Bibliothèque de la Faune des Colonies Françaises 3.]

Автор — профессор Гос. Музея естествознания. описывает три путешествия, имевших целью исследование рыбных богатств рек, озер и прибрежной полосы Сирии и Сев. Палестины. Полученные сведения представляют интерес не только для зоолога, но и для экономиста. Приложены библиография, специальные экскурсы A. Billard'a и G. Moazzo, а также карта рыбных косяков в заливе Александретты. Ср. || Ma 30 (1932) 73; P. Thomsen || OLZ 36 (11 1933) 684.

Ḥannā Niqūlā. Qāmūs Lubnān. (Bairūt 1934).

Справочник по городам и поселениям Ливанской республики с указанием числа жителей, достопримечательностей, сведений по торговле и промышленности, а также наиболее видных лиц данной местности. Автор — издатель журнала af-Maɛārif.

al-Ḥasanī as-ɛajjid-ɛabd-ar-Razzāq. Ta'rīx al-wizārāt al-ɛirāqīja. I (Ṣaida 1352/1933) 232 p.

На канве смены министерских кабинетов Ирака даются важные сведения по послевоенной истории Месопотамии. Приводятся тексты договоров и соглашений, заключенных разными правительствами, начиная с момента возникновения иракского государства и поныне. Есть снимки всех бывших и нынешних министров.

Другие работы того же автора: История иракских стран. Путешествие по Ираку, Поклонники диавола в Ираке, Сабейцы в древности и в настоящее время, Бабизм в истории, Исследование о шиитах, Народная поэзия Ирака и др. Готовится работа по истории иракской печати.

Karam N. Bāqat zuhr min al-ḥaqla. Mažmūɛat qaṣā'id wa-yanānī dārīža lubnānīja wa-sūrīja wa-miṣrīja žamaɛha wa-naẓam aktarha Nažīb Nažm Karam ṣāḥib žarīdat firɛawn bi-bajrūt. (Bajrūt 1931) 54 p. portr.

Книжка состоит из двух частей: в первой (стр. 4—15) даются стихотворения на ливанском и сирийском диалектах, во второй части (стр. 46—54) стихи на диалекте Египта. Предисловие также в виде стихотворения, в конце есть индекс. Во второй части имеются многочисленные примечания, главным образом, языкового характера; в первой же части примечания касаются лишь нескольких имен собственных.

В дополнение к данной книжке вышел небольшой египетско-сирийский глоссарий. Ср. G. Kampffmeyer || MSOSw 36 (1933) 149—53.

Kračkovskij Ign. Der Wein in al-Aḫṭal's Gedichten. (Kulturhistorischer und stilistischer Versuch). || Jacob-Festschr. (1932) 146—64 [SA: (Leipzig 1932)].

Сод.: Постановка вопроса. Вино в жизни и поэзии омейядских поэтов. Сорта вин. Приготовление и покупка вина. Время и место попойки. Сосуды для вина, названия вин, действие вина. Обычаи во время попойки. Последствия.— «Арабская литературная традиция имела полное право считать al-Axṭal'a выдающимся певцом вина. Его, конечно, нельзя сравнить с al-Aɛšā или Abū Nuwās, но в омейядскую эпоху нет равного ему. В его стихах мы находим не только богатый лексикон и любопытные примеры различных стилистических ухищрений, но и живое описание действительной жизни».

Ср. G. Jacob. Bemerkungen zu der mir gewidmeten Festschrift (Kiel 30. 6. 1932) 5—7; Mašriq 31 (1933) 389.

Maɛlūf Amīn-Bāša. Istidrāk ɛalā muɛžam al-ḥajawān. || Muqtaṭaf 83, (12. 1933) 560—1.

Несколько замечаний к статье Grifel'a [?] в одном из предыдущих номеров Muqtaṭaf'a, касающихся пород рыб на Сирийском побережьи.

Meulen D. van-der, **Wissmann** H. von. Ḥaḍramaut. Some of ist Mysteries unveiled. (Leiden 1932) XXVI + 248 p. 6 K. 107 ill. [De-Goeje Fund № 10].

Ср. R. Strothmann || ZDMG 87/12 (1933) 76—82.

Международный Аграрный институт. Аграрный вопрос и крестьянское движение. Справочник. Кн. III. Восток и колонии. Япония, Китай, Французский Индо-Китай, Индия, Персия, Турция, Палестина, Египет, Тунис, Алжир, Марокко, Черная Африка. (Москва 1932) 179 р.

Содержание раздела «Палестина» (стр. 90—4): Сельское хозяйство и земельные отношения. Землевладение и землепользование (термины, статистика населения). Бюджет феллаха. Цены на с.-х. продукты. Налоги. Внешняя торговля. Аграрная политика. Революционное движение. Статья страдает некоторой упрощенностью. Непонятно отсутствие раздела о Сирии.

an-Nuwajrī Šihāb ad-dīn Aḥmad ibn ɛabd-al-wahhāb. Nihājat al-arab fī funūn-al-adab. 10. (Al-Qāhira 1351/1933) XII + 355 p.

10-й том сочинения известного энциклопедиста an-Nuwajrī (ум. 732/1332) содержит продолжение третьего раздела о животных: III, 3. Домашние животные (1, лошади; 2, мулы и ослы; 3, верблюды, крупный и мелкий скот); III, 4. Хищники (1, звери и скорпионы; 2, пресмыкающиеся и некот. насекомые); III, 5. (1 — 4, разные дневные птицы; 5, ночные птицы; 6, пчелы, пауки, шелк. червь, блохи и т. п.; 7, рыбы; 8, орудия рыбной ловли, охоты и т. п.).

al-Qabanžī Muḥammad. Al-aγānī al-ʿirāqīja. Ta'rīx fannī mūsīqī muṣawwar. [Baγdād 1933] 72 p. ill. История иракской поэзии.

Tajmūr Maḥmūd. An-nizāʿ bajn al-fuṣḥā wal-ʿāmmīja fil-adab al-miṣrī al-ḥadīṯ. || Hilāl 41 (8. 1933) 1185—8.

Сокращенный перевод французского доклада на 18-м конгрессе ориенталистов в Лейдене в 1931 г. о борьбе между классическим и народным языком в современной египетской литературе.

Tweedy Owen. Cairo to Persia and Back. (London 1933).

Путешествие из Каира через Палестину, Сирию (Бейрут, Алеппо, Несибин) и Ирак (Мосул, Багдад, Ханикин) в Персию и обратно. Более половины книги посвящено Персии, где было пройдено свыше 3300 миль. — Ср. || Near East and India 42 (26. 10. 1933) 883.

at-Ṭanāḥī Ṭāhir. Hal fil-luγa al-ʿāmmīja adab jastaḥiqq al-baḥṯ? || Hilāl 41 (8. 1933) 1325—31.

Народно-арабские диалекты, являющиеся такими же самостоятельными говорами, как и классический арабский язык, в данной статье неправильно рассматриваются как результат примеси различных чужих языков к «чистому» языку, языку Корана. Широкое распространение народных диалектов, будто-бы, вытеснило классический язык из быта, сохранив его лишь в письме, поэзии и декламации. В противовес мнению пуристов автор считает, что на народном языке имеется литература в подлинном значении слова, хотя по форме она не классическая: есть прозаическая литература (в первую очередь «1001 ночь»), пословицы и поэтические произведения разного рода. Отрывки некоторых стихотворений на египетском диалекте тут же приводятся в виде образца, равно как и цитата из двухтомного словаря народного диалекта Египта, составленного в 1891 г. бывшим хранителем Каирской библиотеки Wafā Muḥammad al-Qūnī, рукопись которого хранится в названной библиотеке. Автор высказывается за сближение народного языка с классическим, подвергая первый литературной обработке. Как пример приводятся стихотворения Bahā'-ad-dīn Zuhair'а, где использованы обороты народной речи, поскольку они по форме не отклоняются от литературного языка. Между языком классическим и современным литературным автор не делает различия.

Я. В.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ И СТАТЬИ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ВОСТОКУ за 1933 г.

(материалы по библиографии)

(По «Журнальной летописи» и материалам Института востоковедения; дополнения будут помещены в следующих выпусках)

Год издания книги или журнала (журнальной статьи) указывается лишь там, где этот год является не 1933-м или где текст библиографической цитаты может дать повод к неправильному предположению относительно года. В остальных случаях, где такого указания нет, год подразумевается 1933-й. Названия статей, помещенных в периодических и сериальных изданиях, отделяются от названий последних тире.

Общий отдел

Аграрный кризис. (Сборник статей). М. изд. и тип. Междунар. аграрн. Ин-та, кн. 4 (Япония, Китай, Манчжурия, Индо-Китай, Индия, Персия, Египет, Алжир, Тунис, Марокко, Негритянская Африка). Крючкова А., Мамаева Р., Ковалев Е., Дитякин В., Рейснер И., Баффи Н., Шамми А., Колониус Д., Шийк А., 324 стр.

Борьба за единый фронт пролетариата на Востоке. [Задачи рев. профсоюзов]. — Красн. интерн. профсоюзов, 11—12, стр. 5—15.

В. Договорная кампания по восточным объединениям [и техно-экспорту].— Внеш. торг., 3, стр. 5.

Восток. [Иностр. соц.-экон. лит-ра. Рец. и обзоры].—Иностр. книга, 1932, 11 (15), стр. 22—30.

Восток и колонии. [Иностр. соц. экон. лит-ра. Рецензии]. — Иностр. книга, 1932, 12 (16), стр. 18—24.

Годес, М. Октябрьская Революция и Восток. — Проблемы марксизма, 1932, 9—10, стр. 19—41.

Гуревич, А. Карл Маркс и национально-колониальный вопрос. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 35.

Гуревич, О. За организацию систематического изучения вопросов юношеского движения на зарубежном Востоке. — Рев. Восток, 1932, 3—4 (15—16), стр. 365—67.

Движение молодежи. [Деятельность Китайской, Японской, Персидской и др. вост. секций КИМ. 1929—1932 г.]. Из мат-лов декабр. пленума ИККИМ. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл.. сб. 4 (10), стр. 103—21.

Иоэльсон, М. Экономический кризис в колониальных странах. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 4, стр. 7—10.

Коган, Р. Б. и Якубова, Е. Н. Загнивание империализма и вымирание колониальных народов. (Демографич. очерк). — Рев. и национальности, 10 (44), стр. 74—78.

Колониальные проблемы. Сб. 1. Москва, Партиздат, 258, (2) стр. с карт.

Кучумов, М. Маркс и современные проблемы колониального Востока. — Рев. Восток, 2 (18), стр. 5—24.

Литература по Востоку. [Аннот. список новых иностр. книг и журн. статей.] — Иностр. книга, 1932, 12/16, стр. 51—57.

Арабские страны

Белинков, С. Е. Внешняя торговля Египта. — Внеш. торг., 1932, 35, стр. 7—10.

Белинков, С. Е. Таможенная политика Египта. В сб. Таможенная политика стран Востока, М.—Л., стр. 19—22.

Белинков, С. Е. Торговое значение Абиссинии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 1932, 11—12, стр. 10—16.

Беляев, Ев. Ватикан и ислам. (Прием и цели совр. католич. «исламоведения».) — Антирелигиозник, 1932, 23—24, стр. 10—14.

Бергер. Французский империализм и революционное брожение в Сирии. В сб. Колониальные пробл., 1, стр. 113—26.

Бертолле, К. Наблюдения над натроном (озер в Египте) (Пер. с франц. Л. М. Гусман). — Изв. Ин-та физ.-хим. анализа, VI, стр. 331—35.

Борисов, А. Я. Об исходной точке волюнтаризма Соломона Ибн Габироля. — Изв. Акад. Наук СССР, Отд. общ. наук, № 10, стр. 755—68.

Бутлер. Доклад г. Бутлера об условиях труда в Египте. (С пред. Старинина). — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 4 (10), стр. 82—102.

Ватолина, Л. Кризис сельского хозяйства в Египте. Обзор составлен по мат-лам Научн.-исслед. ин-та МВТ и КУТВ. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 3 (9), стр. 95—100.

Галджьян, А. Аграрный вопрос в Ираке. — В сб. Аграрный вопрос на Востоке, стр. 279—305.

Генко, А. Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля. — Зап. Ин-та востоковедения, II, вып. 1, стр. 21—35.

Евгенова, В. И. Магический папирус Salt 825 Британского музея как источник изучения египетских мистерий-«защит». — Изв. Акад. Наук СССР, Отд. Общ. наук, № 6—7, стр. 503—538, с 6 илл.

Заметки о земельной собственности в центральной Сирии. («Ази Франсез» апр. 1933 г.). — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 5 (11), стр. 122—37.

Заметки о профессиональном движении в Хаме (Сирия). («Ревю дез Этюд Исламик», 1932, вып. 2, стр. 95—120). — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 5 (11), стр 101—22.

Ибн Хазм, Абу Мухаммед Али. Ожерелье голубки. Пер. с арабского М. А. Салье. Под ред. И. Ю. Крачковского. М.—Л., Academia, XIV, 276, (2) стр.

Китайгородский, П. Положение египетского пролетариата. — Красн. интерн. профсоюзов, 4, стр. 36—41.

Климович, Л. И. Курбан-Байрам. Праздник жертвоприношения и паломничество мусульман в Мекку. М., Гаиз, 80 стр. (Центр. совет Союза воинств. безбожников СССР).

Климович, Л. Происхождение мусульманского поста месяца-рамазана. — Антирелигиозник, 1932, 23—24, стр. 15 - 21.

Крачковский, И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. — Зап. Ин-та востоковедения, II, вып. 1, стр. 9—20.

Крачковский, И. Ю. Арабские материалы о Шамиле в собраниях Академии Наук. [Докл. на сессии Академии Наук 19—20 мая 1933 г.] — Вестн. Акад. Наук СССР, № 7, стр. 5—8.

Критика и библиография. [Вопросы изуч. Востока: Араб. стр., Япония и др. Рец. и указатели]. — Рев. Восток, 1932, 34 (15—16), стр. 325 - 45.

Ландсберг, В. Е. Калийная промышленность Польши, Испании и Палестины. — Калий, 5, стр. 40—48

Лисовский, П. Борьба за иракскую нефть. — В сб. Колониальные пробл., 1, стр. 148—73.

Лисовский, П Экономический кризис в Египте в 1932 г. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 4, стр. 36—39.

Лурье, С. Я. К вопросу о египетском влиянии на греческую геометрию. — Тр. Ин-та истории науки и техники. сер 1, I, стр. 45—70.

Луцкий, В. Аграрный кризис и классовые противоречия в Египте. — Агр. пробл., 4—6, стр. 114—36.

Маллакелидзе, А. Египет в тисках мирового кризиса. — Пробл. марксизма, 1932, 6, стр. 126 - 42.

Надаб. Об аграрных отношениях в колониальном Египте. — Рев. Восток, 1 (17), стр. 74—99; 2 (18), стр. 91—125.

Неджибэ. Восточные женские конгрессы (окт. и ноябрь 1932 г. Дамаск, Ирак). — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 4 (10), стр. 131—39.

Некора, Л. Литература современного Египта. — Новый мир, 9, стр. 227—34.

Октябрьская годовщина в Сирии. [Работа Ком. Партии. С прил. письма Иракского О-ва рабочих механиков директору Междунар. бюро труда. Пер из «Ля Дефанс»]. — Мат-лы по национально-колониальным проблемам 2, стр. 141—46.

П. К. Современный аграрный вопрос в Египте. — В сб. Аграрный вопрос на Востоке. стр. 306—26.

Ронкин, Б. Л. Натронные озера Египта [Физ.-хим. анализ]. — Изв Ин-та физ.-хим. анализа, VI, стр. 311—22.

Саргиджан, Амир. Египтянин. Роман. Рис. Р. Граббе. М., Сов. лит-ра, 190 (2) стр. с илл.

Старинин, В. Положение египетского крестьянства. Египетская пресса о положении крестьянства и(в) вопросе о земельных долгах.— Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 3 (9), стр. 89—95.

Шами, А. Аграрный кризис в Египте. — В сб. Агр. кризис, кн. 4, стр. 165—82.

Юшманов, И. В. Латинизированный коран. [По поводу выхода из печати корана на лат. яз., Стамбул, 1932 г.] — Рев. и письменность, 1932, 4—5 (14—15), стр. 181—82.

Афганистан

Алексеенков, П. Аграрный вопрос в Афганском Туркестане. С прил. карты. М., изд. и тип. Междунар. аграрн. ин-та 107, (4) стр. с карт.

Генин, И. Афганистан. [Советско-афганск. торговля.] — Внеш. торг., 1932, стр. 10—11.

Демский, Л. Состояние культуры в Афганистане. — Просвещ. национальностей, 4, стр. 64—67.

Ильинский, Г. К вопросу об аграрных отношениях в афганском Каттагано-Бадахшане. Перераб. стеногр доклад в НИА НКП. — Рев. Восток, 2 (18), стр 160—82.

Палюкайтис, И. И. Таможенная политика Афганистана и его таможенная система. — В сб. Таможенная политика стран Востока, стр. 47—60.

Равич, Ник. Приподнятая завеса. (Борьба в Афганистане в период империалистич. войны.) — Звезда, 10, стр. 139—56.

Рейснер, И. Аграрный вопрос в Афганистане. — В сб. Аграрный вопрос на Востоке, стр. 226—53.

Индия

Азизов. На Индо-Афганской границе. (Восстание афганских племен.) — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 119—28.

Б. Дальнейшее углубление кризиса в хлопчатобумажной промышленности Индии и борьба индийских текстильщиков. [По мат-лам за 1933 г] — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 5 (11), стр. 63—84.

Баранников, А. П. Популяризация марксизма в Индии. Сб. памяти Карла Маркса. Акад. Наук СССР, стр. 815—26, с илл.

Бернс, Л. За всеобщую стачку текстильщиков Индии. — Красн. интерн. профсоюзов, 11—12, стр. 27—34.

Бернс, Л. Индийские реформисты и вопрос о единстве. (Проф. движение.) [Информ. мат-лы.] — Мат-лы по нац.-колониальн. пробл., 1, стр. 81—113.

Бернс, Л. Кризис, наступление на рабочий класс и борьба рабочего класса [в Индии]. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 1932, сб. 4—5, стр. 72—102.

Бернс, Л. Стачечная борьба в Индии. [Обзор за 1933 г.] — Красн. интерн. профсоюзов, 20, стр 30—37.

Вафа, Эс-Хабиб. Кремль. [Стихи.] Перевод с индустани Александра Кочеткова. — Красн. новь, 6, стр. 130—31.

Вафа, Ахмет-Эс-Хабиб. Раны горят. (Стихи). Перев. с индустани Александра Кочеткова. (М —Л.). ГИХЛ, 78 (2) стр.

Демский, Л. Деградация школы в современной Индии. — Нар. учит., 5. стр. 112—16.

Демский, Л. Школы Индии и британский империализм. — Просвещ. национальностей, 1932, 11—12, стр. 83—87.

Десай. Революционное юношеское движение в Индии на повороте. — Рев. Восток, 1932, 3-4 (15—16), стр. 314—24.

Джемс Томас. Расправа в Мируте. [Призыв к протесту против приговора над мирутскими узниками.] — Спутн. мопровца, 3, стр. 21—22.

И. С. Турбины Пельтона для гидростанции Shanan в Индии. — Вестник Всесоюзного объединения котлотурбинной промышленности, 3, стр. 60—63.

Кашкин, К. Восстание в Альваре. [Индия]. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 91—117.

«Конституционные» маневры британского империализма и очередное предательство Ганди. — Мат-лы по нац.-колониальным проблемам, сб. 2, стр. 55—75.

Кузнецов, А. Молодежь в индийской революции. — Интерн. молодежи, 10, стр. 39—42.

Культура арахиса в Индии. [Ж. «Дер Тропенпфлянцер» за 1932 г.] Пер. Лихачевой, Н. А. — Масличн. культура, 5. стр. 21—22.

Культура дерева папайя (Carica Papaya) и продукция «папэина» в Индии. [«International review of agriculture», № 8, march, 1933.] — Новые источники сырья [в пищ. промышленности], («Иносвязь»), 4, стр. 18—19.

Маздур, И. Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. — М., изд. и тип. Междунар. аграр. ин-та, 72 стр.

Мазут, И. К текущему моменту в Индии. — [Рост рев. движения. Обзор.] — Большевик, 14, стр. 45—64.

Маркс, Карл. Англия, туземная аристократия и князья в Индии. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 58—59.

Маркс, Карл. Об Индии [2 статьи]. — М., Парт. изд. 20 стр.

Маркс, К. Положение в Индии. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 60—62.

Масхари, Ибрагим. Идеи Октября в Индии. [Вместо обзора индийск. печати за 1932 г.] — Иностр. книга, 1932, 11 (15), стр. 22—26.

Мухарджи, А. Индусская конституция. — Рев. и национальности, 7 (40), стр. 79—82.

Нельсон. Программа и практика ренегатской группы Роя. [Пер. с англ.] — Рев. Восток, 1932, 3—4 (15—16), стр. 206—38.

Ольденбург, С. Ф. Новые индийские работы по истории и экономике Индии. [Докл. на сессии Акад. Наук. 19—20 мая 1933 г.] — Вестн. Акад. Наук СССР, № 7, стр. 1—4.

Оргвальд. Беседа с индийскими товарищами о задачах компартии Индии — Ком. Интерн., 29—30 (371—372), стр. 7—33. [Вопр. и ответы.]

Проект платформы действий Коммунистического союза молодежи Индии. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 1, стр. 114—27.

Рейснер. И. Аграрный кризис в Индии. — В сб. «Агр. кризис», кн. 4, стр. 110—54.

Рейснер, И. Маркс и индийская революция. — Агр. пробл., 2—3, стр. 207—29.

Рейснер, И. Подъем крестьянского движения в Индии. — Агр. пробл., 1932, 10—11, стр 201—14.

Стачечное движение в Индии нарастает. — Красн. интерн. профсоюзов, 19, стр. 44.

Статьи Маркса об Индии и Китае. — На заруб Востоке, 3—4, стр. 52—57.

Талина, С. Положение рабочего класса в индийской промышленности. [По материалам комсии Уитли]. — Рев. Восток, 1932, 3/4 (15/16), стр. 178—205.

Фрейер, Б. Положение промышленного пролетариата в Индии. [Введение к мат-лам королевской ком-сии по рабочему вопр. в Индии.] — Мир. хоз-во и мир. политика, 9, стр. 71—100.

Индокитай и Индонезия

Арджено. Причины восстания в военном флоте Индонезии. — В сб. «Колониальные пробл.», 1, стр. 108—12.

Губер, А. Аграрный вопрос в Индонезии. — В сб. «Аграрный вопрос на Востоке», стр. 143—70.

Губер, А. Аграрный кризис в Индонезии. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 1, стр. 150—59

Губер, А. Восстание в индонезийском колониальном флоте и революционное движение в Индонезии. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 3 (9), стр 30—57.

Губер, А. А. Индонезия. Соц. экон. очерки. М.—Л., Соц. эк. гиз., 278 (2) стр. (Труды Научн.-иссл. асс-ции по изуч. нац. и колониальных проблем. Вып. IX).

Губер, А. Национально-освободительное движение в Индонезии. — Рев. Восток, 1 (17), стр. 190—200; 3—4 (15—16), стр. 251—70.

Губер, А. Экономическое положение Индонезии в 1932/33 г. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 4, стр. 31—34.

Дитякин, В. Аграрный кризис в Индо-Китае. — В сб. Агр. кризис, кн. 4, стр. 87—109.

К. К истории юношеского коммунистического движения в Индо-Китае. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 4 (10), стр 122—30.

Каруновская, Л. Голландская Индия в освещении колонизаторов. [О 2-х томном издании: «Нидерландская Индия, страна и народ. история и управление, производство и общественная жизнь».] — Сов. этнография, 2, стр. 135—40.

Коммунистическая партия Индокитая. Программа действия Индокитайской компартии. — Ком. интерн., 1932, 34 (340), стр. 52—60.

Кризис и ревдвижения в 1932 г. [Индо-Китай] — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 2, стр. 77—90.

Муссо, К. Восстание на голландском броненосце «Де Цевен провинсиен» [1926 г. Из истории рабочего движения в Индонезии.] — Междунар. раб. движение, 2, стр. 15.

Резема, В. События в голландском флоте в Индонезии. — В сб. Колониальные пробл., 1, стр. 96—107.

Уроки восстания голландских моряков в Индонезии. — Ком. интерн., 11 (353), стр. 38—43.

Шервинский, С. В. Ост-Индия. Роман — (М.), ГИХЛ., 288, стр. 1, вкл. л. карт.

Китай

Аварин, В. К вопросу о классовой структуре манчжурской деревни. — Пробл. Китая, 12, стр. 128—202.

Аварин, В. Классовая борьба в Манчжурии до японской оккупации. — Борьба классов, 7, стр. 76—91.

Аварин, В. Экономическое положение Манчжурии после оккупации. — Мир. хоз-во и мир. политика, 4, стр. 51—80.

Алексеев, В. М. В. И. Ленин на китайском языке. — Вестник Академии Наук СССР, 1, стр. 13—20.

Алексеев, В. М. Вопросы, связанные с русскою транскрипцией на современной географической карте Китая. — [Записка к новой карте Китая — Монголии — Японии, изданной Госкартогеодезией ГГУВС НХ СССР.] — Изв. Гос. Геогр. общ., XV, в. 6, стр. 516—24.

Аркус, С. Борьба за китайский рынок и японская интервенция. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 1, стр. 27—32.

Аркус, С. Китай. [Конъюнкт. обзор за 1 полугодие 1932 г.] — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 1932, 9, стр. 1—8.

Аркус, С. Кризис в Манчжурии. Экон. обозр. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 4, стр. 20—21.

Аркус, С. Таможенная политика Китая. — В сб. Таможенная политика стран Востока, стр. 79—91.

Аркус, С. Экономические интересы держав в Шанхае. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 84—91.

Богданов, А. А. Ван Юн-чан. Поэма. Предисл. А. Ефремина. Худ. Б. Рыбченков. (М.), Моск. т-во писателей, 53 (6) стр. с илл.

Букштейн, О. С. Рынок нефтепродуктов Китая. — В сб. Импортные рынки стран Востока, стр. 135—40.

Булле, М. О. Chinese toiling women. How they are helping the chinese soviets. By M. O. Bulle. Moscow, Cooperative publ. Society of foreign workers in the USSR, International press. 31 стр.

Ван-Мин. Борьба с лилисяновщиной в китайской компартии. — Рев. Восток, 1932, 3—4 (15—16), стр. 144—59.

Ван-Мин. Крупная победа Красной армии Китая. — Ком. интерн., 18 (360), стр. 16—27.

Ван-Мин. О положении в Манчжурии и новом наступлении Японии на Китай. — Ком. интерн., 4—5 (346—347), стр. 8—17.

Ван-Мин. Письмо Ван-Мина Анри Барбюсу, Ромен Роллану и всем делегатам Антивоенного конгресса молодежи в Париже. [С призывом об ор—ции массовой борьбы в защиту сов. Китая от империалистов.] — Ком. интерн., 28 (370), стр. 27—28.

Ван-Мин. Советский этап китайской революции. Сокр. докл. т. Ван-Мина на XII пленуме ИККИ. — Проблемы Китая, 11, стр. 3—26.

Ван-Мин. Экономическая политика советской власти в Китае. — Ком. интерн., 24, (366), стр. 19—33.

Вельтнер, А. Китайская революция и социал-фашизм. — Пробл. Китая, 11, стр. 234—61.

Вельтнер, А. Пять лет советской революции в Китае. [К пятилетию Кантонской коммуны.] — Рев. и национальности, 1 (34), стр. 37—45.

Вишнякова, В. Углубление аграрного кризиса в Китае в 1932 г. — Пробл. Китая, 12, стр. 232—72.

Г. К. К пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса. [Китайский вопрос в истории марксизма.] — Пробл. Китая, 11, стр. 37—97.

Гальперин, С. Советы в Китае. — Власть советов, 14, стр. 6—9.

Гамберг, В. К вопросу об экономических позициях японского империализма в Китае. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 65—103.

Гамберг, В. Экономический кризис в Китае. Итоги 1932 г. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 4, стр. 15—19.

Гарвы. Комсомол Китая. (М.), Мол. гвардия, 67 стр. с илл.

Гриневич, П. Кризис Гоминдана. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 134—66.

Грумм-Гржимайло, Г. Е. Можно ли считать китайцев автохтонами бассейнов среднего и нижнего течений Желтой реки. — Изв. Гос. географического общества, т. XV, вып. 1, стр. 29—42.

Дюпонт, Гарри. Экономическая борьба в гоминдановском Китае. — Красн. интерн. профсоюзов, 11—12, стр. 22—27.

Иолк, Е. Пять лет советской власти в Китае. [К пятилетию Кантонск. коммуны.] — Пробл. Китая, 11, стр. 27—37.

Итин, Вивиан. Китайский Октябрь. [Стихи.] Авториз. пер. из америк. журн. «Новые массы», сент. 1930 г. В сб. Шаги, Новосибирск, 1932, стр. 178—80.

Казанин, М. Империализм и проблемы Шанхайского сеттльмента. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 52—64.

Казанин, М. Национальный состав Китая. — Пробл. Китая, 11, стр. 98—154.

Кан-Сень. К вопросу о росте компартии в гоминдановском Китае. — Ком. интерн., 32 (374), стр. 74—75.

Кара-Мурза. Карл Маркс и китайская революция. — Ком. интерн., 7—8, стр. 88—98.

Кара-Мурза, Г. Китайский торгово-ростовщический капитал во Внутренней Монголии. — Пробл. Китая, 11, стр. 155—209.

Китайское революционное движение в борьбе за единый фронт. — Красн. интерн. профсоюзов, 19, стр. 40—41.

Киш, Эгон Эрвин. В Китае (Очерки). Пер. с нем. Веры Гурвич. — Красн. новь, 10, стр. 138—61.

Kisch, Egon Erwin. Egon Erwin Kisch enthüllt: China geheim. Moskau — Leningrad, Verlagsgenossenschaft ausländischer arbeiter in der UdSSR. «Internationale» druck. in Moskau, 216 стр.

Клюкин, И. А. Новые данные о племени гардуш'ей и толис'ов. [Историч. справки из орхонск. каменописных текстов и китайск. текста «Таннун».] — Вестн. Дальневост. отд-ния Акад. Наук СССР, 1932, 1—2, стр. 91—98.

Ковалев, Е. Аграрный кризис в Сев. Манчжурии. — Агр. пробл., 1932, 12, стр. 17—36. В сб. Агр. кризис, кн. 4, стр. 65—86.

Ковалев, Е. Японская интервенция и национально-освободительная война в Манчжурии. (Обзор). — Аграрные проблемы, 7—8, стр. 133—46.

Константинов, Н. Педагогические «опыты» американского империализма в Китае. (Тзинг-Хуан-колледж и его политич. задачи.) — Просвещ. национальностей, 4, стр. 67—70.

Красин, А. Кризис в Китае. — Рев. Восток, 1 (17), стр. 150—67; 2 (18), стр. 51—73.

Критика и библиография. [Рец. и указатели лит-ры.] — Пробл. Китая, 11, стр. 262—78.

Кузнецов, А. Шестой поход [Гоминдана] против китайских советов. — Интерн. молодежи, 15, стр. 14—16.

Куо, Евгений. Аграрный вопрос в современном Китае. — В сб. «Аграрный вопрос на Востоке», стр. 49—95.

Куо, Евгений. Углубление аграрного кризиса, подъем крестьянского революционного движения в Китае и задачи китайской компартии. — Агр. пробл., 9—10, стр. 113—34.

Кучумов, Вл. О некоторых особенностях китайской революции и стратегических установках китайской компартии на различных этапах революционного движения. — Пробл. Китая, 12, стр. 22—45.

Летова. Японо-манчжурская внешняя торговля. — Внеш. торг., 11, стр. 9—10.

Ли-Мин Вербовочная кампания КПК в Шанхае. —Ком. интерн., 24 (366), стр. 50—55.

Ли Те-Хуа. Образование в советском Китае. — Нар. учит. 5, стр. 110—12.

Ли-Хуан. Армия народа (Китайская кр. армия). [Записки китайского красноармейца.] — Интерн. молодежи, 15, стр. 17—18.

Мамаева, Р. Аграрная политика советского правительства в Китае к XV годовщине Октября. — Агр. пробл., 1932, 10—11, стр. 107—16.

Мамаева, Р. Аграрный кризис в Китае. — В сб. Агр. кризис, кн. 4, стр. 23—64.

Мамаева, Р. Аграрная политика советского правительства в Китае к XV годовщине Октября. — Агр. пробл., 1932, 10—11, стр. 107—16.

Маркс, Карл. Революция в Китае и в Европе. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 62—65.

Метозада, Цумото. Шанхайская операция. [Борьба вокруг Шанхая.] Перев. Е. И. Смоленцева. — Воен. зарубежник, 8, стр. 151—75.

Мирза Гулам. Наступление английского империализма в Тибете и Западном Китае. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 129—39.

Миф, П. Новое развитие революционного кризиса в Китае [и задачи компартии Китая]. — Ком. интерн., 10 (352), стр. 30—37.

Миф, П. Уроки шанхайских событий и компартия Китая. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 3—8.

Миф, П. Что происходит в Китае. [Война и революция 1931—33 гг.] — Большевик, 12, стр. 82—87.

Наследники красного Кантона. [Рев. борьба армии Китая. 1927—1932 г.] — Интерн. молодежи, 1932, 24, стр. 1—6.

На защиту советского Китая против империалистической интервенции. [Задачи компартии.] — Ком. интерн., 28 (370), стр. 3—6.

Насонов, Н. Дальневосточная война и пятилетие китайских советов. — Рев. Восток, 1932, 3—4, 15—16), стр. 160—77.

Невский, Н. А. О наименовании Тангутского государства. — Зап. Ин-та востоковедения Акад. Наук, II, 3, стр. 129—50.

Никольский, М. Советско-китайская торговля. — Внеш. торг., 10, стр. 3—6.

Новый метод провокации Гоминдана. [Преследование компартии Китая.] — Ком. интерн., 10 (352), стр. 37—39.

Обращение ЦИК Китайской советской республики. К рабочим, крестьянам, интеллигентам США, Англии, Японии, Франции, Германии. Ко всем трудящимся, ко всем врагам империализма, ко всем друзьям китайского народа. [Призыв о помощи в борьбе против междунар. империалистов.] — Ком. интерн., 28 (370), стр. 22—24.

Палюкайтис, И. И. Таможенная система Синьцзяна. — В сб. Таможенная политика стран Востока, стр. 61—74.

Пантелеев, Ив. На аванпостах советского Китая. [Рост комсомола.] — Интерн. молодежи, 9, стр. 23—26.

Пантелеев, Ив. Советы в Китае — Мол. большевик, 8, стр. 22—25.

Партизанская война в Манчжурии. — Пропагандист РККА, 6, стр. 24—30.

Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30—50 гг. XIX в. — Красн. архив, 1932, 11 (53), стр. 162—66.

Перлин, Б. С. О Китае. В помощь докладчику. Под ред. В. Кучумова. С прил. карты Китая и соседних стран. М.—Л., Изогиз, 34 стр.

Пэн Пай. За кулисами Гоминдана. Хуасяньский конфликт. — Мол. гвардия, 8, стр. 119—28; 10, стр. 129—34; 11, стр. 119—22; 12, стр. 113—19.

Пэн Пай. Красный Хайфын. (Воспоминания.) С китайск. А. Ивин. — М.—Л. Гос. изд. худ. лит-ры, 1932, 77, (2) стр. (Новинки иностр. рев. лит-ры).

Руки прочь от советского Китая. Обращение ЦИК Китайской советской республики. — Интерн. молодежи, № 15, стр. 12—13.

Скачков, П. Е. Внутренняя Монголия. (Экон.-геогр. очерк.) — М. Научн.-иссл. асс-ция по изуч. нац. и колониальных проблем, 149, (2) стр. (Труды Научн.-иссл. асс-ции по изуч. нац. и колониальных проблем. Вып. X).

Скляров, Д. Экономическая политика японского империализма в Манчжурии. М. — Л., Партиздат, 1932, 140 стр. + карта.

Снегирев, И. Л. Иероглифическое письмо и палеонтология семантики. — Изв. Акад. Наук СССР, сер. VII, Отд. общ. наук, 4, стр. 333—36.

Советы в Китае. Сборник материалов и документов. Вводная статья Е. Иогансон и О. Таубе. Пер. с нем. М., Партиздат, VI, 519 (5) стр. 6 вкл. л. Карт. Научн. иссл. ин-т по Китаю. Колониальный сектор ИМХ и МП (при Ком. Акад).

Сорхи, В. Зарубежная пресса о пятом антисоветском походе и советах в Китае. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 80—90.

Сюй Гуан. Лубяные растения в Китае. Пер. XXXVI гл. «Нунчжен цюан шу». [Китайский сельскохозяйственный трактат, написанный Сюй Гуан (562—1634 гг.).] С прим. К. К. Флуга. — За новое волокно, 3, стр 29—34.

Т. В. Перед новыми боями [Итоги рабочего движения в Китае в 1932 г.]. — Пробл. Китая, 12, стр 203—31.

Т. В. Рабочее движение в Китае в 1931—1932 гг. — Пробл. Китая, 11, стр. 210—33.

Т. В. Шанхайский пролетариат и оборона Шанхая. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 195—213.

Тан Чин-Чи. Женщина в советском Китае. — Ком. интерн., 4—5 (346—347), стр. 55—56.

Танг-Шин-ше. От Кантонской коммуны к советскому Китаю. М., изд. ЦК Мопр СССР, 10 стр. с карт.

Таранченко, Г. Желтые гоминдановскиl профсоюзы в Китае. — Вопр. профдвижения, 11 (39), стр. 96—109.

Терентьев, Н. Кризис на Дальнем Востоке. — В сб. Колониальные пробл., 1, стр. 31—50.

Третьяков, С. М. Детство Ден Ши-хуа. (Для детей старш. возраста.) (М.—Л.) «Мол. гвардия», 232 стр. с илл.

Фанг, Ал. Лю [Китайск. комсомолец. Очерк героич. борьбы]. — Интерн. молодежи, 34, стр. 27—31.

Фанг. Революционный кризис и борьба китайского комсомола с Гоминданом и империализмом. — Рев. Восток, 1932, 3—4 (15—16), стр. 300—07.

Фесенко, П. И. Классовое расслоение и обнищание дехканства в синьцзянском кишлаке. — Революционный Восток, 1932, 3—4, (15—16), стр 271—81.

Флуг, К. К. См. Сюй Гуан.

Чанг, Пионеры советского Китая. — Интерн. молодежи, 2—4, стр. 44—47.

Чжен Сю. Красноармейцы Цзянси и Хубея. [Работа комсомола в кр. армии Китая.] — Интерн. молодежи, 3/4, стр. 24—26.

Чен-Мин. Основное в работе китайского союза. [Комсомол.] — Интерн. молодежи, 11, стр. 20—24.

Шпринцин, А. О работе китайской секции ДВК НА [нового алфавита]. — Рев. и письменность, 1 (16), стр. 64—67.

Эренбург, Г. Заметки о советском Китае. — Мол. гвардия, 7, стр. 84—95.

Эренбург, Г. Разрешение аграрного вопроса в советских районах Китая. — На агр. фронте, 1932, 3, стр. 123 - 30.

Эренбург, Г. Б. Советский Китай. М., Партиздат, 96 стр.

Южный, А. Военная операция в Шанхае. (Японск. интервенция. 1932 г.) — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 101—33.

Юн-Лит. Красная армия Китая — мощный отголосок Красной армии СССР. — Междунар. раб. движение, 2, стр. 7—9.

Корея

Ли-Канг. Аграрный кризис в Корее, колониальная политика японского империализма в области аграрных отношений в Корее. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сборн. 2 (8), стр 26—54; сб. 3 (9), стр. 58—72.

Ли-Канг. Крестьянское движение в Корее. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 5 (11), стр. 33—62.

Ли-Канг. Положение корейского рабочего класса. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл. сб. 4 (10), стр. 31—58.

Ли-Сеул. Вопросы юношеского движения в Корее. — Рев. Восток, 1932, 3—4, (15—16), стр. 308—13.

Монголия

Берлинский, П. М. Монгольский певец и музыкант Ульдзуй-Лубсан-Хурчи. Опыт анализа монг. устного муз.-поэтич. творчества. Со вступ. статьей, текстами, русск. переводом и нотными записями. Рус. перевод текстов Солбонэ-Туя (П. Н. Дамбинова). Тексты и перевод под ред. Гомбоджаб Мерген. М. Музгиз., 128 стр. с портр. и нотами. (Бур.-монг. гос. ин-т культуры).

Грумм-Гржимайло, Г. Е. Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных. — Изв. Гос. геогр. о-ва XV, 2, стр. 167—77.

Казакевич, В. А. Материалы к истории китайских военных экспедиций в Монголию. — Зап. Ин-та востоковедения, II, вып. 3, стр. 151—60, с илл.

Калинников, А. Аграрные отношения и антифеодальная аграрная революция в Монголии. — В сб. Аграрный вопрос на Востоке, стр. 96—142.

Поппе, Н. Н. Вопросы грамматики монгольского языка. — Зап. Ин-та востоковедения Акад. Наук, II, 2, стр. 51—68

Поппе, Н. Н. Перевод тезисов о Фейербахе К. Маркса на монгольский язык. (Л., тип. Акад. Наук СССР, 3 стр.)

Смирнов, В. А. Аршаны Монголии. Л., изд. и тип. изд-ва Акад. Наук СССР (4), 48 стр.

Смирнов, В. А. Газы Монголии. (По данным Монг. экспедиции Акад. Наук 1926 г. и экспедиции Монг. учен. ком-та 1927 г.) (Л.), Госхимтехиздат, Ленинград, 11 стр.

Усиевич, А. А. Таможенный тариф Монголии. — В сб. Таможенная политика стран Востока, 75—78.

Персия

Англо-персидский нефтяной конфликт. [По данным на 10 дек. 1932 г.] — Мат-лы по нац.-колониальн. пробл., 1, стр. 128—49.

Англо-персидский нефтяной конфликт. Политическая сторона англо-персидского конфликта. [Из статьи Анри Ролена.] — На зарубежном Востоке, № 3—4, стр. 162—70.

Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг. [Публикация журнала «Особых совещаний по персидским делам».] — Красн. архив, 1 (VI), стр. 33—64.

Биффи. Современный кризис в Персии. — В сб. Агр. кризис, кн. 4, стр. 155—64.

Генин, И. А. Таможенная политика Персии. — В сб. Таможенная политика стран Востока, стр. 33—46.

Гюрза. Материалы к вопросу об аграрных отношениях в Персии. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 3 (9), стр. 111—25.

Завриев, Д. Насардов, А. Персидский транзит через СССР. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 1932, 10, стр. 30—38.

Контингенты ввоза в Персию на 1311 хозяйственный год (с 13 VI 1932 г. по 22 VI 1933 г.). — Ежемес. Всес. торг. палаты 1932, 10, стр. 98—121.

Развитие кризиса в Персии в 1932 г. Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 2, стр. 123—40.

Лахути, Гасем. Наша армия — Красная, родина наша — СССР. [Стихи.] Пер. с персидск. Пану Бурханова. — Залп, 7—8, стр. 30.

Марр, Ю. Н. Забытая заметка академика В. В. Бартольда. [«To the question of early persian poetry», (Bulletin of the School of Oriental Studies, London instit., 1923, v. II, part IV.)] — Изв. Акад. Наук СССР, 1923, 3, стр. 254—278.

Новинская, И. Современный аграрный вопрос в Персии. — В сб. Аграрный вопрос на Востоке, стр. 254—278.

Попов, А. Царская Россия и Персия в эпоху Русско-японской войны. [Предисловие.] — Красн. архив, IV (53), 1932, стр. 3—13.

Р. К вопросу о персидской революции 1906—1911 г. — Рев. Восток, 2 (18), стр. 183—200.

Ренджбар. Борьба за персидскую нефть. — В сб. Колониальные пробл., 1, стр. 127—47.

Ренджбар. Тов. Султан Задэ как выразитель мелкобуржуазного влияния в вопросах персидской революции. — Рев. Восток, 1 (17), стр. 54—73; 2 (18), стр. 74—90.

С. Р. Английский империализм и персидская нефть. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 2, стр. 52—54.

Северная Персия [Хорасан. Астрабад. Гилян. Макинско-хойский район. Урмийский район (ныне Резайе)] Сборник консульских докладов. М., НКИД, 80 стр.

Соседко, А. Ф. Орографический и геологический очерк Северо-восточной Персии. — Изв. Гос. Геогр. о-ва, XIV, 4—5, стр. 372—86.

Тардов, В. Основные черты производственных отношений у племен Персии. (Часть работы автора об аграрных отношениях Персии). — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 3 (9), стр. 126—72.

Торговая политика Персии в 1932 г. — Внеш. торг., 5, стр. 6—7.

Хацревин, З. Персидские рассказы. [Из книги «Тегеран».] — Красн. новь, 3, стр. 147—53.

Шитов, Г. В. Персия под властью последних Каджаров. Л., изд. и тип. изд-ва Акад. Наук СССР, 229 (1) стр. с илл.

Турция

Анталиани. Турция. — Экономика и внешн. торговля, 1932, 32—33, стр. 9—11.

Василич, Н. Советские футболисты в Турции. — Физкультура соц. строит-во, 1932, 12, стр. 45—47.

Генин, И. Мировой экономический кризис и Турция. — Мир. хоз-во и мир. политика, 7, стр. 115—26.

Генин, И. Внешняя торговля и торговая политика Турции в 1932 г. — Внеш. торг., 3, стр. 7—9.

Генин, И. Промышленное развитие Турции. участие в нем СССР. — Внеш. торг. 16, стр. 11—13.

Davut, D. Конгресс по турецкому языку. (Сокр. отчет из стамбульск. газ. «Le Journal d'Orient» 1931 г.) — Рев. и письменность, 1932, 4—5 (14—15), стр. 178—81.

Елецкий, И., Брандт, Я. Турецкий шерстяной рынок. — Шерст. дело, 3, стр. 58—60.

Елецкий, И., Брандт, Я. Турецкий рынок ангорской козьей шерсти (тифтик). — Шерст. дело, 4—5, стр. 64—66.

З-к, С. Новый закон о контингентировании импорта в Турцию. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 1932, 10, стр. 120—24.

За-в, Д. Аграрный кризис и положение крестьянства в Турции. — На заруб. Востоке, 3—4, стр. 140—48.

Защук, С. Л. Таможенная политика Турции и ее таможенные тарифы. В сб. Таможенная политика стран Востока, стр. 3—18.

Защук, С. Л. Импорт в Турцию машин и металлов. — В сб. Импортные рынки стран Востока, стр. 51—70.

Кассиль, Лев. Генеральный матч. («Турция — СССР». Рассказ.) — 30 дней, 5, стр. 9—17.

М. Экономический кризис в Турции. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 4 (10), стр. 59—81.

Мамлей. Изменение структуры турецкого импорта. — Внеш. торг., 19, стр. 1—2.

Материалы по аграрному вопросу в Турции. — Мат-лы по нац.-колониальн. пробл., сб. 3 (9), стр. 73—88.

Мировой рынок табачного сырья [Суматра, Ява, Болгария и Турция] за истекший год, «Wirtschaftsdienst» H. 51, 23 (XII-32) — Таб. махор. пром-сть («Иносвязь»), 2 (16), стр. 25—28.

Никулин, Л. Анкара — Смирна. (Очерки совр. Турции.) — 30 дней, 10, стр. 23—26.

Новичев, А. Отмена капитуляций в Турции. — Борьба классов, 12, стр. 24—28.

Новичев, А. Проблема промышленного развития современной Турции. — Проблемы марксизма, 5, стр. 96—113.

О. Г. Борьба за молодежь в Турции. (Тактика кемалистов.) — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 5 (11) стр. 85—97.

П. К. Цементная промышленность в Турции, — Строит. мат-лы, 1932, 11 (39), стр. 123—24.

Постановление Совета министров Турции относительно контингентов импорта в октябре, ноябре и декабре 1932 г. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 10, 1932, стр. 125—26.

Промышленность Турции. (Из мат-лов Съезда промышленников за 1930 год.) — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 2, стр. 91—122.

Самойлович, А. Языковое строительство в Турции. — В сб. Письменность и революция, 1, стр. 187—91.

Тишанский, Ю. По новой Турции. М., Мол. гвардия, 134 (2), стр. с илл.

Фахри. Компартия Турции в борьбе за массы. Из «Рундшау» № 10 от 20/IV 33 г. — Ком. интерн., 22 (364), стр. 42—46.

Федоров, И. Турция на современном этапе кризиса. [Вопр. внеш. торговли.] — Внеш. торг. 9, стр. 15—17.

Янский, Гр. Четырехлетие латинизации (алфавита) в Турции. — Рев. и письменность, 1 (16), стр. 142—58.

Черная Африка

Джексон, Т. Южноафриканская федерация профсоюзов и работа среди горняков. — Красн. интерн. профсоюзов, 11—12, стр. 35—39.

Зусманович, А. З. Принудительный труд и профдвижение в негритянской Африке. М., изд. и тип. Профиздата, 180 стр.

Перельсон, Е. Нефтяной рынок Южно-африканского союза. — Внеш. торг. 1932, 32—33, стр. 17—19.

Шийк, А. Аграрный кризис в негритянской африке. — В сб. агр. кризис, кн. 4, стр. 257—324.

Шийк, А. Аграрный вопрос в Ю. А. С. (Южноафриканский союз). — В сб. Аграрный вопрос на Востоке, стр. 327—61.

Шийк, А. Аграрная политика империалистов в черно-африканских колониях. [Противоречия колониальной политики империалистов и основные итоги довоен. развития.] Продолжение. — Агр. пробл., 1932, 12, стр. 86—102.

Смолянский, Г. Рабочее движение в 1931 г. (Южно-африканский союз). — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 1932, 4—5, стр. 156—80.

Япония

(См. также Китай)

А. Год борьбы рабочего класса Японии. [Итоги 1933 г.] — Красн. интерн. профсоюзов, 20, стр. 24—29.

Аки. По столбцам японской партпечати. (Обзор.)—Ком. интерн., 13—14 (355—356), стр. 84—88; 15 (357), стр. 58—62.

Александров, Б. Подмандатные острова Японии на Тихом океане. — В сборн. Колониальные пробл. 1, стр. 51—62.

Александровский, С. Планирование ремонта паровозов в Японии и США. — За овлад. иностр. техн. ж.-д. трансп., 2—3, стр. 14—20.

Аркус, С. Экономическое наступление японского империализма в Манчжурии. — Пробл. Китая, 12, стр. 46—63.

Асагири. Положение и борьба текстильщиц в Японии. — Красн. интерн. профсоюзов, 11—12, стр. 16—21.

Астауров, Б. Л. Племенное шелководство в Японии и задачи шелководства в СССР. Под ред. проф. Н. П. Дубинина. С вступ. статьей М. Л. Шпигеля и Н. П. Дубинина. Сост. по матер. и лит. источникам, собранным М. Л. Шпигелем в Японии в 1930 г. во время командировки для изучен. шелководства. М. Л., Союзшелк-Сельхозгиз, 192 стр. [Цикл. «Японское шелководство», кн. 4.]

Барсуков. Е. З. Как вооружается японский империализм. Хабаровск, изд. и тип. Дальпартиздата, 22, (2) стр.

Безработица и политика капиталистов. Пер. из ж. «Санге Роло Дзихо», № 30, 1932. Пер. Е. Тарновская. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 1932, сб. 45, стр. 3—23.

Богаевский, Б. Л. Археология на службе у японского империализма. — Сообщ. ГАИМК, 5—6, стр. 7—20.

Бонч-Осмоловский, А. Ф. Таможенная политика Японии. — В сб. Таможенная политика стран Востока, стр. 92—104.

Бонч-Осмоловский, А. Ф. Япония как импортный рынок хлебопродуктов. — В сб. Импортные рынки стран Востока, стр. 144—53.

Ватанабе Кибо. О тактике компартии Японии в деревне. — Комунист интернационал, 18 (360), стр. 30—40.

Ватанабе Кибо. Японский империализм в авангарде организации контрреволюционной войны. — Ком. интерн., 28 (370), стр. 10—16.

Витмар, Л. По Японии. Очерки. Предисл. В. М. Примакова. Свердловск — Москва, Уралогиз, 94 (2) стр. с илл.

Военные самолеты Америки и Японии. (Обзор конструкций.) — Самолет, 2—3 (72—73), стр. 13, 39.

Волк, Я. Военно-инфляционный характер роста промышленности Японии. — Ком. интерн., 32 (374), стр. 39—43.

Волк. Революционный подъем в Японии. (Из докл. т. Волка в Ин-те мирового хоз-ва и мировой политики Комакад. от 13 окт. 1932 г.) — Вестник Комунист академии, 1932, 11—12, стр. 171—76.

Волк, Я. Революционный подъем в Японии. — Большевик, 1932, 21, стр. 61—80.

В японской деревне. [Статьи и заметки из «Правды» за 1933 г.]—М., Партиздат, 21 (1) стр.

Гай, Г. Д. Русско-японская война 1904—1905 гг. (Конспект.) М. лит. им. К. Ворошилова. 137 стр. (Воен. возд. Акад. РККА им. проф. Н. Е. Жуковского. Кафедра воен. истории). На правах рукописи. Литогр. изд.

Движение безработных [1931—1932 г.]— Мат-лы по нац.-колониальным пробл. 1932, сборн. 4—5, стр. 23—34.

Дементьев, В. Л. Импорт и потребление продуктов горной промышленности Японии. — В сб. Импортные рынки стран Востока, стр. 163—72.

Дементьев, В. Л. Японский рынок и наш экспорт. — За индустр. сов. Востока, 1932, 4, стр. 114—56.

Изменения в действующем таможенном тарифе Японии. — Внеш. торг., 16, стр. 21.

Ильин, Н. Н. Современная японская школа. — Ком. просвещение, 3, стр. 128—31.

Иолк, Е. Японский империализм перед новыми авантюрами. — Большевик, 19, стр. 38—55.

Иота. Некоторые хозяйственные итоги 1932 г. в Японии. — Мир. хоз-во и мир. политика, 4, стр. 81—98.

К-ва, А. Крестьянское движение в Японии к XV годовщине Октябрьской революции. — Агр. пробл., 1932, 10—11, стр. 185—92.

Канторович, Л. Пять японских художников. Л., 110 (1) стр. с илл. (Издательство писателей в Ленинграде).

Катоака, Теппей. Монтеры (Рассказ.) — В сб. Сб. япон. рев. лит-ры, стр. 146—57.

Катоака, Теппей. Повесть о мирном житье-бытье деревни Кйори. — В сб. Сб. Япон. рев. лит-ры, стр. 90—118.

К десятилетию японской компартии. [Приветствия и воззвания.] — Ком. интерн., 1932, 33 (339), стр. 47—60.

Классовые бои на военных предприятиях в Японии. — Красн. интерн. профсоюзов, 19, стр. 44—45.
Кобаяси, Такидзе. Крабоконсервная фактория. (Рассказ.) — В сб. япон. рев. лит-ры, стр. 9—64.
Кобаяси, Такидзе. Пятнадцатое марта 1928 г. Рассказ о действительных событиях. — В сб. Сб. япон. рев. лит-ры, стр. 65—80.
[Кобаяси, Такидзе.] Такидзе Кобаяси. [Японск. рев. писатель. Некролог.] — Интерн. лит-ра, 2, стр. 160.
Колпакчи, Е. М. и Н. Невский. Начальный учебник японского разговорного языка. Л., Ленингр. вост. ин-т, 8, 128 стр. (ЦИК СССР. Ленингр. вост. ин-т, сер. 47).
Коммунистический интернационал. Исполн. ком-т Зап.-европейского бюро. Тезисы о положении Японии и о задачах японской коммунистической партии. [Пер. с нем. из ж. «Inprecor» № 42, 1932]. — Материалы по национально-колониальным пробл., сборн. 3 (9), стр. 3—24.
Корона, Б. Торговое проникновение Японии в Персию. — В сб. Импортные рынки стран Востока, стр. 106—14.
Крестьянская молодежь Японии. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сборн. 3 (9), стр. 25—29.
Крючкова, А. Аграрный кризис в Японии. — В сб. Агр. кризис, кн. 4, стр. 3—22.
Кунах, А. К. Японские методы в организации производства [паровозо-ремонтного завода в Муране]. — Вест. инж. и техн., 1932, 12, стр. 531—34.
Курошима, Деньзи. Фабрика в море. [Рассказ.] — В сб. Сб. япон. рев. лит-ры, стр. 119—36.
Летова. Англо-японская торговая война. — Внеш. торг., 15, стр. 11—13.
Летова. Японо-манчжурская внешняя торговля. — Внеш. торг., 11, стр. 9—10.
Лукьянова. Итоги 1932 года в японской экономике. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 2, стр. 3—25.
Лукьянова, М. Стачечное движение в Японии за вторую половину 1931 г. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 1932, сб. 4—5, стр. 34—51.
Лукьянова, М. Стачечное движение в Японии за вторую половину 1931 г. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., 1932, сб 4—5, стр. 34—51.
Лукьянова. Стачечное движение в Японии в 1932 г. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб 5/11, стр. 3—32.
Маковский, Г. М. Электрохимическая промышленность в Японии. [Электр. рафинировка металлов № 13, 1933.] (Реферат.) — Цветн. металлы, 7, стр., 146—47.
Маркевич, В. Стрелковое оружие Японии. — Техн. и вооружение, 1, стр. 29—30.
Марков, А. Попытки народнохозяйственного «регулирования» и «планирования» в Японии. — План. хоз-во, 4, стр. 163—91.
Материалы. [К захвату Японией] в янв. 1932 г. Воззвание ЦК компартий отд. стран, Центр. временного правительства Сов. республики в Китае, профсоюзных, рабочих и солдатских ор-ций Китая. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 214—26.
Минеев, А. Аграрный вопрос в Японии. Современный аграрный строй. — В сб. Аграрный вопрос на Востоке, стр. 3—48.
Мосина, Ю. Экономические последствия японской интервенции для Шанхая. — Пробл. Китая, 1932, 10, стр. 167—78.
Мышкин, Е. Японский социал-фашизм в борьбе за капиталистический выход из кризиса. — Рев. Восток, 1 (17), стр. 29—53; 2 (18), стр. 25—50.
Н. М. Агрессия японского империализма на Дальнем Востоке. — Рев. Восток, 1932, 3—4, стр. 126—143.
Ненароков, В. Советский лесоэкспорт в Японию. М., Гослестехиздат, 130 (2) стр. с илл.
Несколько цифр о рыбной промышленности Японии. — Рыбн. хоз-во СССР, 8—9, 1932, стр. 70—71.
Об авторах Сборника [япон. рев. лит-ры. Крат. биографии]. — В Сб. японс. рев. лит-ры, стр. 178—79.
Огата, К. «Политическая» работа в японской армии. — Воен. вестн., 8, стр. 69—78.
Пак. Углубление аграрного кризиса и рост крестьянского движения в Японии. — Рев. Восток, 1 (17), стр. 138—49.
Пик, Вильгельм. Соболезнование ЦК германской компартии. [По поводу смерти Сен-Катаяма.] — Ком. интерн., 32 (374), стр. 3.
Плетнер, Е. Обзор крестьянского движения в Японии. — Агр. пробл., 9—10, стр. 135—48.
Покладок, М. Япония и ее вооруженные силы. (Пояснит. текст и серии киноплен. диапозитивов) № 458. М., тип. Госиздата ССР Армении, 23 стр.
Положение и борьба японской работницы. — Мат-лы по нац.-колониальным пробл., сб. 4 (10), стр. 3—30.
Положение трудящейся молодежи Японии. Пер. из ж. «Санги Родо» № 42 за 1932 г. — Мат-лы по нац.-колониальн. пробл., сб. 1, стр. 39—48.
Преображенский, П. Русско-японская война и образование Антанты. [Докл. на Междунар. историч. конгрессе, происходившем в Варшаве 21—28 авг. 1933 г.] — Борьба классов, 10, стр. 158—62.
Пример, которому надо следовать. Фабрично-заводские газеты япон. большевиков. — Ком. интерн., 33 (375), стр. 74—80.
Радек, К. Японский и европейский фашизм. [О кн. О. Танин и Е. Иоган «Военно-фашистское движение в Японии».] — Большевик, 21, стр. 36—96.
Розан, М. Англо-японская конкуренция на мировом рынке хлопчатобумажных тканей. — Внеш. торг., 1932, 32—33, стр. 15—17.
Савва. Трудящаяся молодежь Японии в борьбе против войны. — Рев. Восток, 1932, 3—4 (15—16), стр. 289—99.
Сведения о военно-морских силах [Японии, Великобритании, Франции и Италии]. — Мор. сб., 5, стр. 116—23; 6, стр. 147—59
Седов, А. О некоторых итогах проведения японской системы ремонта [паровозов]. — Тяговое хоз-во, 1932, 11—12, стр. 27—30.
Сен-Катаяма. Гавайи — стратегический узел на Тихом океане. — Ком. интерн., 17 (359), стр. 48—56.

Сен-Катаяма. К вопросу о зарождении и развития марксизма в Японии. — Ком. интерн., 7—8, стр. 78—87.

Сен-Катаяма. Японский империализм и война. — Ком. интерн., 21 (363), стр. 19—23.

Сенкити, Фудзимори. Человек, который не аплодировал. (Рассказ). — В Сб. япон. рев. лит-ры, стр. 137—39.

Сно, К. Наступление японского империализма и обострение конфликта на Дальнем Востоке. — Партработник, 11, стр. 66—71.

Спальвин. Японский разговорный язык. Первый и второй концентры, Третий концентр с приложением 3000 полезных слов; приложение. Токио — Харбин, «Наука», 3 тома.

Стандартное перевооружение японских военновоздушных сил. — [«Луфтвахт», 1932, № 8]. Вестн. противовозд. обороны, 8—9, стр. 70.

Строительство Таннского железнодорожного тоннеля в Японии. — Метрострой, 4, стр. 30—32.

Табаководство и табачная промышленность в Японии [«Revue des tabacs», mars 1933, № 93]. — Таб. пром-сть, («Иносвязь»), 5 (19), стр. 25—28.

Танин, О. и Е. Иоган. Военно-фашистское движение в Японии. Предисл. К. Радека. М., Партиздат, XVI, 270, (2) стр.

Тезисы о положении в Японии и о задачах японской коммунистической партии. [Перевод с немецкого из журн. Inprecor» № 42 от 20 V 32 г.] — Мат-лы по нац.-колониальным проблемам, сборн. 3 (9), стр. 3—24.

Тода, С. Белый террор в Японии. (М.), Изд-во ЦК Мопр СССР, 37 (2) стр.

Токунага, Наоси. Комитет повышения производительности. [Рассказ.] — В сб. Сб. япон. рев. лит-ры, стр. 158—77.

Токунага. Осада фабрики. Рассказ япон. пролет. писателя. — Интерн. молодежи, 1932, 13, стр. 12—13.

Топеха, П. Борьба японского пролетариата против империалистической войны, за защиту СССР. — Пробл. Китая, 10, 1932, стр. 179—94.

Туров, А. Война и революционное движение в Японии. Хабаровск, изд. и тит. Дальпартиздата, 69 (2) стр.

Угольная промышленность Японии. Сост. по «Glückauf» № 45, 1932 г. — За овлад. техн. в каменноуг. пром—сти, 1, стр. 58—60.

Фанг, Ал. Террор в Японии. [Борьба с коммунизмом.] — Интерн. молодежи, 7—8, стр. 44—45.

Фукада. Хи-дзйодзи. (Родина в опасности.) (Боевой клич японск. империализма в подготовке к войне за гегемонию на Д. Востоке.) — Красн. интерн. профсоюзов, 13, стр. 26.

Хамадан, Ал. Почему Япония захватила Жэхэ. — Мол. большевик, 5—6, стр. 32—34.

Хаяма. Японская экономика в 1932 г. — Конъюнкт. мир. хоз-ва, 3, стр. 35—40.

Хаяши, Фусао. Коконы. (Рассказ.) — В сб. Сб. япон. рев. лит-ры, стр. 139—45.

Чио Окада. «Если японскую ткачиху считать человеком, то и телеграфный столб может расцвести цветами». [Положение женщины-работницы в Японии.] — Ком. интерн., 4—5 (346—347), стр. 52—55.

Шпиндлер, В. И. Химический импорт Японии. — В сб. Импортные рынки стран Востока, стр. 154—62.

Южный, А. Наступление японской пехотной дивизии на обороняющегося противника. [В маневренной войне.] — Война и революция, 3, стр. 60—73.

Япония. [Стат. данные о работе патентного ведомства в 1923—1932 г.]. — Вестн. Ком-та по изобретательству, 7 (105), стр. 21—22.

Японская консервная промышленность. [«The New-York journal of commerce section Two-Japan»]. — Консерв. пром-сть. [«Иносвязь»], 3 (21), стр. 17—20.

Японский империализм, Китай, Манчжурия и державы. [Иностр. лит-ра. Рецензии.] — Иностр. книга, 10 (14), 1932, стр. 22—23.

Японский устав боевого применения артиллерии. Пер. и прим. В. М. Козловского. Под ред. и с пред. Н. М. Роговского. М., Гос. воен. изд., 47 стр.

Японско-китайская война. [Аннот. список статей из иностр. журн.]. — Иностр. книга, 10 (14), 1932, стр. 54.

Приложение

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО ВОСТОКУ

Сводка анкетных данных, поступивших в Институт востоковедения Академии Наук СССР

Публикуемая сводка исчерпывает все анкеты, поступившие в Институт востоковедения до 1 апреля 1934 г.

Институт востоковедения, прилагая к предыдущему и настоящему выпускам экземпляры анкет, надеется на значительное расширение настоящей сводки, задачей которой является содействие широкой информации и планированию, ведущейся в СССР библиографической работы по Востоку.

Подробные данные помещаемой здесь сводки находятся в Институте Востоковедения, откуда организации и отдельные лица могут эти данные получить.

Наименование учреждения или фамилия, имя, отчество	Тема библиографической работы	Степень готовности работы
Бендер, И. Г.	Евреи на зарубежном Востоке по данным еврейской период. печати XIX и XX вв.	1100 названий (работа продолжается)
Бодров, Ан. И.	1. Октябрьская революция и гражданская война на Сев. Кавказе	1. Готова к печати (280 назв.)
	2. Экономика пореволюционного периода Сев. Кавказа	2. В процессе работы
	3. История горских народов Сев. Кавказа	3. В процессе работы
Боровой, С. Я.	Литература по истории евреев, издания СССР. 1917—1932 гг.	Частично материал собран
Виткинд, Н Я.	1. Сов. Восток. Национальный вопрос	1. 20 печ. листов
	2. » » Гражданская война	2. 3 печ. листа
	3. Казакстан. Соц. строительство	3. Готова на половину
Вольценбург, О. Э.	Библиография изобразительного искусства народов Востока (архитектура, живопись, скульптура, графика и прикладное искусство)	Собрано около 1000 названий

(Продолжение)

Наименование учреждения или фамилия, имя, отчество	Тема библиографической работы	Степень готовности работы
Гаррицкий, А. А.	1. Указатель статей и заметок в русской средне-азиатской периодической печати с 1870 г. по 1917 г. по революционному и национальному движению в Средней Азии	1. Указатель готов в количестве 812 наименований
	2. Краткий библиографический указатель по басмачеству в Восточной Бухаре (прилож. к работе: «Исторический очерк басмачества в Восточной Бухаре»)	2. Указатель готов, в алфавитном порядке авторов и названий
	3. Краткая биография 200 главнейших басмаческих «курбаши» (приложен. к упом. работе)	3. Указатель биографий готов на карточках
	4. Указатель литературы по Ташкенту и его окрестностям	4. Указатель готов на карточках
Дворецкова, К. И.	Материалы и источники для изучения калмыков и Калмобласти. Указатель книг и статей о калмыках	Собрано 4131 названий
Ершов, С. А.	Общий библиографический указатель литературы по Туркменской ССР	Составлено 4000 карточек
Крачковская, В. А.	Мусульманское искусство: археология, эпиграфия, палеография	В стадии работы
Крачковский, И. Ю.	1. Новоарабская литература	Основной материал собран
	2. Арабская поэзия	
	3. Арабский диалект Сирии	
	4. История арабистики	
Клягина-Кондратьева, М. И.	Систематический указатель литературы по языкам Индии (по 30 новоиндийским языкам)	Работа закончена
Лунин, Б. В.	1. Библиография археологической и этнографической литературы	Закончены указатели пореволюционной литературы (по 1933 г.); указатели предшеств. времени — в стадии работы
	2. Библиография по истории кавказоведения	
Маракуев, А. В.	1. Библиография Манчжурии (только советская и дореволюционная русская литература)	Собрано 1000 названий
	2. Корея и корейцы ДВК (обзор советской и русской дореволюционной литературы)	Работа закончена
Матвеев, З. Н.	Библиография Японии (1917—1932)	Имеется 10 печ. листов
Нейман, И. Я.	Систематический указатель литературы о караимах на русском, западноевроп. и ближне-восточн. языках с начала книгопечатания до нашего времени	Объем около 10 печ. листов

(Продолжение)

Наименование учреждения или фамилия, имя, отчество	Тема библиографической работы	Степень готовности работы
Скачков, П. Е.	Библиография Китая на русском языке. Продолжение вышедшей работы	За время с 1930 г. до 1 января 1934 г. работа закончена (на карточках и пиш. машинке)
	Библиография Китая на Европейских языках за 1911—1935 гг.	Работа начата в 1935 г.
Тюнин, М. С.	Указатель периодических и повременных изданий, вышедших в г. Харбине	Приготовляется к печати, за время с 1927 по 1932 г. включ.
Урекляи, Л. А.	Periodica Transcaucasica (подробн. библиографический указатель с начала книгопечатания в Закавказьи до 1932 г. всех повременных изданий, вышедших на территории Закавказья на русском и местных языках)	Собирается материал
Шастина, Н. П.	Библиография монгольских племен:	
	ч. I. Библиография по МНР	ч. I. Подготовляется к печати
	ч. II. Библиография по Бурятии, Тувинской нар. респ. и пр.	ч. II. Подбирается материал

Цена 7 руб.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится Сектором распространения Издательства Академии Наук. Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, тел. 5-92-62

Представителем по распространению в Москве и Московской области является Книготорговое объединение Государственных издательств (КОГИЗ).